

УПРАВЛЕНИЕ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ДРЕВНЯЯ УФА»
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Р.Г. КУЗЕЕВА УФИЦ РАН
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ.М. АКМУЛЛЫ
ВСЕМИРНЫЙ КУРУЛТАЙ (КОНГРЕСС) БАШКИР

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБЩЕСТВА ЕВРАЗИИ: ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР

**Международный научный симпозиум,
посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора,
академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора
исторических наук Н.А. Мажитова**

г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

г. Уфа
Республика Башкортостан
Российская Федерация

УДК 93/94
ББК 63
Д73

Редакционная коллегия: Азнабаев Б.А., заведующий кафедрой истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Института истории и государственного управления БашГУ; Акманов А.И., и.о. вице-президента Академии наук Республики Башкортостан; Батталова Г.Т., директор ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»; Гайнуллин Д.А., руководитель ГБУ Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан; Зилькарнаев М.М., генеральный директор Национального музея Республики Башкортостан; Кортуннов А.И., директор Института исторического и правового образования БГПУ им. М.Акмуллы; Мухаметзянова-Дуггал Р.М., врио директора Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН; Овсянников В.В., заведующий отделом археологических исследований Ордена Знак почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН; Проценко А.С., научный сотрудник ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»; Султанова А.Н.; Фаткуллин И.З., начальник Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан; Фролова И.В., заместитель директора по научной работе Института истории и государственного управления БашГУ; Хамидуллин С.И., директор АНО «Центр изучения исторического наследия Башкортостана «Шежере»

Ответственный редактор: Уразова А.И., и.о. директора Института истории и государственного управления БашГУ

Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов/ под общ. ред. А.И.Уразовой. – Уфа: Мир печати, 2018. – 263 с.

ISBN 978-5-7477-4777-7

В сборнике представлены материалы Международного научного симпозиума, посвященного памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. Рекомендуются ученым, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, а также специалистам, интересующимся проблемами взаимодействия культур Евразии в древности и средневековье, археологией средневекового города, этнической историей башкирского народа.

Представленные материалы публикуются в авторской редакции.

В эмблеме симпозиума (автор – Л.Р. Сагитова) использовано изображение фигурки всадника из Бирского могильника (Бирский район Республики Башкортостан), раскопки Н.А. Мажитова 1983 г.

УДК 93/94
ББК 63

ISBN 978-5-7477-4777-7

© ФГБОУ ВО «БашГУ», оформление 2018
© ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»
© Академия наук РБ

СОДЕРЖАНИЕ

МАЖИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

<i>Ахатов А.Т.</i> «Академический» этап жизни Нияза Абдулхаковича Мажитова (1956-1979 гг.).....	6
<i>Буканова Р.Г.</i> «Минең бер уземдең көсөм етмэй!»	18
<i>Иванов В.А.</i> Формирование и развитие Н.А. Мажитовым концепции этнической истории Южного Урала в эпоху средневековья.....	18
<i>Калмантаев Н.М.</i> Общественная и политическая деятельность Н.А.Мажитова	27
<i>Колонских А.Г.</i> Исследования поселений бахмутинской культуры по данным полевых дневников Н.А. Мажитова	33
<i>Кызласов И.Л.</i> Взаимодействие культур Евразии: познавательная сила археологии (эпоха Средневековья)	39
<i>Лясович В.И.</i> Участие Н.А.Мажитова в дискуссии о происхождении мазунинской археологической культуры	47
<i>Обыденнов М.Ф.</i> Академик Н.А. Мажитов и музейное строительство ...	55
<i>Савельев Н.С.</i> К истории создания «Археологической карты Башкирии»	64

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Воробьева С.Л.</i> Влияние носителей пьяноборской культуры на раннесредневековое население Южного Урала (историографический обзор).....	70
<i>Грудочко И.В. , Боталов С.Г. , Газизова, С.Р. Тюрк А.</i> Хронология могильника Уелги (сравнение радиоуглеродных и археологических датировок).....	78
<i>Красноперов А.А.</i> Мелкие нашивные украшения из Бирского могильника.....	85
<i>Куфтерин В.В.</i> К вопросу об участии населения пьяноборской культуры в формировании народов Волго-Камья: дискретные признаки на черепках из Ново-Сасыкульского могильника	98
<i>Самашев З.</i> К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана.....	109

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

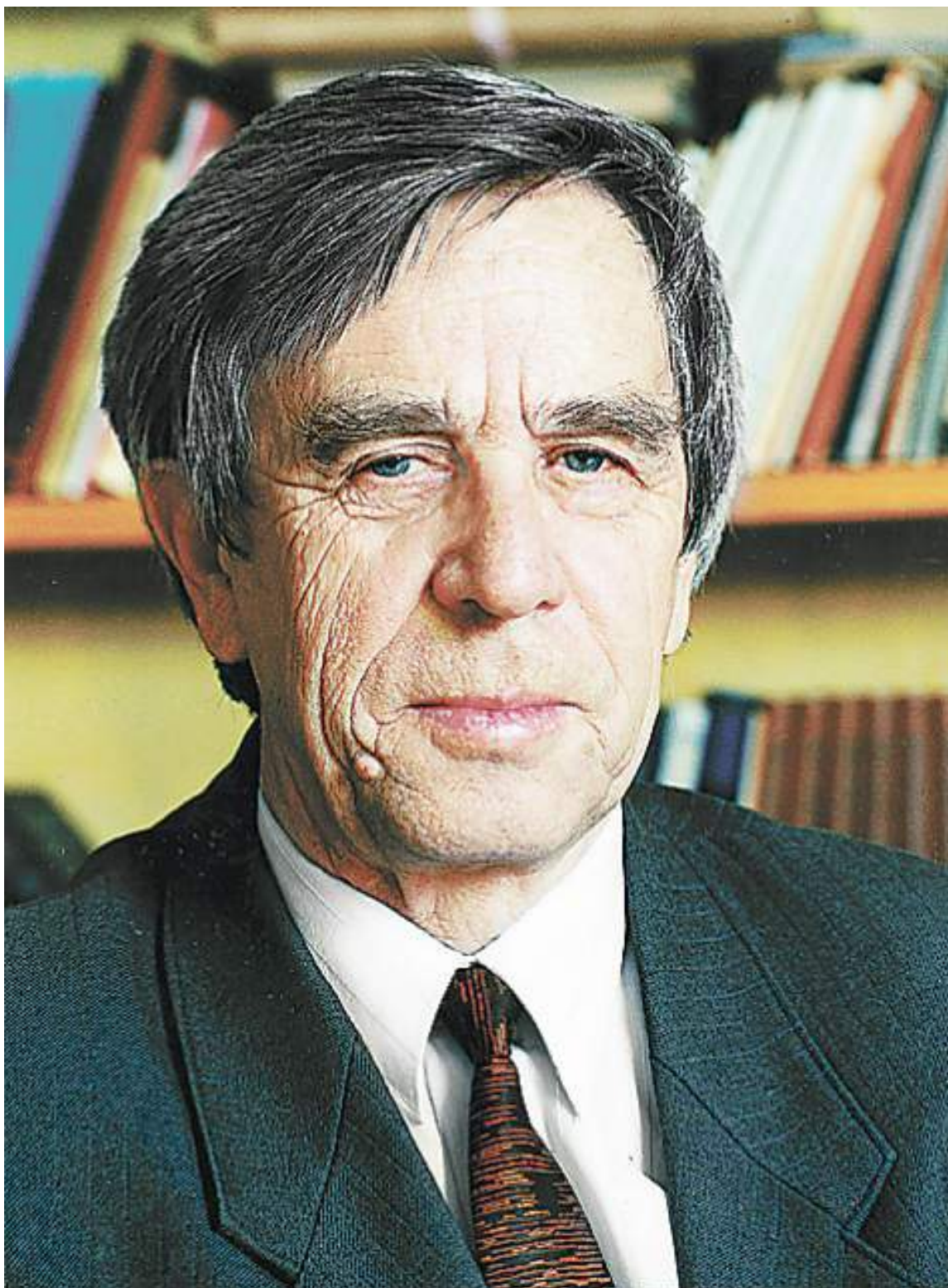
<i>Белавин А.М.</i> Торговые фактории болгар как фактор ранней урбанизации Пермского Предуралья в эпоху средневековья	118
<i>Крыласова Н.Б.</i> Планировка внутреннего пространства Рождественского городища.....	125
<i>Хамидуллин С.И.</i> К проблеме городов средневековой Башкирии	135

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

<i>Азнабаев Б.А.</i> Предпосылки создания «Общества по изучению Башкирии» в 1922 г.....	144
<i>Акьюлов А.С.</i> Деятельность губернатора В.А. Перовского по исследованию Оренбургского края.....	150
<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Алаша /реку/: сакральный символ истории тюрков (опыт этимологического анализа)	155
<i>Газизов Р.Р.</i> К вопросу о создании Союза башкирской молодежи	164
<i>Исянгулов Ш.Н.</i> Погребальный обряд в устном народном творчестве башкир	167
<i>Султанова Г.Д.</i> Исторический контекст приобщения башкир к алкогольным напиткам	184
<i>Хасанова З.Ф.</i> Этническая история башкир-китайцев на территории инзерского бассейна.....	184
<i>Шагапова Г.Р.</i> Альчики: археологические и этнографические материалы Южного Урала	190
<i>Ширгазин Р.З.</i> История создания Общества по изучению Башкирии....	193
<i>Шнанов У.Р.</i> Историческое значение тамги как символа тюркских народов	198

«ГОРОДИЩЕ УФА-II»: НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

<i>Белявская (Крапачева) О.С. , Проценко А.С.</i> Керамический комплекс Городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху средневековья (по материалам раскопок 2017 года).....	204
<i>Ишбирдин А.Р.</i> Реконструкция материальной культуры по материалам раскопок городища Уфа-II	225
<i>Курманов Р.Г.</i> Природные и культурные ландшафты городища Уфа-II (обобщение палинологических материалов)	227
<i>Нигматуллина З.Ф.</i> Формирование и комплектование фондов Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа»	233
<i>Сулейманов Р.Р. , Кунгурцев А.Я.</i> Почвенно-морфологические особенности культурного слоя городища «Уфа-II»	238
<i>Юрченко А.Г.</i> Город Башкорт в Каталонском атласе 1375 года: факты и интерпретации	242

Мажитов Нияз Абдулхакович
(1933-2015)

Доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук
Республики Башкортостан, кавалер ордена Салавата Юлаева

МАЖИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

А.Т. Ахатов

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
г. Уфа, Российская Федерация
«Академический» этап жизни Нияза Абдулхаковича Мажитова (1956-1979 гг.)

A.T. Akhatov

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
«Academic» stage of life Niyaz Abdulkhakovich Mazhitov (1956–1979)

The article deals with the early stage of the life and work of the famous Russian archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor Niyaz Abdulkhakovich Mazhitov, associated with the work at the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences (1956-1979).

A graduate of Perm State University, where N.A. Mazhitov was carried away by archeological science, he became the first archaeologist in the Republic to receive this specialization being a university student. After graduating from the university in 1956, he was assigned to work at the IHLL, where he worked until 1977. After having worked his way up from junior researcher to the head of the sector, he has proved himself to be a purposeful, talented scientist and a leader, an active organizer of archaeological expeditions.

In 1977 N.A. Mazhitov moved to work at the Bashkir State University. In 1978–1979 teaching activities in BSU combined with research in the IHLL. Beginning from 1979 and until the end of his life, Niyaz Abdulkhakovich worked at the History Faculty of the Bashkir State University.

Key words: N.A. Mazhitov, experience and background, Institute of History, Language and Literature, medieval archeology, The Southern Urals.

В настоящее время для современного общества характерна актуализация познавательного интереса к биографическим исследованиям, о чем свидетельствуют разные формы представления биографий – от традиционных в печатном виде до различных телевизионных передач, профессиональных сайтов и блогов [Медведева, 2016.С. 198].

Показательным в этом плане является масштабный телевизионный проект «100 имен Башкортостана», посвященный 100-летию со дня образования республики (1919–2019 гг.), проводившийся в несколько этапов в течение 2016–2017 гг. Телепроект, направленный на выбор значимых персоналий, чьи жизнь и творчество связаны с историей становления и развития РБ, должен закончиться циклом документальных фильмов снятых о них, часть из которых уже вышла на экран. [Телевизионный проект «100 имён Башкортостана»].

В итоговой список вошел и археолог Нияз Абдулхакович Мажитов, внесший фундаментальный вклад в становление и развитие археологической науки в Башкортостане, имя которого широко известного не только в республике, но и далеко за ее пределами.

Биографическую канву жизни Н.А. Мажитова по роду его деятельности, на наш взгляд можно условно разделить на два основных периода.

Первый этап (1956–1979 гг.) – «академический» приходится на время его работы в Институте истории языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук*. Вторым период (1979–2015 гг.) – «университетский» – был связан с работой Н.А. Мажитова на историческом факультете Башкирского государственного университета. Здесь особо можно выделить 1996–2009 гг., когда Нияз Абдулхакович в качестве Председателя Исполкома Всемирного курултая башкир и Председателя Совета Ассамблеи народов Республики Башкортостан уделял большое внимание общественной работе.

Публикаций о Н.А. Мажитове на данный момент немного. Отдельные аспекты жизнедеятельности ученого затрагиваются в статьях Н.М. Кулбахтина, М.М. Кульшарипова, Р.З. Янгузина [Кулбахтин, Кульшарипов, Янгузин, 2004], В.А. Иванова [Иванов, 2008], И.А. Шутелевой, Н.Б. Щербакова [Шутелева, Щербаков, 2013], А.Г. Колонских [Колонских, 2013], И.В. Антонова [Антонов, 2016], Р.Р. Руслановой [Русланова, 2018], Т.И. Останиной [Останина, 2018], опубликованных преимущественно в сборниках, посвященных Ниязу Абдулхаковичу.

Среди указанных работ особое место занимают публикация В.А. Иванова [Иванов, 2008] и коллективная статья Н.М. Кулбахтина, М.М. Кульшарипова, Р.З. Янгузина [Кулбахтин, Кульшарипов, Янгузин, 2004], в которых достаточно подробно рассматриваются вклад Н.А. Мажитова в развитие археологической науки в Башкортостане, его научные взгляды и интересы на разных этапах жизни.

* В настоящее время Институт истории языка и литературы – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Вместе с тем, даже краткий историографический обзор свидетельствует, что в основной части имеющейся литературы анализируются научная, организаторская и общественная деятельность ученого, однако работ, отражающих в целом его биографию, особенно ранние годы, практически нет. Некоторые краткие сведения о жизни Нияза Абдулхаковича представлены в статьях самого ученого [Мажитов, 2013. С. 5-7], Кулбахтина, М.М. Кульшарипова, Р.З. Янгузина [Кулбахтин, Кульшарипов, Янгузин, 2004], В.А. Иванова [Иванов, 2008], А.Н. Султановой [Султанова, 2013], в биографических справках, подготовленных к его юбилеям [Вице-президенту АН РБ, 2009; Академику АН РБ, 2013] и в биобиблиографических указателях [Академик. Историк–археолог, 2013; Академик. Историк–археолог, 2013А].

Цель настоящей работы – на основе имеющихся исследований и архивных материалов более подробно изучить жизнь и деятельность Нияза Абдулхаковича в период его работы в ИИЯЛ УФИЦ РАН (1956–1979 гг.). Это позволит не только расширить знания о его биографии, но и сквозь призму его биографических данных рассмотреть, как проходило становление и развитие археологической науки в Башкортостане в 1950–1970 гг.

Источниками изучения стали документы из Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, прежде всего «Личное дело заведующим сектором, к.и.н. Мажитова Нияза Абдулхаковича» [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161.]. Так же использовались воспоминания историка В.П. Чемериса, почти тридцать лет проработавшего ученым секретарем в ИИЯЛ, являвшегося непосредственным участником тех событий которые происходили в эти годы в институте [Чемерис, 2012].

Н.А. Мажитов родился 20 августа 1933 г. в деревне Тугай Гафурийского района Башкирской АССР. В 1941–1948 гг. последовательно учился в Тугаевской начальной, Имендязевской неполной и 9-ой Уфимской городской средней школах**. В 1951–1956 гг. Нияз Абдулхакович обучался на историческом отделении историко-филологического факультета в Молотовском государственном университете им. А.М. Горького*** [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 16, 76.], где под влиянием известного исследователя Отто Николаевича Бадера увлекся археологией [Мажитов, 2013. С. 5].

В середине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Советском Союзе в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. «Об улучшении распределения и использования

**В настоящее время Башкирская республиканская гимназия-интернат № 1 имени Рами Гарипова, в которую Нияз Абдулхакович поступил в 1948 г. [Академик. Историк-археолог, 2013. С. 3].

*** В настоящее время Пермский государственный национальный исследовательский университет.

специалистов высшей и средней квалификации» выпускников высших и средних специальных учебных заведений принудительно распределяли по местам работы. Отправляли их в основном в небольшие поселки и деревни, расположенные далеко от крупных научных и промышленных центров [Конохова, 2012.С. 233-234]. Однако Нияз Абдулхакович сумел добиться того, что бы его направили на работу в Уфу.

Отличительной чертой характера Нияза Абдулхаковича, сопровождавшей его всю жизнь, была особая целеустремленность. Она проявилась, когда он, будучи школьником, приехал из деревни в город и добился зачисления в будущую гимназию № 1 им. Р. Гарипова, куда его не хотели брать ввиду некоторых возрастных ограничений [Султанова, 2013. С. 4]. Его «целенаправленность в работе» отмечалась и известным археологом К.В. Сальниковым [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 20.]. Помогала она ему и тогда, когда он, став маститым ученым, провел огромную работу по организации защиты уникального археологического памятника расположенного в центре г. Уфы – городища Уфа-II [Мажитов, 2013.С. 6-7, 229-251].

Вот и в последние месяцы обучения, в мае 1956 г., будучи еще студентом 5-го курса, Н.А. Мажитов обратился к Председателю Президиума Башкирского филиала Академии наук СССР Г.В Вахрушеву. с письмом-заявлением, где написал о своем желании после окончания вуза вернуться в Башкирию с тем, чтобы «заниматься изучением истории башкирского народа». В связи с этим он спрашивал о вакансии историка, археолога и в случае ее наличия просил «сделать запрос в Министерство образования СССР и МолГУ о том, чтобы после окончания университета» его направили к ним на работу. Письмо было передано директору ИИЯЛ Харисову А.И., поддержавшего молодого выпускника [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 5.].

Весной 1956 г. Нияз Абдулхакович был направлен комиссией Молотовского университета по распределению молодых специалистов на работу в г. Уфу [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 6, 37.]. Несмотря на то, что на письме-заявлении стояла виза директора «Считаю целесообразным принять тов. Мажитова, по окончании МоГУ, лаборантом по археологии и этнографии», ввиду отсутствия на тот момент данной вакансии, его взяли на работу сразу в качестве младшего научного сотрудника [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 5, 39.]. Очевидно, на принятое решение повлиял уже имеющийся исследовательский опыт Нияза Абдулхаковича, которого В.А. Оборин, долгое время являвшийся руководителем Камской археологической экспедицией охарактеризовал как «хорошего полевого работника и вдумчивого исследователя-археолога, способного вести самостоятельную научную работу» [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 17.].

Прибывший по направлению молодой специалист в июле 1956 г. был зачислен в штат Института истории языка и литературы младшим научным сотрудником. Осенью (с 9 сентября до 1 ноября 1956 г.) он, некоторое время проработав старшим лаборантом, вновь был переведен на прежнюю должность [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 39-39 об., 40.].

Н.А. Мажитов пришел в ИИЯЛ в период становления археологической науки в республике, к формированию и развитию которой он имел непосредственное отношение. Еще в 1953-1954 гг. в институте были открыты новые научные направления: археология, этнография и народное зодчество. Существовавший до этого сектор истории был преобразован в сектор истории, археологии и этнографии, из которого в 1959 г. выделился самостоятельный сектор археологии и этнографии [Сулейманова, Исянгулов, 2007.С. 32-33].

В это время в стенах Института, ставшего многопрофильным научно-исследовательским учреждением, формировался коллектив творческой, талантливой научной гуманитарной интеллигенции, который в последующем многие годы питал и сам институт, и вузы (Башкирский государственный университет, Башкирский государственный педагогический университет) и другие учреждения республики [Чемерис, 2012.С. 104-105]. Как писал позднее сам Нияз Абдулхакович, «огромное везение для любого молодого специалиста попасть в такой интересный коллектив, какой сложился в 1960-1970-е гг. в секторе археологии и этнографии» [Мажитов, 2013.С. 5].

Устроившись на работу, Н.А. Мажитов сразу включился в научно-исследовательский процесс, организовывая с 1957 г. археологические экспедиции в основном в северо-западные и северные районы республики. Здесь в рамках выполнения научно-исследовательской темы сектора истории, археологии и этнографии «Древняя история Башкирии» (подраздел «Нижне-Бельское городище»****), заявленной на 1957-1960 гг. [НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 75.], он изучал преимущественно памятники бахмутинской культуры [Колонских, 2013].

В дальнейшем Нияз Абдулхакович продолжил свои исследования в рамках указанной темы, которая была продлена и включена в план сектора на 1959-1965 гг. [НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 11-12, 24.]. В 1961 г. на работу в ИИЯЛ пригласили К.В. Сальникова, широко известного на Урале вузовского преподавателя, ученого, который возглавил сектор археологии, этнографии и искусства [Чемерис, 2012.С. 98]. Он стал руководителем темы НИР на 1962-1964 гг. «Древняя история Башкирии. Эпоха бронзы и раннего железа», подразделявшейся на три раздела. Нияз Абдулхакович был исполнителем одной из подтем – «Население северных

****Весной 1958 г. название было скорректировано и звучало как «Городища среднего течения р. Белой» [НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 30-37.].

районов Башкирии в I тыс. н.э.» [НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 2. Д. 214. Л. 6, 12.].

Результатом его исследований конца 1950-х – начала 1960-х гг. стала подготовка и защита в 1963 г. в Москве в Институте археологии АН СССР кандидатской диссертации «Бахмутинская культура: (Население Северной Башкирии в середине I тысячелетия нашей эры)» [Мажитов, 1963] и публикация в 1968 г. на ее основе монографии «Бахмутинская культура» [Мажитов, 1968].

Через два года после защиты, в апреле 1965 г. он был избран на должность старшего научного сотрудника по специальности археология, а еще через пять лет, в апреле 1968 г. назначен заведующим сектором археологии и этнографии ИИЯЛ. К этому времени Нияз Абдулхакович был женат и со своей супругой Леной Ахметовной воспитывал двоих детей – сына Ирека и дочь Альфию [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 2, 4 об., 36].

Впоследствии Альфия Ниязовна, увлекшись еще в школьные годы археологией, пошла по стопам отца, стала коллегой и соавтором его работ. В 1976 г. она поступила на исторический факультет БашГУ, закончив который преподавала в Стерлитамакском государственном педагогическом институте, затем в Башкирском государственном университете. С 1984 г. она проводила собственные археологические экспедиции [Круглов, 2009. С. 170]. В 2000 г. А.Н. Султанова защитила диссертацию по теме «Бирский могильник: историко-археологическая характеристика» [Султанова, 2000].

С 1965 г. дальнейшая научно-исследовательская деятельность Н.А. Мажитова была тесно связана с исполнением темы НИР сектора археологии и этнографии «Археологическая карта Южного Урала», запланированной на 1965-1970 гг. [НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 269. Л. 9, 16-17.] руководителем которой с 1965 г. стал сам Нияз Абдулхакович [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 21.]. В результате проделанной коллективом археологов колоссальной работы в 1976 г. ими был опубликована «Археологическая карта Башкирии» – первый систематизированный свод археологических памятников на территории республики [Археологическая карта Башкирии, 1976].

В рамках выполнения темы НИР в этот период Нияз Абдулхакович ведет поиски и раскопки памятников VIII-XIV вв. на севере, северо-востоке современного Башкортостана и в степной зоне Южного Приуралья, в том числе в Оренбуржье, концентрируя свое внимание на проблеме выявления археологической культуры древних башкир [Иванов, 2008. С. 72-73]. Итогом этого этапа его научной деятельности стали вышедшие в 1977 г. монография «Южный Урал в VII–XIV вв.» [Мажитов, 1977] и опубликованное в 1981 г. научное издание «Курганы Южного Урала VIII–XII вв.» [Мажитов, 1981].

В середине 1970-е гг. он принимает участие в организации современного Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН созданного по постановлению бюро обкома КПСС от 20 января 1976 г. [НА РБ, Ф. 122. Оп. 190. Д. 164. Л. 2.]. Н.А. Мажитов возглавлял группу археологов, которая занималась разработкой тематико-экспозиционного плана и созданием археологического зала будущего музея [НА УНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 32.]. Сам Нияз Абдулхакович непосредственно занимался подготовкой раздела «Раннее и позднее Средневековье» [НА УФИЦ РАН Ф.3. Оп. 1. Д. 407. Л. 63-66, 69-96, 136-140, 153-158].

В связи с упразднением сектора археологии и этнографии с 15 октября 1976 г. Н.А. Мажитов был переведен с должности заведующего на должность научного сотрудника сектора археологии, этнографии и народного искусства с музеем археологии [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 2, 72.]. В сентябре 1977 г. Н.А. Мажитов перешел работать в Башкирский государственный университет, где в качестве и.о. доцента читал студентам курсы лекций по археологии. В апреле 1978 г. он возвращается в ИИЯЛ, совмещая научную деятельность в институте с преподавательской в университете. Однако в августе 1979 г. Н.А. Мажитов окончательно уходит из академической системы РАН на исторический факультет БашГУ [НА УФИЦ РАН Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161. Л. 2, 10, 76.], где продолжает работать до самой своей смерти в 2015 г.

Таким образом, имеющиеся исследования и архивные документы позволяют более подробно рассмотреть «академический» этап жизни Нияза Абдулхаковича Мажитова, который приходится на время его работы в Институте истории языка и литературы. Придя в ИИЯЛ сразу после окончания университета в 1956 г., он проработал здесь с небольшим перерывом до 1979 г. Пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором, показал себя целеустремленным, талантливым ученым и руководителем, активным организатором археологических экспедиций. Данный этап жизни Н.А. Мажитова пришелся на период становления археологической науки в республике, к формированию и развитию которой он имел непосредственное отношение.

Список источников и литературы

Академик. Историк–археолог. Мажитов Нияз Абдулхакович. Биобиблиография с цветными вклейками. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 50 с.

Академик. Историк–археолог. Мажитов Нияз Абдулхакович. Биобиблиография со списком памятников, открытых и исследованных Н.А. Мажитовым. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013А. 44 с.

Академику АН РБ, профессору БашГУ Мажитову Ниязу Абдулхаковичу – 80 лет // Проблемы Востоковедения. 2013. № 3 (61). С. 104-105.

Антонов И.В. Полевые дневники археологических экспедиций в Научном архиве Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук // Научный альманах. 2016. № 1-3 (15). С. 195-205.

Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 263 с.

Вице-президенту АН РБ Академику АН РБ, профессору Башкирского государственного университета Ниязу Абдулхаковичу Мажитову – 75 лет // Проблемы востоковедения. 2009 № 1 (43). С. 181.

Иванов В.А. Звездные часы в жизни Академика АН РБ Н.А. Мажитова // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2008. Т. 13. № 3. С. 68-73.

Колонских А.Г. Академик Н.А. Мажитов о бахмутинской культуре Приуралья (краткий историографический обзор) // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летнему юбилею Н.А. Мажитова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 33-37.

Конохова А.С. «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения...»: система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «оттепели» // Новейшая история России / Modernhistory of Russia. 2012. № 3 С. 233–242.

Круглов Е. Л. Юбилей в интерьере раскопа (к юбилею Альфии Ниязовны Султановой) // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. 2009. С. 170-171.

Кулбахтин Н.М., Кульшарипов М.М., Янгузин Р.З. Неутомимый ученый и общественный деятель (К 70-летию профессора, член-корр. АН РБ персоналии Н.А. Мажитова) // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию крупного археолога-историка и общественного деятеля, член-корреспондента АН РБ, профессора Н.А. Мажитова. Уфа: РИО БашГУ. 2004. С. 3-16

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: (Население Сев. Башкирии в середине I тысячелетия нашей эры): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Акад. наук СССР. Ин-т археологии. Москва: [б. и.], 1963. 16 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 166 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука», 1981. 163 с.

Мажитов Н.А. Вопросы древней и средневековой истории башкирского народа. Уфа: Гилем, 2013. 296 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Медведева Е.В. Классификация биографий как один из методов биографики в контексте исследований библиотечной отрасли // Вестник

Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2016 № 2 (22). С. 198-205.

НА РБ. Ф. 122. Оп. 190. Д. 164.

НА УНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282.

НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 167.

НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 183.

НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 269.

НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 73.

НА УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 2. Д. 214.

НА УФИЦ РАН Ф.3. Оп. 1. Д. 407.

НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1161.

Останина Т.И. Роль башкирских археологов в изучение Мазунинской / Бахмутинской культуры // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди: сборник научных статей. Вып. 3. Уфа: РИЦ БашГУ. 2018. С. 106–116.

Русланова Р.Р. История полевых исследований Бирского могильника // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди: сборник научных статей. Вып. 3. Уфа: РИЦ БашГУ. 2018. С. 91-98.

Сулейманова Р.Н., Исянгулов Ш.Н. Флагман академической науки // Башкортостан Флагман академической науки Башкортостана. Уфа: Гилем, 2007. С. 32-33.

Султанова А.Н. Слово юбиляру // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летнему юбилею Н.А. Мажитова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 4-6.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06. - Уфа, 2000. 22 с.

Телевизионный проект «100 имен Башкортостана». Режим доступа: // <http://tv-rb.ru/100-names/> (дата обращения: 01.11.2018).

Чемерис В.П. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук: пройденный путь (1952–1967 гг.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 152 с.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Нияз Абдулхакович Мажитов и проблемы изучения археологического наследия северных районов Башкирии // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летнему юбилею Н.А. Мажитова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 11-17.

Список сокращений

БашГУ – Башкирский государственный университет.

ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан.

НА УФИЦ РАН – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Р.Г. Буканова
Уфимский юридический институт МВД РФ
Уфа, Российская Федерация

«Минең бер уземдең көсөм етмэй!»

R.G. Bukanova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Ufa, Russian Federation
“It’s impossible for me alone”

N.A.Mazhitov is the author of the concept of the existence at the site of the archaeological monument Ufa-II of the ancient city of Bashkort. This city under the names “Paskerti”, “Pacsherti” is indeed depicted on medieval European maps: the Italian merchants Francisco and Domenico Pitsigani (1367), as well as in the atlas of the Flemish cartographer Gerard Mercator. The well-known Soviet archaeologist V.L. Egorov also believed that the name of the city “Pacsherti” comes from the ethnonym “Bashkort”.

However, N.A. Mazhitov understood that this concept needs additional substantiation. He considered it necessary to combine the efforts of archaeologists, historians and representatives of other sciences to study the history of the medieval cities of our region.

Keywords: archaeological monument Ufa-II, Bashkort, N.A. Mazhitov, P.F. Ischerikov, V.L. Egorov, A.V. Pyanchin, A.A. and F.W. Kamalov.

«Нисек итеп зур Башкорт калаһын халкыбызга еткерергә инде? Минең бер уземдең көсөм етмэй! Нияз Мажитов. 27.04.09». На русском языке эти слова звучат так: «Как же мне донести до народа историю большого города «Башкорт»? Мне одному это непосильно». Они были написаны рукой Н.А. Мажитова на внутренней стороне обложки подаренного автору этих строк журнала «Вестник Академии наук Республики Башкортостан» за 2007 год, где была напечатана его статья о древнем городе Башкорт.

Эти слова звучат сегодня как эпитафия к первым Мажитовским чтениям, посвященным памяти известного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Нияза Абдулхаковича Мажитова. Каждый из участников симпозиума в той или иной степени будет причастен не только к изучению научного наследия ученого, но и к популяризации его идей, в том числе его концепции о местонахождении города Башкорт на месте археологического памятника Уфа-II.

Изучение городища Уфа-II «на сугубо археологическом материале» было начато еще в 1957-1958 гг. П. Ф. Ищериковым и Н. А. Мажитовым. Как вспоминал Н.А. Мажитов, «полученный материал уже тогда свидетельствовал в пользу того, что городище Уфа-II является одним из крупнейших археологических памятников обширного южноуральского региона эпохи Средневековья, а также давал повод рассматривать его в качестве крупного населенного пункта, функционировавшего в ранге политического и культурного центра» [Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2008. С. 33]. Однако в то время ученые ограничились лишь подробным отчетом и описанием полученного вещественного материала. В связи с начавшейся застройкой данной территории в 2006-2011 гг. «в целях сохранения памятника археологии V–XVI веков н.э. – городища Уфа-II» постановлением правительства Республики Башкортостан было решено вновь возобновить охранные раскопки [Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2008. С. 7]. Теперь предстояло изучить городище не только как археологический памятник, а обосновать существование на территории современной Уфы большого города, являвшегося главным городом на территории исторического Башкортостана.

Прежде постановка такой задачи не представлялась возможным: советская историческая наука не признавала наличие городов у степных народов. Наряду с проведением археологических изысканий, башкирским археологам пришлось приложить немало усилий, чтобы, изучив средневековые карты и письменные источники и сопоставив их с археологическими находками, придти к выводу о существовании в V-начале XVI на территории современного г. Уфа средневекового города. По утверждению Н.А. Мажитова это был город Башкорт, получивший впоследствии название Уфа [Вестник Академии наук Республики Башкортостан, 2007. С. 39-44].

Город Башкорт (Паскертти) действительно встречается на карте, составленной в 1367 г. итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани, а также в атласе фламандского картографа Герарда Меркатора под названием Passherti. В советской историографии эти карты были подробно исследованы известным археологом В.Л. Егоровым, который считал, что названия города «Паскертти», «Пашерти» происходят от этнонима «башкорт» [Егоров, 1985. С. 131]. Впоследствии эти карты были исследованы А.В. Псянчиным [Псянчин, 2001], А.А. и Ф.У. Камаловыми [Камаловы, 2001. С. 62], Н.А. Мажитовым и другими.

На карте братьев Пицигани город Паскертти был изображен ниже г. Сибур (Сибирь) и расположен по левому берегу верхнего течения р. Этиль, что ныне соответствует среднему и нижнему течению р. Камы. По мнению В.Л. Егорова, город должен был находиться восточнее, так как башкиры жили значительно восточнее, в предгорьях Урала. Он уточняет, что место

расселения башкир «довольно точно обозначено на этой карте: к юго-востоку от Эдия в значительном удалении от г. Пакерти (что соответствует Предуралью) нанесено название «Пашерти». Оно представляет один из вариантов наименования башкир в средневековых источниках» [Егоров, 1985. С. 131-132]. Действительно, на другой карте – на фрагменте из атласа фламандского картографа Герарда Меркатора – главный город Pascherti (Башкорт) изображен у слияния рек Белой и Уфы, именно там, где, по мнению В.Л. Егорова находилась основная территория расселения башкир [Псянчин, 2001. Приложения].

Происхождение этнонима башкорт, а также одноименного названия средневекового города исследователи связывают с именем хорошо известного по русским летописям половецкого хана Башкорт, жившего в XII веке [Кучумов, 1995; Мажитов, 2010; Баширов, 2017. С. 87-93]. По сохранившимся письменным и картографическим источникам можно судить о наличии на месте современного города Уфа и других древних поселений [Буканова, 2010. С.13-15]. Однако данная проблема нуждается в дальнейшем всестороннем междисциплинарном исследовании, введения в научный оборот разнотипных источников, что значительно расширило бы круг представлений не только о древних городах Башкортостана, но и в целом об истории региона. Н.А. Мажитов как никто другой понимал необходимость объединения усилий археологов, историков и представителей других наук для изучения истории средневековых городов нашего края.

Список источников и литературы

Баширов Я.А. Башкорт хан / Ханы средневековья. Уфа: Альфа-Реклама, 2017. 284 с.

Буканова Р.Г. Один из башкирских городов золотоордынского периода в описании миссионера Йоганки. // Проблемы востоковедения. 2010. № 3 (49). С. 13-15.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Средневековый город Башкорт (Уфа) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2007. Т. 12. № 3. С. 39-44.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. 248 с.

Камалов А.А., Камалова Ф.У. Атайсал. Уфа, 2001. 544 с.

Кучумов И.В. «Башкирский» император Китая. Уфа: Китап, 1995. 112 с.

Мажитов Н.А. Государственность башкир в средние века. Город Башкорт – столица средневекового государства башкир // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы. Ч.1. Уфа, 2010. С. 10-16.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Сокровища древней Уфы. Уфа: ГУП «ГРИ “Башкортостан”», 2008. 112 с.

Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. История географического изучения и картографирования. Уфа, 2001. 161 с.

В.А. Иванов
Башкирский государственный педагогический университет им.
М. Акмуллы
г. Уфа, Российская Федерация

Формирование и развитие Н.А. Мажитовым концепции этнической истории Южного Урала в эпоху средневековья

V.A. Ivanov
Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla
Ufa, Russian Federation

Formation and development of N.A. Mazhitov concepts of the ethnic history of the Southern Urals in the Middle Ages

The article discusses the history of the formation of the concept of the ethnic history of the Southern Urals in the Middle Ages, developed by N.Mazhitov. The evolution of the researcher's views on the problems of the ethnicity of archaeological cultures in the Southern Urals in the Middle Ages is traced. The special place in researches of N.A.Mazhitov was occupied by the problem of archeological traces of Ancient Hungary (Magna Hungaria). In the early stages of his scientific activities, the scientist associated with her monuments Bakhmutino culture, established on a local cultural basis. Subsequently, the author refused the idea of the ethnic connection of the Bakhmutino culture with the ancient Hungarians. The researcher's perception of the ethnic affiliation of the Turbasly culture that he singled out also changed. Initially, he considered this culture to be Alanian, but over time, he began to associate it with the nomads of the Sako-Sarmatian world. For some time N.A.Mazhitov considered the Turbasly culture as the ethnic basis of the ancient Bashkirs, but then his ideas changed. With the discovery and study of the monuments of Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures, a researcher of these very cultures became the main ones in the ethnogenesis of the ancient Bashkirs. And although typologically morphological features of the Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures are found, according to N.A. Mazhitov (completely fair) in cultures of the Bakal community in Western Siberia, he defined their ethnicity as Turkic (Old Bashkir). Accordingly, having abandoned the ancient Hungarian identity of the Bakhmutino culture, the researcher also opposed identification with the ancient Hungarians of the Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures. In general, despite the fact that a number of provisions of the concept of N.Mazhitov remained either not sufficiently developed (genetic connection of the Turbasly culture with Sarmatians and Sakas), or debatable (Turkic-Old Bashkir belonging to Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures), his concept of ethnic history The Southern Urals in the Middle Ages is a striking phenomenon in the archeology of the region.

Keywords: Bakhmutinsky culture, Turbasli culture, Kushnarenkovskaya and Karayakupovsky cultures, concept, ethnic history

Нияз Абдулхакович Мажитов – яркая, самобытная и отнюдь не однозначная личность в уральской археологии – в моей научной жизни и карьере оставил неизгладимый след. Во-первых, именно с его «подачи» в сентябре 1971 г. я, еще будучи студентом 5-го курса истфака БГУ, получил возможность провести первую в моей жизни самостоятельную археологическую экспедицию в низовьях р.Белой, в ходе которой были исследованы городища эпохи раннего железного века-средневековья – Тратау (Старонагаевское), Петертау, Андреевское, Ново-Медведевское – материал которых лег в основу моей кандидатской диссертации [Агеев и др., 1972. С.185]. Во-вторых, именно Н.А.Мажитов, будучи заведующим сектором археологии ИИЯЛ БФ АН СССР, в июне 1976 г. предложил мне, после 3-летней отработки в сельской школе и года работы в хоздоговорной группе кафедры Истории СССР Куйбышевского государственного педагогического института (ее создатель и руководитель был тогда И.Б.Васильев), вернуться в Уфу и поступить на работу в сектор археологии. С этого началась моя почти четверть вековая работа в ИИЯЛ, в ходе которой я прошел все должности от старшего лаборанта до ведущего научного сотрудника. В-третьих, в течение долгих лет именно Н.А. Мажитов выступал основным критиком и оппонентом моих выводов и построений в области средневековой археологии Южного Урала, что заставляло меня постоянно быть в полемической «форме и тонусе».

Обращаясь сейчас к истории уральской археологии, начинаешь понимать, насколько она была динамичной и, в известной степени, драматичной. И именно Н.А. Мажитов зачастую выступал «возмутителем спокойствия», своими выводами и смелыми заключениями (подчас, может быть, и поспешными) ломая устоявшиеся научные стереотипы.

Свою научную карьеру Н.А. Мажитов – выпускник Пермского государственного университета, один из учеников знаменитого советского археолога О.Н. Бадера – начал в 1956 г., поступив на работу в ИИЯЛ БФ АН СССР на должность младшего научного сотрудника сектора истории, археологии и этнографии, которым тогда руководил Г.В. Юсупов. И в том же году Президиум БФ АН СССР утвердил тематический план научно-исследовательских работ ИИЯЛ по данному сектору на 1958 год (22 августа 1957 года), в котором фигурирует тема «Древняя история Башкирии» сроком выполнения 1957-1960 гг., научным руководителем которой был назначен Г.В. Юсупов. В рамках данной темы были выделены две подтемы: «Сарматские памятники Башкирии IV в. до н.э. – IV в. н.э.», исполнителем которой назначена м.н.с. М.Х.Садыкова и «Городища по среднему течению р. Белой», исполнители – с.н.с. Г.В. Юсупов и м.н.с. Н.А. Мажитов [НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №166].

Цель второй темы исполнители определяли, исходя из наличия уже известных поселений «уфимской культуры», исследованных Г.В. Юсуповым в Гафурийском районе. Она заключалась в раскрытии характера данной культуры в первую очередь в вопросах этногонии древних насельников Приуралья. В итоге также предполагалось написание монографии объемом 4 п.л., состоящей из 4-х глав: 1 – Описание городищ; 2 – хозяйство и быт насельников; 3 – Общество. Характер общественных отношений; 4 – Идеология. Вопросы религиозных верований. В «Заключении» предполагалось осветить вопросы генезиса «уфимской» культуры [Там же].

Н.А. Мажитов, проводивший в 1957 г. разведки и раскопки в Бураевском и Балтачевском районах БАССР, на основании полученных материалов (Чиатавский могильник, Юмакаевское, Афанасьевское, Кансиарское, Ардашевское, Тазларовское городища, Тугубаевское, Новокарское селища) сделал вывод, во-первых, о принадлежности Чиатавского могильника к пьяноборской культуре и, соответственно, «о существовании на территории Башкирии (в центральных, северо-западных и северных районах) в рассматриваемое время древних угро-финских племен». С присущим большинству молодых археологов советской формации (ему тогда было только 24 года), буквально с первых дней своей работы с головой погружавшихся в активную эмпирику, стремлением определить место получаемого материала изучаемом этноисторическом пространстве, Н.А. Мажитов высказывает предположение о принадлежности открытых и исследованных им городищ «к одной из групп предков современных угорских народов» [Мажитов, 1958].

Во-вторых, новые полученные материалы, свидетельствующие о генетических связях бахмутинской культуры с культурой памятников типа Чиатавского и Уфимского могильников, указывают, как считал исследователь, на автохтонный характер бахмутинской культуры. Что, в свою очередь дало ему основание присоединиться к мнению Р.Г. Кузеева о позднем, не ранее середины I тыс. н.э. или даже позже, приходе древнебашкирских племен на север Башкирии [Там же].

В своих последующих статьях, посвященных публикации материалов исследованных им поселений бахмутинской культуры (Юмакаевское, Кансиарское, Афанасьевское и др. городища) и комплекса памятников Ново-Турбаслинское II Н.А. Мажитов подтверждает свою точку зрения на генетические корни и этническую принадлежность носителей бахмутинской культуры [Мажитов, 1959. С. 151; 1962. С.162].

Особое место в исследованиях Н.А. Мажитова конца 1950-х гг. занимал Ново-Турбаслинский курганный могильник. Поскольку этот памятник, расположенный рядом с одноименным поселением, содержал керамику, ближайшие аналогии которой исследователь увидел в

памятниках сарматского времени, он связал его с аланскими племенами Поволжья и Северного Кавказа [Мажитов, 1959а. С. 142].

В законченном виде свою концепцию этнической истории Южного Приуралья в I тыс. н.э. исследователь изложил в кандидатской диссертации «Бахмутинская культура (северная Башкирия в середине I тысячелетия нашей эры)». Обсуждение рукописи диссертации состоялось на заседании сектора археологии, этнографии и искусств ИИЯЛ БФ АН СССР 19 февраля 1963 г. Основные замечания были высказаны по главе, посвященной происхождению и этнической принадлежности носителей бахмутинской культуры. Доказательства их древневенгерской принадлежности коллегам показались недостаточно вескими [НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №234]¹. Что, тем не менее, не обескуражило автора и свою идею угорско-мадьярской (венгерской) принадлежности бахмутинской культуры Н.А. Мажитов продолжал отстаивать и в своей кандидатской диссертации, и в монографии, написанной на ее основе [Мажитов, 1963; 1968. С. 74-83]. Более того, при обсуждении рукописи монографии на предмет рекомендации ее к печати (6 мая 1966 г.) автор твердо стоял на своей позиции: «... Я не могу реализовать все замечания, в противном случае это означало бы писать работу заново и в другом толковании. Знаю, что некоторые археологи не согласны с отдельными моими выводами и я получу, видимо, массу замечаний после публикации. Действительно, некоторые мои выводы носят характер рабочей гипотезы: таковы, например, об этнической принадлежности бахмутинской культуры, некоторые моменты сложения позднего ее этапа и т.п. Расхождения здесь по принципиальным вопросам. Хотя я сейчас временно отошел от темы о бахмутинской культуре, надеюсь, что в будущем у меня будет возможность более углубленно исследовать, аргументировать те положения, которые в данной работе не получили достаточной убедительности» [НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №273].

Таким образом, к концу 1960-х гг. у Н.А. Мажитова складывается совершенно четкая концепция этнической истории Южного Урала в I тыс. н.э., в которой заметную (если не ведущую) роль играли угорско-мадьярские (древневенгерские) племена бахмутинской культуры. Второй крупной этнической группой, определявший состав этнической карты региона в указанный период были носители турбаслинской культуры, этническую принадлежность которой исследователь определяет уже как тюркскую. Основанием для этого послужило по мнению Н.А. Мажитова типологическое сходство погребального обряда Ново-Турбаслинских курганов и содержащейся в них керамики с сармато-аланскими и гуннскими комплексами Средней Азии. Именно в «турбаслинцах»

¹ Подробнее см.: [Иванов, 2014].

исследователь видел продвинувшуюся далеко на север группу башкир, «основная часть которых в середине и конце I тысячелетия кочевала в южноуральских степях» [Мажитов, 1964. С.105, 110].

Но! К этому времени Н.А. Мажитовым на северо-востоке Башкирии уже были открыты и исследованы Мрясимовские, Старо-Халиловские и Ишимбаевские курганы VIII-X вв.², а также поселение возле санатория Янган-Тау. В исследованных курганах и на поселении были найдены сосуды кушнареновского типа, которые исследователь считал одной из разновидностей керамики турбаслинской культуры³. А поскольку культурная преемственность между «турбаслинцами» и башкирами была, по словам исследователя, намечена и другими признаками (сходство орнаментальных мотивов на поясной гарнитуре, башкирских вышивках и деревянной посуде, башкирский кожаный щит, украшенный тисненым орнаментом, схожим с орнаментом на кушнареновских сосудах), то и памятники типа Старо-Халиловского могильника должны быть отнесены к башкирам [Мажитов, 1964а. С. 156].

В своем законченном виде концепция этнической истории Южного Урала в эпоху средневековья была изложена Н.А. Мажитовым в докладе на научной сессии по этногенезу башкир в мае 1969 г. Исследователь выделил четыре группы племен, во второй половине I тыс. н.э. населявших западное Приуралье: турбаслинскую, кара-якуповскую, бахмутинскую и сылвенскую. Поскольку они занимали территорию, на которой в VIII-IX вв. уже очевидно обитали древние башкиры («племена Западного Приуралья VIII-IX вв. можно называть башкирами»), то племена перечисленных групп, включая и «бахмутинцев» (древних венгров), «следует рассматривать как ближайших предков этих башкир» [Мажитов, 1971]. Собственно, с этого момента и начинается археология древних башкир, разработке которой Н.А. Мажитов посвятил все последующие годы своей жизни.

Прямолинейность и категоричность этноисторических построений Н.А. Мажитова вызвала критику со стороны коллег. Главным образом по причине недостаточности их эмпирической составляющей. Это относится как к установочному докладу исследователя [Краснов, Смирнов, 1970. С. 295], так и к его монографии 1977 г., посвященной развернутому изложению и обоснованию концепции [НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №397. Л.1-4; Генинг, 1982].

Следует отметить, что ряд критических высказываний коллег были приняты Н.А. Мажитовым и повлияли на дальнейшую эволюцию его

² Датировка Н.А.Мажитова.

³ Данное мнение базировалось на присутствии в керамических комплексах Ново-Турбаслинского и Кушнареновского поселений соответствующей керамики, тонкостенной и украшенной изящным резным орнаментом [Мажитов, 1962. С. 157; Генинг, 1977. С. 120-127].

взглядов. В первую очередь – тезис о ведущей роли турбаслинских племен в этногенезе древних башкир, которых («турбаслинцев») автор теперь рассматривает как тюркоязычную часть буртасского этнического объединения [Мажитов, 1977. С. 176, 179]. Затем – отказ от мадьярской принадлежности носителей бахмутинской культуры. Хотя их этническая принадлежность к уграм в представлении автора остается неизменной [Там же. С.183]. Но самое примечательное – выявленная исследователем культурная связь памятников кушнаренковского и караякуповского типов с памятниками бакальской культуры юга Западной Сибири, а следующих за ними во времени памятников каранаевского типа – с западносибирскими же угро-самодийцами [Там же. С. 179-181]. Эти выводы Н.А. Мажитова впоследствии нашли свое подтверждение в исследованиях челябинских, тюменских археологов и исследованиях автора этих строк⁴.

В окончательно оформленном виде концепция этнической истории Южного Урала в эпоху средневековья была изложена Н.А. Мажитовым в докторской диссертации, защищенной в 1986 г. Для датировки археологических культур рассматриваемой эпохи автор опирался на исследования Л.Р. Кызласова, Н.А. Кирпичникова, С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова, А.К. Амброза [Мажитов, 1986. С.7]. Для датировки древностей I тыс. н.э. исследователь в основном опирался на датировку, предложенную А.К. Амброзом, согласно которой они омолаживались на 1-1,5 столетия⁵. Для Н.А. Мажитова это было важно в том плане, что позволяло состыковать археологические культуры региона с письменными упоминаниями о башкирах.

В результате весь археологический материал эпохи средневековья на Южном Урале он разбивает на 8 хронологически последовательных групп (А,Б,В,Г, Д и т.д.), охватывающих период с конца VI-VII по XIV-XV вв. Если учесть общие хронологические рамки работы, то каждая из выделенных групп датируется одним столетием: группа А (Ново-Турбаслинские, Дежневские, ранние Сынтыштамакские курганы, Бирский, Кушнаренковский могильники, Уфимские и Новиковские погребения) – конец VI-VII вв.; группа Б (Манякский, Такталачукский, Шареевский, поздний Бирский могильники, ранние Лагеревские курганы) – конец VII-VIII вв.; группа В (Хусаиновские, I,II Бекешевские, Ямаши-Тауские, Лагеревские курганы, Стерлитамакский, Чишминский, Ташбашевский, Больше-Тиганский могильники, Ромашкинское и II Ишимбайское погребения) – IX в.; группа Г (Каранаевские, Лагеревские, Житимакские, Муракаевские, Старо-Мусинские, Синеглазовские, Старо-Халиловские,

⁴ И даже предположение об угорско-самодийской принадлежности памятников каранаевского типа не может быть просто так отвергнуто.

⁵ Что в итоге не было поддержано другими археологами.

Тамар-Уткульские, Колычевские, Яманские курганы) – X-XI вв.; группа Д (часть Мрясимовских, поздние Каранаевские и Лагеревские курганы, ранние захоронения Ново-Кумакских курганов, Рубежинское и Кушулевское погребения) – XI-XII вв.

Самые поздние хронологические группы – Ж и З – датируются второй половиной XIII-XIV вв. и XIV-XV вв. соответственно. В группу Ж автор объединяет кыпчакские (по В.А.Иванову и В.А.Кригеру) курганы Южного Приуралья: Башкир-Беркутовские, Ново-Кумакские, Сынтыштамакские, Каменно-Озерный, Россыпинские, Тлявгуловские, VII Новочеркасские, Лебедевские и др. В группу З отнесены мусульманские погребения региона [Там же. С. 7-18].

Свои выводы и этноисторические построения Н.А. Мажитов делает, исходя из разработанной им хронологии археологических материалов. Во второй главе своей диссертации автор рассматривает керамику средневековых памятников Южного Урала, разделив ее на пять типологических групп: бахмутинскую, турбаслинскую, кушнарниковскую, караякуповскую и шнутовую. Бахмутинская и турбаслинская группы керамики, по его мнению, синхронные и связаны с памятниками, составляющими хронологические группы А и Б. Прототипами для бахмутинской керамики являются сосуды местных культур предшествующего периода – карабызской, пьяноборской и мазунинской. Прототипами турбаслинской керамики, по мнению исследователя, могли быть сосуды из курганов ранних кочевников степей Южного Урала. Отсюда следует вывод о том, что «турбаслинские племена в основе являются потомками ранних кочевников эпохи древности» [Там же. С. 19-20].

Происхождение кушнарниковской керамики Н.А. Мажитов связывает с кочевниками, обитавшими в степях, близких к Южному Уралу (поздние сарматы-?) и Южной Сибири (саргатская культура). Поскольку на Южном Урале она появляется неожиданно в развитой форме на рубеже VI-VII вв., то исследователь склоняется в пользу точки зрения А.Х. Халикова и Е.А. Халиковой о принадлежности данной керамики «кочевникам-уграм, переселившимся на Южный Урал после 597-598 гг., когда они были разбиты в ходе восстания против тюрков» [Там же. С. 21].

Кушнарниковскую и караякуповскую культуры автор рассматривает как результат прихода на рубеже VII-VIII вв. на Южный Урал большой группы племен из районов южно-сибирских степей» [Там же. С. 22].

Группа шнутовой керамики (мрясимовского типа), распространенная в комплексах периода Д-Ж горно-лесных и лесных районов Южного Урала, появилась здесь вследствие активных этно-культурных контактов племен Южного Урала с населением Прикамья, для которого данная керамика является традиционной [Там же. С. 22-23].

В основных своих положениях схема этнической истории населения Южного Урала в эпоху средневековья в изложении Н.А. Мажитова выглядит следующим образом: спокойное, без серьезного вмешательства извне, развитие культуры местных финно-угорских племен мазунинской культуры и приуральских кочевников в VI-VII вв. было нарушено приходом в Западное Приуралье большой группы степного населения – носителей турбаслинской культуры. С этого времени, по мнению автора, начинается формирование южноуральской общности племен, почти не представленной на соседних территориях.

К группе таких родственных и самобытных памятников Н.А. Мажитов, прежде всего, относит памятники кушнарниковской и караякуповской культур (у Н.А. Мажитова — караякуповская культура). Автор отмечает их очевидное отличие от синхронных памятников Удмуртии (ломоватовско-поломских) и Среднего Поволжья (раннеболгарских) и категорически отсекает от культур западносибирской лесостепи (Притоболья). Обозначив таким образом общность культур населения Южного Урала, начиная с VII-VIII вв., автор приходит к выводу о том, что «... поскольку эта общность совпадает с существующей по сей день областью расселения башкир, можно ожидать связи ее с историей именно башкирского народа» [Там же. С. 37-38].

Далее следуют ссылки на данные двух средневековых авторов — Ибн-Фадлана (X в.) и Идриси (XII в.) — о расселении древних башкир в Приуралье и делается заключение, что **«область расселения башкир, рисуемая по письменным источникам, в целом совпала с ареалом распространения караякуповской культуры»** (выделено мною — авт.) [Там же. С. 40].

В своих последующих работах Н.А. Мажитов последовательно отстаивал разработанную им концепцию [Мажитов, Султанова, 2009. С. 201-214, 226-227, 230; 2012]. Некоторые ее положения нашли подтверждение в выводах других исследователей: автохтонный характер бахмутинской культуры⁶, связь кушнарниковской и караякуповской культур с культурами бакальской общности Западной Сибири. Некоторые – сако-сарматские истоки турбаслинской культуры – все еще пока остаются открытыми. Некоторые – древнебашкирская принадлежность караякуповской культуры и отсутствие археологических следов пребывания древних мадьяр-венгров на Южном Урале – по-прежнему вызывают возражения...

Известный советский археолог Н.Л. Членова в приватной беседе как-то сказала: «Во всех наших дискуссиях правым окажется тот, кто дольше

⁶ Хотя механизм генезиса керамики «чандарского типа» требует более глубокой проработки.

проживет». Поскольку такие «лавры» представляются мне сомнительными, а сторонников концепции Нияза Абдулхаковича Мажитова, равных ему по масштабности владения материалом и креативности, пока не наблюдается, я считаю необходимым наши с ним дискуссии отнести к области историографии. Хотя сама по себе дискуссия так и осталась не завершенной...

Список источников и литературы

Агеев Б.Б., Васильев И.Б., Васюткин С.М., Иванов В.А., Мажитов Н.А., Морозов Ю.А., Пшеничнюк А.Х. Исследования в низовьях р.Белой // АО-1971. М.: «Наука», 1972. С. 183-185.

Генинг В.Ф. Памятники у с.Кушнареново на р.Белой (VI-VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 90-136.

Генинг В.Ф. Рец.: Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с. с илл. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука, 1981, 164 с. с илл. // СА, 1982, №1. С. 284-293.

Иванов В.А. Финно-угорская тематика в современной археологии Башкортостана // ПА №4 (10) 2014. С. 58-81.

Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Уфимская конференция по этногенезу башкир // СА. 1970. №2. С. 294-298.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: (Население Сев. Башкирии в середине I тысячелетия нашей эры) : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Акад. наук СССР. Ин-т археологии. – М., 1963. 16 с.

Мажитов Н.А. 1958. Археологические исследования в северных районах Башкирии в 1957 г. Архив УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №224.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: «Наука», 1968. 161 с.

Мажитов Н.А. Исторический Башкортостан и формирование башкирского народа // История башкирского народа в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. С. 123-168.

Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ. Т.II. Уфа, 1964. С. 101-110.

Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // БАС. Уфа, 1959а. С.114-142.

Мажитов Н.А. Новые материалы о ранней истории башкир (предварительное сообщение) // АЭБ. Т.II. Уфа, 1964а. С. 148-157.

Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962. С. 151-162.

Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры // БАС. Уфа, 1959. С. 143-151.

Мажитов Н.А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // АЭБ. Т.IV. Уфа, 1971. С. 11-16.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. – Автореф. дисс. доктора ист. наук. Новосибирск, 1986. 53 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VI-VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: «Наука», 1981. С. 23-28.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.

Протокол №1 заседания сектора археологии и этнографии ИИЯЛ от 23 января 1976 г. НА УНЦ РАН, Ф.3. Оп.1. №397. Л.1-4.

Протокол №3 заседания сектора археологии, этнографии и искусств ИИЯЛ БФ АН СССР от 19 февраля 1963 г. НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №234.

Протокол №6 заседания сектора археологии и этнографии УИИЯЛ АН СССР от 6 мая 1966 г. НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №273.

Список сокращений:

АЭБ – сб. Археология и этнография Башкирии;

БАС – Башкирский археологический сборник;

БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР;

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы;

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН;

ПА – ж. Поволжская археология;

СА – ж. Советская археология;

УИИЯЛ – Уфимский институт истории, языка и литературы;

УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской Академии наук.

Н.М. Калмантаев

ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет

г. Уфа, Россия

Общественная и политическая деятельность Н.А.Мажитова

N.M. Kalmantaev

Bashkir State University

Ufa, Russian Federation

Social and political activity of N.A. Mazhitov

Abstract: the Article is devoted to socio-political activities of N.A.Mazhitova. The Academy of Sciences RB, doctor of historical Sciences N.A.Mazhitov was a prominent historian and archaeologist. He published about 500 scientific papers. At the same time he is known as a public figure and politician. In 1995 he took the post of Chairman of the world Kurultai Bashkir. It is the most mass and influential organization in the Republic. In a short time, WKB offices were established in the regions and cities of Belarus, as well as in

the regions of the Russian Federation, where the Bashkir population lives. The VKB and its staff have done a great job to consolidate the Bashkir people and to solve the urgent problems. This is a great merit of its first Chairman of the WKB NiyazAbdulhakovichMazhitov.

Key words: teacher, front, postman, University, field works, barrows, archaeological monuments, conference, BardamBashkirs, Kurultai, program, report, intelligentsia.

Нияз Абдулхакович родился 20 августа 1933 года в деревне Тугай Гафурийского района. Детские годы прошли в селе Имендяш, где его отец учительствовал. Осенью 1941 года отец ушел на фронт, а ученика Нияза попросили поработать почтальоном. Он рассказывал о своей работе с юмором, говоря, что по дороге домой некоторые письма вскрывал и читал. Продолжил учебу в Башкирской республиканской школе № 9, после окончания которой поступил на историко-филологический факультет Пермского государственного университета. Его учителем был крупный специалист в области палеолита Отто Бадер. Становлению ученого-археолога способствовало и то, что он уже в студенческие годы будущий исследователь работал в археологических экспедициях.

После окончания университета он был направлен в Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1957 – 1958 гг. младший научный сотрудник Н.А. Мажитов проводит самостоятельные полевые работы в зоне строительства Черниковского нефтеперерабатывающего завода. В эти годы им было исследовано более 50 курганов, а также жилища-полуземлянки VI-VIII вв., принадлежавшие племенам турбаслинской культуры.

Много сил и времени он отдал изучению Бирского могильника. По материалам этой археологической культуры была защищена кандидатская диссертация.

В последующие годы Нияз Абдулхакович изучал археологические памятники, относящиеся к ранним башкирам. Он проводил раскопки Манякского могильника VIII века, Хусаиновских, Ямаши-Тауских, I и II Бекешовских курганов IX-X вв. и других археологических памятников. В последующем по материалам раскопок он защитил докторскую диссертацию о происхождении башкирского народа. По мнению ученого, эти археологические источники доказывают автохтонность башкир на этой территории.

Об огромной трудоспособности историка-археолога свидетельствуют опубликованные им монографии: «Бахмутинская культура» (М., 1968), «Тайны древнего Урала» (Уфа, 1973), «Южный Урал в VII-XIV вв.» (М., 1977), «Курганы Южного Урала VIII-XII вв.» (М., 1981)». Он стремился донести до массового читателя археологические знания о крае. Его книга

«История Башкортостана с древнейших времен до XVI века» (Уфа, 1994) стала настольной книгой студентов и всех тех, кто интересуется историей Башкортостана этого периода. Он исследовал городище Уфа-II, расположенное в центре г. Уфы, много сил приложил для сохранения этого уникального археологического памятника.

Нияз Абдулхакович стал известным археологом не только в родной республике, но и в масштабах Российской Федерации. Никто не предполагал тогда, что о нем скоро все узнают с другой стороны.

В 1995 г. на I съезде Учредительного курултая была создана общественная организация – «Всемирный курултай (конгресс) башкир». Председателем Исполкома этой общественной организации был избран Нияз Абдулхакович Мажитов. Это была совершенно другая сфера деятельности, здесь требовались, прежде всего, организаторские способности руководителя, умение работать с людьми, находить общий язык с руководством республики.

По признанию самого Нияза Абдулхаковича известие о выдвижении его кандидатуры на должность председателя Исполкома стало для него полной неожиданностью. 31 мая 1995г., вспоминает он, завершилась Международная научная конференция по истории и культуре тюркских народов – Вторые Валидовские чтения. Сразу после конференции он пошел в правительство, чтобы проинформировать о проведенной конференции. После своего отчета был приглашен на совещание, где обсуждались процедурные вопросы открывающегося 1 июня 1995 года Первого курултая башкир. Здесь стало известно, что его кандидатуру рекомендуют съезду в качестве председателя Исполкома Курултая. Он сам отвечает на вопрос, почему именно ему было предложено выйти на выборы Председателя курултая. Решающее влияние на выбор считает он, оказали следующие обстоятельства.

В 1995 г. у ректора БашГУ он знакомится с главой администрации Бардымского района Пермской области. Ректор поручил ему заняться формированием делегации Республики Башкортостан и ее программы для участия в научно-практической конференции по истории Бардымского района.

На данной конференции организаторы ставили целью объявить Бардымский район татарским национальным районом в составе Пермской области. Но когда члены башкирской делегации выступили на конференции с докладом об истинной демографической ситуации в районе, месте и роли бардымских башкир в истории башкирского народа, ситуация в корне изменилась. Делегаты конференции в своих выступлениях стали говорить, что считают себя башкирами. Естественно, проект объявления татарского национального района не прошел.

После этой конференции буквально за месяц Н.А. Мажитов пишет программу «Башкиры северных и северо-западных районов Башкортостана: многоэтническая среда, историческая ретроспектива, современность и прогноз».

Н.А. Мажитов отмечает, что имел многолетний опыт работы с населением данного региона и это помогло ему быстро написать этот документ. Особенностью этого региона, считает он, является подверженность этих башкир влиянию татарской культуры, татарского языка, незнание башкирским населением своей истории [Мажитов, 2005.С.15].

Вскоре данная программа была включена в программу правительства РБ «Возрождение и развитие башкирского народа». «Я полагаю, что те люди, которые приняли решение рекомендовать меня на должность председателя Исполкома ВКБ, были в курсе моих инициатив, и в этом плане я не был случайным и неподготовленным человеком» – пишет он [Мажитов, 2005.С. 16]. Н.А. Мажитов, делая такое заявление, был абсолютно прав. Видимо, среди ученых и общественных деятелей той поры он был наиболее подготовлен для должности председателя Исполкома ВКБ. Действительно, Н.А. Мажитов был достойным руководителем Всемирного Курултая башкир, деятельность этой организации в 1995-2002 гг. оценивается сегодня очень высоко. В течение года в районах и городах республики были созданы и отделения Всемирного курултая башкир, а через год в Челябинской, Свердловской, Пермской, Оренбургской и Самарской областях также возникли отделения этой общественной организации.

Н.А. Мажитов большое внимание уделял работе с башкирским населением, проживающим за пределами Башкортостана. Он считал, что проживание веками в иноязычной среде оказало на них сильное ассимилирующее влияние. Для возрождения башкир близлежащих к Башкортостану регионов он предложил, чтобы районы Башкортостана взяли шефство над ними.

По предложению Н.А. Мажитова установилось постоянное и взаимовыгодное сотрудничество между Зианчуринским и Саракташским, Гафурийским и Ново-Сергеевским, Федоровским и Ново-Александровским, Хайбуллинским и Гайским и Кувандыкским районами Оренбургской области. В 1997 г. возникло долгосрочное культурно-экономическое сотрудничество на договорных принципах между Учалинским и Кунашакским, Баймакским и Кизилским, Белокатайским и Кусинским, Белорецким и Верхнеуральским, Бурзянским и городом Кыштымом, Кармаскалинским и Чебаркульским, Абзелиловским и Сосновским районами. Такое сотрудничество было тогда остро необходимым. Башкирское население соседних областей десятилетиями не

видели и не слышали выступления исполнителей курая, башкирских песен и танцев, были лишены возможности услышать по радио и увидеть по телевидению передача на родном языке [Мажитов, 1999.С.20].

По предложению Исполкома Всемирного курултая башкир был увеличен прием в Башкирскую республиканскую гимназию имени Рами Гарипова башкирских детей из соседних областей.

В 1995 году Н.А. Мажитов поставил перед учеными республики задачу подготовить сравнительные таблицы о национальном составе населения всех северных и северо-западных районов республики Башкортостан по результатам переписей населения, начиная с XVIII века. К выпуску брошюр с данными переписей привлекли видных историков А.З. Асфандиярова, М.В. Мурзабулатова, Д.Г. Кускильдина и др. Это была очень нужная работа, брошюры по районам, а их было издано 42, востребованы даже сегодня. Издание таких пособий ставит на научную основу разъяснительную работу по истории и демографии башкирского народа XVIII-XX веков.

Н.А. Мажитов всегда подчеркивал особую роли башкирской интеллигенции по консолидации и возрождению народа. 27 марта 1999 года на заседании исполкома ВКБ он выступил с докладом «Роль и задачи интеллигенции в консолидации башкирского народа». Данный доклад был выпущен отдельной книгой. Председатель всемирного курултая башкир осветил в своем докладе самые наболевшие проблемы. Н.А. Мажитов считал тогда, что эти проблемы не надо замалчивать, о них надо говорить прямо. Например, в своем докладе он отмечает, что «среди башкирского населения широко распространены нищета и безработица, пьянство и преступность», «сельская интеллигенция, особенно учительство, потеряло свой прежний престиж и авторитет». Досталось в докладе и писателям: «Наши писатели плохо знают жизнь и чаяния народа...»; «сегодня у нас нет публицистов» [Мажитов,1999. С.17,40,41]. Затронул в своем докладе и ученых: «в нынешнее время судьбоносных преобразований от каждого ученого требуется активная подвижническая жизнь, но эту свою благородную миссию пока выполняют лишь единицы. Пока же участие коллектива Института истории, языка и культуры, а также Института социально-экономических исследований УНЦ РАН, БГУ и других вузов в этом деле можно считать неудовлетворительным» [Мажитов, 1999.С.36].

Помнится, очень многие обиделись на этот доклад. Особенно сильно обиделись на Н.А. Мажитова писатели. Скажем прямо, по большому счету автор доклада был прав. Справедливости ради скажем, многие обозначенные проблемы народа в докладе так или иначе в последующем были решены.

В эти годы в лучшую сторону изменились радио и телевидение республики. Башкирские газеты и журналы стали выходить в красочном

оформлении, изменилось и содержание национальной периодики. Качественно другим стало и издательство «Китап», оно выпускало востребованные школами башкирские учебники.

Позитивные сдвиги произошли тогда в национальном образовании. Резкий тон доклада, видимо, был нужен интеллигенции, нужна была сильная встряска, чтобы она поняла свою роль и место в судьбоносное время.

В 2000 году была создана еще одна крупная общественная организация Башкортостана – Ассамблея народов Башкортостана. Первым председателем Совета стал Нияз Абдулхакович Мажитов. Ассамблея народов в такой многонациональной республике как Башкортостан - очень востребованная организация, ее работа направлена на развитие дружбы, межнационального согласия народов. Н.А. Мажитов с честью справился с этой обязанностью, он достойно представлял башкирский народ в этой организации.

Нияз Абдулхакович возглавлял эти общественные организации в очень непростых для республики обстоятельствах. Его большая заслуга, что эти общественные организации состоялись, они сегодня продолжают славные традиции, заложенные их первым председателем Н.А. Мажитовым.

Ему и возглавляемой им общественной организации ВКБ удалось многое сделать для консолидации башкирского народа. Он понимал свой народ, умел сформулировать назревшие проблемы, находил пути их решения. Он был человеком компромиссным, откровенно признавался в своих ошибках, благодарил своих коллег, даже если они его критиковали. В одной из своих статей он пишет: «Сейчас я с благодарностью, вспоминаю всех коллег, друзей по Исполкому, бюро, которые эмоционально и искренне участвовали в обсуждении поставленных вопросов и порою нелицеприятно, но справедливо критиковали».

В своем докладе об интеллигенции он высказался так: «Наша интеллигенция в подавляющем большинстве образована, аналитически мыслит и понимает происходящее, но она ещё не поднялась до понимания чаяний и боли народа, грамотно излагать и доводить до общественности его настроение и мысли» [Мажитов,1999.С.47]. Эти слова, немного переиначив, можно адресовать самому Н.А. Мажитову. Заслуженный деятель науки РБ, доктор исторических наук, академик АН РБ, вице-президент и академик секретарь Отделения социальных и гуманитарных наук АН РБ в 2006 – 2011гг. Н.А. Мажитов аналитически мыслил и понимал происходящее, он поднялся до понимания чаяний и боли своего народа. Будучи руководителем самой массовой и влиятельной организации башкирского народа, он умел грамотно излагать его настроения и мысли, которые стали частью Государственных программ. Исполком ВКБ, его

аппарат стали подлинным штабом по реализации назревших проблем башкирского народа, его руководитель Нияз Абдулхакович стал одним из ярких политических фигур Башкортостана на рубеже XX-XXI веков.

Список источников и литературы

Мажитов Н.А. Курултай – высшая форма башкирского национального общественного движения// Ватандаш. Уфа, 2005. №6. С 15-23.

Роль и задачи интеллигенции в консолидации башкирского народа: Материалы заседания Исполкома Всемир. курултая башкир / [Отв. ред. Н.А. Мажитов]. Уфа :Башк. ун-т, 1999. 93 с.

А.Г. Колонских

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского научного центра Российской академии наук
Уфа, Россия

Исследования поселений бахмутинской культуры по данным полевых дневников Н.А. Мажитова

A.G. Kolonskikh

Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeeva Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia

Studies of settlements Bakhmutino culture according to the field diaries N.A. Mazhitova

This work is devoted to field research N.A. Mazhitova settlements and settlements of the Bakhmutino archaeological culture. The sources are manuscripts of field diaries of archaeological expeditions of 1957–1968. compiled by N.A. Mazhitov and stored in the archives of the Institute of Ethnological Studies. R.G. Kuzeeva UIC RAS. The main tasks are to characterize the content of field diaries, the analysis of the information they have and to obtain data on the settlement objects. The urgency of referring to this type of sources is primarily due to the weak study of the medieval settlements of the Southern Urals in general and the settlements of the Bahmutinsky culture in particular. Secondly, information in field diaries is sometimes more extensive than in field reports and publications. In addition, on the pages of manuscripts there are references to settlements for one reason or another left unpublished.

Key words: archaeological settlements, hillfort, field diaries, excavations, archaeological reconnaissance, Bakhmutino culture, N.A. Mazhitov.

Нияз Абдулхакович Мажитов – общепризнанный знаток средневековых древностей Южного Урала. Археолог-полевик, источниковед, он хорошо известен исследованием и введением в научный оборот многочисленных погребальных комплексов Бирского, Ново-Турбаслинского, Манякского и др. могильников. Значительно реже приходится слышать об изучении Ниязом Абдулхаковичем поселенческих объектов. При том, что свои первые исследования Н.А. Мажитов проводит именно на поселениях в устье р. Белой [Ученый..., 2003.С. 5]. В ходе археологической разведки на территории Каракулинского района Удмуртской Республики, Актанышского района Республики Татарстан и Краснокамского района Республики Башкортостан осмотрены Надеждинское, Старо-Барановское, Ямалинское селища, а также городище Ямалы и Чертово [Мажитов, 1954]. Одна из первых научных публикаций Н.А. Мажитова также посвящена поселениям бахмутинской культуры изученным в ходе археологических работ 1957–1958 гг. [Мажитов, 1959. С. 143–151]. Им в это время обследованы Тучубаевское городище и селище, городища Кансиярское, Ардашевское, Юмакаевское, Афанасьевское, Бирское, Горновское, Сорвихинское, Кушнаренокское на территории Аскинского, Бураевского, Балтачевского, Бирского, Благовещенского и Кушнаренокского районов Республики Башкортостан [Мажитов, 1957; Мажитов, 1958].

Данная работа посвящена полевым исследованиям Н.А. Мажитова городищ и селищ бахмутинской археологической культуры. Источниками являются рукописи полевых дневников археологических экспедиций 1957–1968 гг. составленные Н.А. Мажитовым и хранящиеся в архиве Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Основными задачами являются характеристика содержания полевых дневников, анализ имеющейся в них информации и получения данных о поселенческих объектах. Актуальность обращения к данному типу источников, в первую очередь вызвана слабой изученностью средневековых поселений Южного Приуралья в целом и поселений бахмутинской культуры в частности. Во-вторых, информация в полевых дневниках подчас является более развернутой, чем в полевых отчётах и публикациях. Кроме того, на страницах рукописей встречается упоминания о поселениях по тем или иным причинам оставшихся неопубликованными.

К полевым дневникам обращался И.В. Антонов [Антонов, 2016.С. 195–205]. Им дана общая характеристика всех подобных документов архива ИЭИ УФИЦ РАН.

В настоящей работе основное внимание уделено документам, составленным Н.А. Мажитовым.

На данный момент в архиве ИЭИ УФИЦ РАН хранятся 19 документов являющихся полевыми дневниками и тетрадями, заполненными

Н.А. Мажитовым в ходе полевых выездов 1957-1968 гг. В большинстве случаев рукописный текст подкреплён рисунками, схемами, топографическими планами, позже вошедшими в научные археологические отчёты.

Полевой дневник 1957 г. №1. Археологическая экспедиция. Начат 20 июня. Документ № 20. Автор: Мажитов Н.А.

Первые 12 страниц дневника посвящены финансовым записям, повествующим об оплаченных расходах на командировку, покупку продуктов, инвентаря и оплату рабочим.

Основная часть содержания посвящена раскопкам и разведкам на площадках Юмакаевского, Ардашевского, Афанасьевского, Тучубаевского, Нижне-Кансиарского (Кансиаровское городище – А.Г.) городищ, Ново-Карского селища бахмутинской культуры и могильника у д. Чиятау. Встречены и некоторые заметки по поводу раскопок П.Ф. Ищериковым городища Уфа II.

Полевой дневник 1957 г. Документ № 37.

Весь дневник посвящён исследованию курганов № Ново-Турбаслинского могильника (20 июня – 23 июля).

Среди полевых дневников встречены записи в общих тетрадах (документы № 44 и 45).

Первая тетрадь (документ № 45) составлена в 1957 г. (2 июня – 23 июля). Посвящена исследованию 1-19 курганов Ново-Турбаслинского могильника.

Следующим 1958 г. (4 июля – 24 августа) датируется общая тетрадь (документ № 44) в которой описываются работы на курганах № 20–32 и площадке Ново-Турбаслинского II селища.

Полевой дневник 1958 г. № 1. Башкирская экспедиция. Уфимский (1-й отряд). Начат 7 июня.

В начале дневника описываются раскопки на городище Уфа-II. Записи также касаются раскопок Ново-Турбаслинского могильника, при том, что они в основном представлены списками рабочих, закупок продуктов, а непосредственно археологические работы описаны в тетради (документ № 44).

Полевой дневник 1959 г. № 4. Документ №16.

Вначале содержательной части дневника дано описание погребений 1-5, 10-12 Бирского могильника.

Далее в тексте дается довольно подробное описание городища Сорвиха и упоминание о Богородском (Сергеевском) городище

Полевой дневник 1960 г. № 1. Археологическая экспедиция ИИЯЛ. Начат 7 июля, окончен 6 августа. Документ №26.

Первые записи дневника посвящены раскопкам Уфимских курганов.

Основная часть текста полевого дневника повествует об исследовании погребений 94-171 Бирского могильника. Лаконичные записи дневника касаются раскопок Бахмутинского могильника.

Полевой дневник 1960 г. № 2. Документ № 32. Археологическая экспедиция ИИЯЛ. Начат 5 августа, окончен 19 августа.

Описывается исследование 14 погребений Бахмутинского могильника. В ходе работ предпринята безуспешная попытка поиска могильника у села Никольское (видимо по данным А.В. Шмидта – А.Г.) Нуримановского района Республики Башкортостан. Несмотря на дату окончания дневника (19 августа 1960 г.), встречено описание поездки Н.А. Мажитова и О.Н. Бадера в Капову пещеру, датируемую 7–12 сентября. Кроме этого, дневник сопровождается вложением чертежа на миллиметровой бумаге профиля северной стенки шурфа на городище Кара-Абыз, датируемым 1960 г.

Полевой дневник 1961 г. № 1. Антропологическая экспедиция МГУ. Документ №19.

Данный документ полностью посвящен раскопкам Камышлы-Тамакского могильника пьяноборской культуры в Бакалинском районе Республики Башкортостан.

В соответствии с записями в дневнике состав экспедиции состоял из Н.А. Мажитова, М.С. Акимовой и шесть студентов из МГУ.

Полевой дневник 1962 г. №1. Археологическая экспедиция ИИЯЛ. Документ № 22. Начат 24 июня, окончен 29 июля.

Описываются работы у д. Удельно-Дуваней Благовещенского района. Дневник сопровождается рисунками, схемами и чертежами (вероятно разведочные раскопы на Бирского могильнике – А.Г.).

Полевой дневник 1963 г. №1. Археологическая экспедиция ИИЯЛ. Документ № 24. Начат 11 мая, окончен 21 июня.

Текст полевого дневника повествует о проведенных исследованиях на Быковском кургане, Усть-Катавской курганной группе, Шареевском, Мрясимовском, Ахуновском, Ишимбаевском, Старо-Халиловском могильниках.

В ходе работ в Благовещенском районе Н.А. Мажитовым было осмотрено Варьязское городище. Описаны раскопки Старо-Калмашевского (Булгарского) городища, произведенные 2-4 июля 1963 года.

Полевой дневник 1963 г. №2. Археологическая экспедиция ИИЯЛ. Документ № 32. Начат 11 июля, окончен 22 июля.

Описывается объединенная экспедиция ИИЯЛ и Института антропологии МГУ. М.С. Акимова с группой студентов занимались исследованием современных башкир в Караидельском и Аскинском районах Республики Башкортостан. Н.А. Мажитову предстояло продолжить раскопки курганов у д. Старо-Халилово.

Полевой дневник 1964 г. №1. Башкирская археологическая экспедиция. Документ № 17. Начат 20 мая.

Основная часть текста повествует об исследовании погребений Ишимбаевских, Усть-Катавских, Каранаевских, Юкалекулевских, Ново-Мухаметовских, Кадыровских курганов.

В тексте даны описания разведочных исследований на Ясинском и Торналинском городищах сопровождаемые топографическими планами.

Полевой дневник 1964 г. №2. Документ № 18. Начат 28июня, окончен 14 июля.

В основном повествование ведется о раскопках Лагереvских курганов, Кадыровского могильника и Торналинского городища.

Следующий документ не имеет подписей. Однако судя по содержанию и описанным работам этот полевой дневник (Документ № 39) составлен Н.А. Мажитовым в 1965 г. Заполнение данного документа производилось несколько раз. С 5 по 27 октября, где приведены описания антропологической поездки в Учалинский район с антропологом ТиборомТотом. С 20 июня по 18 июля описаны исследования курганов и курганных некрополей.

Полевой дневник. Документ № 40.

Точная дата данного документа не указана, однако учитывая содержание, а именно описанные памятники можно точно установить, что записи в данном дневнике велись в 1965 г.

Первая дата – 19 июля (ШДавлетовская курганная группа) последняя запись сделана 19 августа (Яникеевские курганы).

Содержание составляют описания курганов и курганных некрополей, сопровождаемые нарисованными, на страницах полевого дневника от руки, топографическими планами погребальных объектов.

То есть документы под №№ 39 и 40 представляют собой полевые дневники Н.А. Мажитова, заполненные в хронологическом порядке и повествующие об археологических работах с 20 июня по 19 августа 1965 г.

Документ № 43. Представляет собой общую тетрадь (96 листов) с записями Н.А. Мажитова об археологических работах, произведенных в период с 21 мая по 22 июля 1967 г. на северо-западе Башкирии.

Полевой дневник. Документ № 34.

Титульный лист данного документа не заполнен, однако судя по описанным археологическим работам, он составлен Н.А. Мажитовым в период с 29 июня по 10 сентября 1968 г.

Основное содержание посвящено описаниям археологических исследований многочисленных некрополей и соответствующим топографическим планам могильников.

Полевой дневник 1960 г. №1. Археологическая экспедиция ИИЯЛ. Документ № 12. Начат 15 июля, окончен 4 августа.

Документ подписан на титульном листе – Пшеничнюк А.Х. Содержание в основном касается исследования погребений Бирского могильника и погребений, обнаруженных на улице Пушкина, на перекрестке с улицей Галанова.

Обращение к записям в полевом дневнике позволяет определить, что у документа несколько авторов (не менее двух). Сопоставление содержания дневника, а также характерный подчёрк позволяет предполагать, что некоторые записи в дневнике совершены Н.А. Мажитовым.

Таким образом, мы имеем дополнительный корпус источников, представленных полевыми записями Н.А. Мажитова. Часто данные об археологических памятниках в полевых дневниках более информативны. Кроме того, записи подкреплены топографическими планами снятыми непосредственно в поле, необработанными для научного археологического отчёта, а потому более точными. На страницах полевых дневников Н.А. Мажитова нередко можно встретить примечания или заметки, гипотезы и предположения, которые впоследствии стали неотъемлемыми составными частями научных концепций.

Список источников и литературы

Антонов И.В. Полевые дневники археологических экспедиций в Научном архиве Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук // Научный альманах. 2016. № 1-3(15). С. 195–205.

Мажитов Н.А. Отчет об археологической разведке, проведённой в районе устья реки Белой в июле 1954 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1031.

Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 143–151.

Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях в Бураевском, Балтачевском и Аскинском районах Башкирии в сентябре 1957 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1640.

Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях 1958 г. в Башкирии // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1762.

Ученый и общественный деятель Мажитов Нияз Абдулхакович. Биобиблиография / сост. Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Уфа, 2003. 53 с.

Список сокращений

ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского научного центра Российской академии наук.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИИЯЛ – Институт истории языка и литературы.

И.Л. Кызласов
Институт археологии РАН
Москва, Россия

**Взаимодействие культур Евразии: познавательная сила археологии
(эпоха Средневековья)**

I.L. Kyzlasov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

**Eurasian cultures interaction: informative force of archeology (Middle
Ages)**

Summary: Archaeological material is capable both to add, and to change perception of historical sources, it is capable even to disprove them. But as to the written message it isn't allowed to disprove the archaeological facts and supervision. In it the special informative force of archeology is concluded.

The academician Niyaz Abdukhakovich Mazhitov who opened and headed studying of the ancient settlement Ufa II, changed ideas of history of the city centers of Eastern Europe, its main ways of commercial, economic, political and cultural ties of the Middle Ages. This object thanks to the obtained new archaeological data showed early the urbanization which arose in the territory of Bashkortostan and very developed proceeding on one place within many centuries. Besides, on the ancient settlement Ufa II the incontestable evidence of initial and eternal harmonious and integral interaction of the different cultures and the peoples which were making use of various experience of each other are received: in the field of town-planning (including fortification), housing constructions, daily life, craft production and international trade.

In this way, thanks to finds of the numerous products of askiz archaeological culture of Southern Siberia which are unexpectedly found on settlements and in the cities of the Volga Bulgaria and Ancient Rus the Great Siberian rode laid by ancient Khakass from the Yenisei River to Volga and the Neman River was open. This width way passing on a forest-steppe zone by land to XI – the beginning of the XIII centuries connected all Northern Eurasia and actively worked in both directions from the earth of Franks to China before the Mongolian invasion. Further this Siberian way played an outstanding role in advance of the Moscow state to the Urals and in accession of Siberia to Russia.

Keywords: archaeological sources, ancient settlement Ufa II, early urbanization, Great Siberian way

Специфика и цель археологической науки состоят не в иллюстрировании летописных свидетельств или исторических концепций. Для письменных периодов существования человечества археологический материал конкретикой своих предметных, вполне осязаемых и зримых данных способен как дополнить, так и изменить восприятие исторических источников, способен даже их опровергнуть. Тогда, как письменному сообщению не дано опровергнуть археологические факты и наблюдения. В этом заключена особая познавательная сила археологии.

Эту познавательную силу науки в полной мере осознавал один из основателей и классик археологии Южного Урала и Башкортостана академик Н.А. Мажитов. Именно ее этот благородный ученый применил в полной мере при защите от истребления и в изучении городища Уфа II, ставшего памятником не только далеким предкам, но и всем нам памятного Нияза Абдулхаковича.

Совокупность знаний как исторической, так и археологической науки, предшествующая изучению городища Уфа II, не предполагала существования на землях Башкортостана, на Южном Урале в целом, поселений такого типа. Более того, памятник этот оказался неожиданным для всей лесостепной европейской России. В названном обширном ареале многометровые культурные отложения такой мощности, как на Уфимском городище, поныне не присущи ни одному известному крупному населенному пункту древности, включая знаменитые столицы средневековья. Так, открыв памятник рано возникшей и весьма развитой урбанизации, продолжавшейся на одном месте в течение многих столетий, археология изменила представления об истории городских центров Восточной Европы, ее основных путях торговых, экономических, политических и культурных связей средневековья. Одновременно перед исследователями встали весьма серьезные вопросы для будущих изысканий. Эти вопросы, ранее для нашей науки не существовавшие, возникли только благодаря памятнику, изучение которого наглядно показало самостоятельную познавательную силу археологии.

Прежде всего, на городище Уфа II получены неопровержимые свидетельства изначального и векового гармоничного и цельного взаимодействия разных культур, последовательно использовавших разнохарактерный опыт друг друга.

Таковы встречаемые здесь градостроительные особенности. Занимая мыс меж глубокими оврагами, и тем отражая давние поселенческие традиции лесной зоны, этот город был защищен стеною, не имевшей башен – для перекрестного обстрела противника использовался редко встречающийся в ту эпоху прием зигзагообразного построения линии укреплений.

На площади городища отмечены два разных принципа домостроения: один связан с углублением жилища в грунт, второй, более распространенный, – с наземными постройками. Снаружи они покрывались обмазкой со штукатуркой, что явилось новостью для лесной зоны. Именно эта традиция создала особую структуру культурного слоя памятника. Дождевые смывы постоянно обновляемой жителями стеной штукатурки привели к тому, что огромная масса его 4-хметровых отложений оказалась разделена на тонкие пласты – нередко по 3-5 см. С одной стороны это создало для археологической науки неслыханные возможности едва ли не по году разграничить горизонты залегания тех или иных находок и сооружений, с другой чрезвычайно осложнила проведение раскопок. В этом смысле городище Уфа II относится к археологическим памятникам высшей категории сложности. Поскольку у мировой науки нет опыта изучения культурных отложений с такой слоистостью, башкирские археологи каждый сезон творчески создавали новые методы исследования памятника, чтобы понять все присущие ему особенности, не погубить сокрытую в нем информацию об изменчивой многовековой жизни поселения. В итоге была прослежена специфика градостроительства, едва ли не изначально подчиненная плотной квартально-уличной планировке и стандартизации планов и размеров жилых и производственных помещений, а также высокая культура благоустройства, в частности – мощение улиц.

Сделанные находки документируют обширнейшие внешние связи, бывшие с самого раннего этапа существования города на р. Уфе. Показательно, что они протянулись к наиболее развитым землям того времени: от Византии до Кавказа и Средней Азии. Археологически зафиксированные регулярные поставки сюда разнообразных предметов роскоши, систематически осуществлявшиеся из далеких культурных центров, должны в корне изменить современные научные представления об уровне развития самой раннесредневековой приуральской страны. Еще большее значение для осознания реалий ее подлинного социального устройства и особенностей жизни имеют полученные на городище Уфа II неоспоримые свидетельства местного специализированного ремесла. Раскопки открыли на площади крепости ювелирные мастерские, в которых обрабатывали золото и бронзу, рабочие помещения металлургов и гончаров.

Какое бы определение городу не избирала современная наука, во все эпохи его отличали не только окружающие укрепления, административные, производственные, торговые или культовые функции. На городище Уфа II оказался подтвержден и еще один из основных критериев, всегда отличавших городское поселение как таковое – пёстрый национальный состав его обитателей, слаженное и творческое соединение

в их общей жизни разнородных культурных элементов. Любые формы моноэтнических поселений, отличающиеся однотипными культурными признаками, бывали родовыми или племенными крепостями, но относить их к городам не следует. Уровни интернационализации поселений ясно отражают этапы урбанизации общества – от общинных центров до средоточия вселенской культуры.

Итак, нет сомнения в том, что археология обнаружила один из крупнейших общественных центров большого раннесредневекового региона и весьма значимый пункт на пути международной торговли Восточной Европы той эпохи. Проследить караванные трассы прошлого без помощи письменных источников особенно сложно. Но развитие городища поэтапно связано не только с основавшим его в III-IV вв. местным ранним населением бахмутинской, но и с пришедшими на рубеже IV и V вв. носителями турбаслинской, затем (в конце VI – начале VII вв.) и кушнаренокской культур. Направления их былого движения к устью Уфы может быть в общих чертах прослежено археологами, а при специально поставленном будущем поиске позволительно надеяться узнать и основные маршруты.

Познавательная сила археологии особенно ярко проявилась в подобном случае для последующего этапа средневековья. Благодаря этому для периода XI (или несколько ранее) – начала XIII вв. можно отметить еще одну крупную и весьма значащую международную трассу, пронизавшую территории раннесредневековой Башкирии. Единственное известное письменное свидетельство тому – сочинение Гардизи, персидского географа XI в., – содержит предание, указывающее на существование этого широтного лесостепного пути, соединявшего Восточную Европу с Саяно-Алтайским нагорьем. Источником в направлении с запада на восток названы страны, через которые проходила известная мусульманской науке дорога: земля славян – хазар – башкир – кимаков – земля хыргызов, т.е. Приднепровье – Поволжье – Южное Приуралье – Среднее Прииртышье – долины Енисея [Бартольд, 1973. С. 46, 47; Кызласов Л.Р., 1984а. С. 119, 120; 1984б. С. 114, 115; 1987. С. 82, 83]. Всеми прочими сведениями об этом евразийском пути, получившем наименование Великого Сибирского, наука целиком обязана археологии [Кызласов И.Л., 2007].

Характерные изделия древнехакасской тюхтятской культуры, найденные на Днепре и в низовьях Дона, позволяют полагать, что путь в Европу был проторен сибиряками уже в IX-X вв. В середине XI – начале XIII вв. он уже связывал не только Восточную, но и Западную Европу с Южной Сибирью и Китаем, а движение на нем в обе стороны стало постоянным. На это указали многочисленные изделия аскизской культуры средневековых хакасов, находимые к западу от Урала (перечень и карту

пунктов для Волжской Булгарии см.: [Руденко, 2001]; для Руси – [Кызласов И.Л., 1997]). Детали воинского снаряжения и вооружения аскизской культуры стали в археологии Среднего Поволжья и Прикамья хронологическим показателем периода XI и XII вв. Более того, изучение древностей доказывает, что в тех землях в течение не менее 6-7 поколений постоянно существовали сибирские торгово-ремесленные фактории, породившие устойчивый спрос на аскизские изделия. Мастерами Волжской Булгарии из первых рук была получена и освоена пришлая передовая технология художественной обработки железа, возникло массовое изготовление подражаний южносибирским образцам [Руденко, 2007; 2008. С. 248; 2014. С. 547 и библиография там]. Археологами К.А. Руденко и М.И. Гоняным обнаружены материальные факты проживания древнехакасских всадников на поселениях Волской Булгарии (Лаишевское селище в Прикамье) и Руси (селище Устье 3 на Верхнем Дону).

Причины продвижения отрядов средневековых хакасов на запад и полноценное овладение ими трассами Великого Сибирского пути остаются недопонятыми. Между тем, богато украшенные серебром и золотом аскизские сбруйные наборы, найденные археологами Восточной Европы только на селищах и городищах, свидетельствуют, что среди приходивших туда сибиряков была древнехакасская аристократия. Подолгу проживая на землях Волжской Булгарии и Руси, обычно в центральных, плотно заселенных районах и в крупных городах [Руденко, 2011. С. 156], она по законам эпохи сознательно вливалась в местную политическую структуру, на протяжении нескольких поколений вступая в связь с тамошними властителями и, сохраняя свой рыцарский статус и достоинство, была обязана им воинской службой. Это предназначение древнехакасского контингента отчетливо проступает в составе археологических находок не только в конкретных случаях. Исследователи отмечают пик в изменении ассортимента наконечников стрел в Волжской Булгарии, пришедшийся на начало XI в. и вызванный массовым появлением аскизских форм [Руденко, 2003. С. 142, 143].

Не только высокое искусство художественной обработки металла, но и породивший это мастерство и отразившийся в нем запрос аристократической всаднической культуры, тот высокий социальный статус, который сохраняли в Восточной Европе ставшие федератами местных владык сибирские воины-профессионалы – привели к заимствованию присущего им ратного убора, аскизского стиля амуниции. Для формирующейся государственной культуры Волжской Булгарии, в социально значимых сферах вытеснявшей самобытные формы многоплеменной страны, особо значимыми оказались пришлые

проявления аристократизма, изначально лишённые местных связей [Руденко, 2011. С. 160].

Загадочна пока внутренняя причина, вызывавшая с XI в. движение южносибирской военно-родовой знати, ее дружин, ремесленников и купцов на запад. Огромная, экономически мощная сибирская держава тогда пребывала в расцвете и не испытывала ни удельной тесноты, ни внешнего давления. Движущие мотивы, связавшие саяно-алтайское общество с восточноевропейскими странами, должны были иметь иную природу. Возможно, она заключена в широкой известности Древнехакасского государства, сделавшей ее древний династийный род, кыргызов, символом степной аристократии [Кызласов И.Л., 2010. С. 158-161; 2018]; в той громкой славе, которую создала для первоначально лишь енисейской, а затем общей для всей Южной Сибири державы одержанная ею победа в 20-летней войне, в 840 г. сокрушившей могучий Уйгурский каганат.

С этого времени Южная Сибирь привлекла внимание западноазиатской и западноевропейской мусульманской – арабской и персидской – географической литературы. О древнехакасском династийном роде *кыргыз* (*хирхиз*, *хырхыз*), называя по его имени и страну, и народ, пишет уже Ибн Мукаффа (VIII в., Басра) и Ибн Хордадбех (IX в., Багдад), а с X в., когда жанр достигает своего расцвета, число ученых авторов возрастает многократно. В их трудах содержится множество важных для историков сведений [Кызласов Л.Р., 1984а].

Таково, например, описание Волги (Атил, Итил, Исил и пр. [Коновалова, 2006. С. 308-310, 316]). Ал-Истахри, Ибн Хаукаль (оба – середина X в.), неизвестный автор «Худуд ал-Алам» (982 г.), вслед за ними и более поздние ученые [Заходер, 1967. С. 164], считали верхним течением этой реки Каму и утверждали, что Волга «берет начало близ (земли) хырхызов» или «вытекает от границы хырхызов», и ее приток Рас (?), «вытекает из области Хирхиз» [Minorsky, 1970. P. 75, note 41, 283], вероятно, принимая за таковой р. Урал [Кызласов Л.Р., 1984а. С. 118 и библиография]. Поскольку древнехакасские караваны, постоянно прибывавшие в Поволжье, перевалив Урал, спускались туда по Каме, а затем сибиряки и обживались на ее берегах, у посторонних наблюдателей могло сложиться впечатление о начале этой реки в пределах Древнехакасской державы [Кызласов И.Л., 2007. С. 64].

Характерны два других примера далеко проникавшей славы южносибирской страны в мусульманском мире домонгольского времени. В 1154 г. араб ал-Идриси, не бывавший восточнее Сицилии, написал географический трактат, в тексте и на картах которого есть страна Хирхиз на Енисее и стоявшие там города. Персоязычный азербайджанский поэт Низами, живший в Гяндже, между 1198 и 1203 гг. завершил «Искандер-

намэ», в легендарном сюжете воспев «страну Хирхиз», – идеально устроенный мир, к которому стремился герой Искандер (Александр Македонский) [Кызласов Л.Р., 1968].

С принятием ислама в первой четверти X в. в города Волжской Булгарии вошла мусульманская наука с накопленными ею обширные географическими познаниями. Они пополнили уже имевшиеся у болгар и их соседей сведения о Древнехакасском государстве и славе его правящего рода *кыргыз*. Не случайно аскизские древности появляются в Среднем Поволжье и Камском Приуралье с XI в., закономерно и то, что в Волжской Булгарии концентрируются основные древнехакасские изделия домонгольского времени, находимые на Русской равнине. Именно в эту страну Восточной Европы стремились посланцы Южной Сибири. Именно там особо высоко ценилась саяно-алтайская всадническая аристократия, облику которой подражала местная воинская знать. Вполне вероятно, что власти Волжской Булгарии сами приглашали древнехакасских всадников на службу.

Следует обратить внимание на то, что Гардизи, начав продвижение с Руси, далее по всей евразийской трассе называет только тюркские народы. Это обстоятельство, соотносимое с излагаемыми археологическими данными, позволяет думать, что на Великом Сибирском пути именно тюркская речь в раннем средневековье служила языком международного общения. Археологическая наука показала, что носители аскизской культуры за 200 лет до монголов и за 500 лет до Ермака принесли с собой в Восточную Европу знания о Сибири, особенностях ее политической и культурной жизни, сведения о трассах Великого Сибирского пути и практические навыки продвижения по нему.

Весьма вероятно, что именно к XI-XII вв., если еще не к IX-X вв. [Кызласов Л.Р., 1984а. С. 120, прим. 59; 1984б. С. 115; 1987. С. 83], относится проникновение в землю Башджурт тех родоплеменных групп из числа древних хакасов, которые сохранились в составе современных башкир: кахас и киргиз.

Список источников и литературы

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 23-62.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1967. Т. II. 212 с.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2006. 328 с.

Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI-XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб. – Псков, 1997. Т. I. С. 380-386.

Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. II. С. 63-70.

Кызласов И.Л. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII-XIV вв. // Русь и Восток в IX-XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 139-162.

Кызласов И.Л. Имя кыргызов – символ аристократии (К историческим особенностям тюркских этнонимов) // Вопросы тюркской филологии. Вып. XII. Материалы Дмитриевских чтений, посвященных памяти Дмитрия Михайловича Насилова. М.: Изд-во МБА, 2018. С. 190-202.

Кызласов Л.Р. Низами о древнехакасском государстве // Советская археология, 1968, № 4. С. 69-76.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984а. 168 с.

Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: ТГУ, 1984б. С. 111-118.

Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987. С. 79-86.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Руденко К.А. Восточные элементы в материальной культуре населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в XI-XII вв. // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 132-135.

Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X-XX вв.). Учебное пособие. Казань: Школа, 2008. 264 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Minorsky – Hudud al-Alam. «The Regions of the Wold» a Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. 2nd Ed. L., 1970. XX+524 p.

В.И. Лясович

Ордена знака почета институт истории, языка и литературы
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии
наук

Уфа, Российская Федерация

**Участие Н.А.Мажитова в дискуссии о происхождении мазунинской
археологической культуры**

V.I. Lyasovich

Order of honor institute of history, language and literature Ufa federal
scientific center Russian academy of science

Ufa, Russian Federation

**N.A. Mazhitov's participation in a discussion about origin of
mazuninskaya archaeological culture.**

Summary: The article discusses the theory of the origin of the Mazuninskaya archaeological culture in the works of N.A. Mazhitov and B. B. Ageev. The study of the origin of the archaeological culture is one of the most complex branches of historical knowledge. Therefore, the article shows the ambiguous nature of the theoretical conclusions of domestic archaeologists on this issue. The analysis of the same materials often leads archaeologists to many inconsistent assumptions that later develop into scientific stamps and are transferred from one work to another.

Keywords: theory, historiography, Mazuninskaya archaeological culture, early iron age, archaeology of the Southern Ural, medieval, archaeological theory, origin of the archaeological culture.

В ходе изучения археологических культур, перед исследователем возникает ряд вопросов, касающихся осмысления базовых феноменов их существования. Один из таких феноменов – это процесс происхождения археологической культуры, который является наиболее сложным для построения сколько-нибудь объективных теорий [Клейн, 2004. С. 12].

Зачастую, уже на ранних этапах научной работы, ученые заранее ставят себе цель найти соответствие собственным первичным представлениям об изучаемом объекте. Поэтому в большей степени, анализ подобного вопроса приводит к чисто эмпирическим рассуждениям, и археологи оказываются в сложных ситуациях, которые обусловлены отсутствием теоретического, философского осмысления археологической культуры, как проявления духовной и трудовой деятельности человека [Добжанский, 1985. С.116]. Подобная практика ведет к отсутствию объективности получаемых результатов. В том числе, порождаются

научные штампы, подкрепленные некорректным осмыслением источников, суждения о которых переносятся из одной работы в другую.

Для территории южного Урала ярким примером здесь может послужить дискуссия о происхождении мазунинской археологической культуры или «раннебахмутинской культуры» в разработке которой значительное место занимал Н.А.Мажитов. Именно его научная позиция внесла большой вклад в создание той остроты и спорности в осмыслении происхождения древностей эпохи великого переселения народов.

Ареал мазунинских памятников охватывает территорию среднего, нижнего течения р.Белой и её притоков, а также среднего течения р.Кама и её притоков. Культура получила свое название по Мазунинскому могильнику, расположенному в 2 км. западнее от села Мазунино на правом берегу р.Кама в Сарапульском районе Удмуртской Республики [Генинг, 1967. С.85]. Хронологические рамки существования культуры: III-V вв.н.э. [Останина, 1997. С.4-5].

Практическое исследование памятников мазунинской культуры началось в 1894 г., когда казанский этнограф И.Н.Смирнов с целью поиска «чудских древностей», обследовал Мазунинский могильник [Генинг, 1967. С.85].

Как самостоятельная культура она была выделена В.Ф. Генингом в середине 50-х гг. [Останина, 2014. С.114] Им же была предложена первая теория происхождения памятников, в которых встречаются признаки материальной и духовной культуры типа мазунинского могильника. Впоследствии, взгляды В.Ф.Генинга претерпели некоторую доработку, и в 1972 г. им была выдвинута и обоснована синтезированная теория происхождения мазунинской археологической культуры [Генинг, 1967. С.53].

Непринятие факта существования мазунинской культуры вызвало резкую критику Н.А. Мажитовым теорий В.Ф.Генинга. Бахмутинская культура выделялась Н.А.Мажитовым следующим образом: «Если большинство данных позволяет говорить о том, что памятники двух или трех районов могут быть оставлены племенами, родственными по происхождению и, следовательно, языку, то есть полное основание рассматривать их как разновидности одной археологической культуры» [Мажитов, 1968. С.28]. Единство материальной и духовной культуры, подкрепленное Н.А.Мажитовым конкретными примерами позволили ему говорить лишь о мазунинской группе бахмутинских племён. Поэтому Н.А.Мажитов относил мазунинские памятники III-V в. н.э. В.Ф.Генинга к бахмутинской культуре, и пытался рассмотреть их генезис в контексте «происхождения раннебахмутинской культуры [Мажитов, 1968. С.10-28].

Нужно отметить, что вышеобозначенное введение в проблематику описываемой темы приводится мной исключительно для понимания сути

полемики между Н.А.Мажитовым и В.Ф.Генингом относительно происхождения памятников мазунинской археологической культуры (мазунинской группы бахмутинских племен). И далее в статье, я хочу кратко показать эволюцию мыслей Н.А.Мажитова по данной проблеме, начиная с его первых работ.

В 1957 г. Н.А.Мажитовым выдвигается гипотеза о принадлежности погребенных на Чиатавском могильнике к пьяноборской культуре и существовании на территории современного Башкортостана в эпоху раннего железного века древних угро-финских племен [Иванов, 2014. С.61]. Генетические связи бахмутинской культуры с культурой памятников типа Чиатавского и Уфимского могильников, указывают на автохтонный характер бахмутинской культуры [Иванов, 2014. С.62]. Происхождение бахмутинской культуры рассматривается исследователем в контексте развития финно-угорских народов Приуралья.

В 1962 г. Н.А. Мажитовым в статье «Ранние памятники бахмутинской культуры» высказывается предположение о локальных культурных различиях между племенами, ставшими основой для сложения бахмутинской археологической культуры [Мажитов, 1962. С.71]. Генетические связи «бахмутино» с культурой памятников типа Чиатавского и Уфимского могильников, указывают на её автохтонный характер [Мажитов, 1968. С.65]. Происхождение бахмутинских древностей рассматривается Н.А.Мажитовым в контексте развития финно-угорских народов Приуралья.

В работе за 1968 г. «Бахмутинская культура» Н.А. Мажитов большое внимание уделяет вопросам: а) этнокультурной принадлежности племен эпохи великого переселения народов, б) происхождению раннебахмутинской и позднебахмутинской культур [Мажитов, 1968. С.10, 28].

И здесь сразу же важно обозначить отсутствие теоретического единства в научных понятиях, которое фиксируется в данной работе. Не совсем понятно о происхождении какого конкретно исторического явления, феномена, события, образования идет речь: раннебахмутинской культуры, мазунинской группы бахмутинских племён, материальной культуры раннебахмутинских племён, раннего II-IV вв. н.э. этапа бахмутинских племён, бахмутинской культуры? [Мажитов, 1968. С.6 - 28] Как пример: «В историческом развитии бахмутинских племен два важных этапа, которые мы условно называем ранним (II-IV вв.) и поздним (V-VII вв.). Поэтому и памятники материальной культуры бахмутинских племен подразделяются в работе на ранние и поздние» [Мажитов, 1968. С.6].

Н.А.Мажитов видел корни бахмутинской культуры в пьяноборской эпохе, а её позднюю стадию связывал с турбаслинским импульсом [Мажитов, 1968. С.65]. Н.А.Мажитов считает, что материалы

Мазунинского, Ижевского и других могильников не дают основания утверждать, что мазунинские племена – это пришельцы, которые появились на Средней Каме во II – III вв. н.э. и вытеснили местное пьяноборское население [Мажитов. 1968. С.63].

Н.А.Мажитов также привлекает антропологические исследования М.С.Акимовой, которые не допускают возможности коренной смены населения Средней Камы в позднепьяноборское время. По её мнению, мазунинское население антропологически очень близко к местным пьяноборским племенам [Мажитов, 1968. С.71].

В погребальном обряде кара-абызской и мазунинской культур также прослеживается множество общих черт: 1) укладка поясных ремней вытянуто вдоль костяка; 2) наличие коллективных погребений; 3) случаи разной ориентировки умерших по сторонам света; 4) в мазунинских погребениях нет глиняных сосудов [Мажитов, 1968. С.62-63].

Интересной деталью погребального обряда, которая фиксируется как в пьяноборско-кара-абызской, так и в мазунинской среде – это обычай обкладывать могилы каменными плитами. Такая практика осуществлялась населением, оставившим Чиатавский могильник, Уфимский могильник [Мажитов, 1968. С.62-63].

Сходство в инвентаре прослеживается ученым на основании сравнения мазунинских бронзовых круглых зооморфных фибул-застежек и эполетообразных застежек Камышлы-Тамакского могильника.

Подчеркивая местные корни раннебахмутинской культуры, Н.А.Мажитов отмечает ряд особенностей, которые отличают её от кара-абызской и пьяноборской археологических культур: 1) закрепление более или менее постоянной ориентировки погребенных; 2) широкое распространение жертвенных комплексов; 3) замена однородного ямочного орнамента беспорядочным; 4) отсутствие в мазунинских могильниках Башкирии поясных ремней с накладками [Мажитов, 1968. С.60-62].

Н.А. Мажитов допускает проникновение инородных племен на территорию Средней Камы во II – III в. н.э., однако этот приток нового населения был незначительным [Мажитов, 1968. С.63]. По мнению ученого, особенности бахмутинской культуры, отличающие её от пьяноборской нужно во внутренних экономических и социальных изменениях жизни среднекамских племен.

В работе «Южный Урал в VII – XIV в.» Н.А. Мажитов вновь поднимает вопрос происхождения бахмутинской культуры. Ближайшим прототипом бахмутинской керамики является пьяноборская. Пьяноборские материалы принадлежат местному населению, также связанным с культурами предшествующих эпох. Пьяноборскую и бахмутинскую

археологические культуры объединяет: форма сосудов (тип 1,2), состав теста, ямочный орнамент [Мажитов, 1977. С.45].

Опираясь на материалы бахмутинских памятников, и исследования В.П. Алексеева, Н.А.Мажитов соглашается с его тезисом, что европеоидно-монголоидные антропологические типы в составе современных башкир восходят к местным компонентам рубежа эр типа старокиишкинско-кушнаренково-стерлитамакской и пьяноборско-бахмутинской серий черепов I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. [Мажитов, 1977. С.165].

В монографии «История Башкортостана с древнейших времен до наших дней», закрепляется предположение Мажитова Н.А. о преобладающем влиянии пришлого кочевого и полукочевого населения на местное в период перехода от раннего железного века к раннему средневековью. Теперь Н.А.Мажитов утверждает, что с IV в. основу населения Южного Урала составляют кочевые и полукочевые племена [Акманов И.Г., Кулбахтин Н.М., Асфандияров А.З., 2004. С.43].

Наконец в 2010 г. в труде «История Башкортостана. Древность. Средневековье» Н.А.Мажитов вновь говорит о том, что раннебахмутинская культура (мазунинская культура) произошла в процессе совместного проживания и культурного взаимодействия на данной территории оседлого населения и пришлых кочевников в период с II по III вв. н.э. [Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 2010. С.132-133]. Особое место здесь занимает следующая гипотеза: «На формирование бахмутинской культуры III-IV вв. большое влияние оказали выходцы из гуннской среды» [Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 2010. С.134]. Это предположение подтверждается, со слов авторов, исследованиями Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника [Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 2010. С.134].

И опять же, как и в 1968 г. Н.А.Мажитов не до конца раскрывает смысл понятия мазунинская культура, подводя её под знак равно к таким терминам как: раннебахмутинская культура, единая бахмутинская культура, мазунинский этап бахмутинской культуры [Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 2010. С.132-133].

Иной точки зрения о происхождении мазунинской археологической культуры (раннебахмутинской культуры) придерживался ученик Н.А.Мажитова – Б.Б.Агеев. Принципиальное противоречие взглядам Н.А.Мажитова заключается в негласном признании за мазунинскими памятниками статуса мазунинской археологической культуры.

В 1992 г. за авторством Б.Б.Агеева выходит работа «Пьяноборская культура», в которой в том числе затрагиваются вопросы формирования мазунинской археологической культуры. И сразу же нужно обозначить,

что Б.Б.Агеев продолжает развивать теорию о происхождении «мазунино» из пьяноборской и кара-абызской среды.

В первую очередь, Б.Б.Агеев видел одним из маркеров культурной преемственности от кара-абызской к «мазунинской культуре» - положение пояса развернуто рядом с умершим, а иногда сверху на погребенном и помещению в могилы жертвенных комплексов [Агеев, Б.Б., 1992. С.26].

На ряде могильников типа Чеганда II, Ныргында II, положение поясов вдоль костяков, жертвенные комплексы, височные подвески прямо свидетельствуют о преемственности от пьяноборской к мазунинской культуре [Агеев, Б.Б., 1992. С.57].

Преемственность материальной культуры от пьяноборской культуры к мазунинской прослеживается Б.Б.Агеевым на материалах Афонинского могильника. Инвентарь погребений содержит типично пьяноборские вещи [Агеев, Б.Б., 1992. С.69]. Височные подвески Афонинского могильника близки к височным подвескам мазунинской культуры. Свои аналогии они находят в комплексах Чеганда II (погр. 217), Кушулевского (погр. 323) и Старо-Чекмакского (погр. 12, 19) могильников [Агеев, Б.Б., 1992. С.69-70].

Одна из деталей погребального обряда могильника также позволяет говорить автору монографии о близости уже пьяноборских и мазунинских культурных традиций: положение пояса, как в кара-абызской среде, вдоль корпуса умершего и наличие жертвенных комплексов [Агеев, Б.Б., 1992. С.69-70]. Аналогичная схема погребального обряда прослеживается на могильниках (Чеганда II, Старо-Чекмакский, III Кушулевский).

Мазунинская культура сама по себе является самостоятельным историческим явлением, так как имеются могильники (Мазунинский, Ижевский), которые содержат только мазунинские комплексы [Агеев, Б.Б., 1992. С.69-70]. Развивая эту мысль, Б.Б.Агеев соглашается с мнением Р.Д. Голдиной о том, что появление в IV вв. н.э. в Приуралье групп пришлого населения, оставившего Бродовские, Харинские, Веслянские курганные могильники привело к определенному сдвигу населения. Б.Б.Агеев предполагает, что они расчленили на две части пьяноборский союз племен. Часть пьяноборского населения мигрировала на запад, где она оставила памятники Азелинской культуры. Материалы удмуртских могильников свидетельствуют о смене пьяноборской культуры мазунинской. Однако, рассматривать мазунинские памятники в контексте позднепьяноборских, и датировать последние II – V в. н.э. не следует. Аргументами в пользу этой гипотезы у Б.Б.Агеева служат следующие тезисы:

1. Есть чистые мазунинские могильники, на которых вообще отсутствуют пьяноборские комплексы;
2. В Бирском могильнике существует ряд погребений с жертвенными комплексами и мазунинскими фибулами, что позволяет

говорить о наличии мазунинских памятников как на территории современной Удмуртии, так и на территории современного Башкортостана.

Схожесть мазунинских памятников современных республик Башкортостан и Удмуртия фиксируется Б.Б.Агеевым на основе погребального обряда и материальной культуры [Агеев, Б.Б., 1992. С.108].

Ещё одним элементом преемственности культур выступает зарождение в пьяноборской среде традиции заполнения могильника большесемейными группами [Агеев, Б.Б., 1992. С.96]. Основная идея данной гипотезы – это то, что на всех крупных пьяноборских, а после и мазунинских могильниках, выявлены группы погребений, оставленных большими патриархальными семьями, имеющие собственный участок кладбища, хоронившие ближайших родственников в одном ряду, постепенно заполняя площадь кладбища с нескольких семейных участков [Агеев, Б.Б., 1992. С.96].

И если у Н.А.Мажитова с IV в. н.э. основу населения Южного Урала составляют пришлые кочевые и полукочевые племена, то у Б.Б.Агеева, пришельцы IV в. раскололи пьяноборский союз племен, окончательно разделив последний на две конкретные культуры. В этом заключается второе противоречие взглядам Н.А.Мажитова, исключаящее или умалчивающее инокультурные вливания в мазунинскую среду извне. По крайней мере Б.Б.Агеев прямо не говорит об этом. Тем более, что хронологические рамки мазунинской культуры IV-V в.н.э. намекают на то, что отправной точкой возникновения мазунинских памятников стал как раз-таки некий раскол пьяноборского мира под влиянием какого-то внешнего фактора [Агеев, Б.Б., 1992. С.96].

Подытоживая свои взгляды, Б.Б.Агеев не соглашается с предположением Р.Д. Голдиной о том, что в могильниках Прикамской Удмуртии II-V в.н.э. четко прослеживается преемственность пьяноборских и мазунинских традиций. Для Б.Б.Агеева эта закономерность была всего лишь свидетельством смещения только части позднепьяноборского населения в Волго-Вятское междуречье [Агеев, Б.Б., 1992. С.108].

Таким образом, вышеупомянутые исследователи предложили следующие теории происхождения мазунинской археологической культуры:

1. Развитие теории В.Ф. Генинга о происхождении мазунинской культуры из кара-абызской и пьяноборской среды, однако, без синтеза с пришлым кочевым элементом. Большая роль уделяется кара-абызскому давлению на позднее пьяноборское общество, и раскол пьяноборского мира на две части. (Б.Б.Агеев).

2. В самом начале своих исследований, мазунинская археологическая культура (раннебахмутинская культура) культура по Н.А.Мажитову сформировалась на основе местных финно-угорских культур: кара-

абызской и пьяноборской. Но с III-IV вв. бахмутинская культура испытывает сильное влияние кочевников - выходцев из гуннской племенной конфедерации. Кочевые или полукочевые группы либо стали основой населения бахмутинской культуры, либо оказывали на неё сильное культурное влияние.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы согласиться с выводами Б.Б.Агеева и ранними взглядами Н.А.Мажитова о том, что материальная культура мазунинского населения сформировалась на основе предшествующих культур. Подобное заключение становится возможным благодаря явному эволюционному развитию материальной и духовной культуры «мазунино». Пока мы не можем утверждать какие конкретно обстоятельства привели к появлению мазунинских памятников, но отрицать неместный характер её материальной культуры будет весьма нелогично.

Список источников и литературы

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 146 с.
- Акманов И.Г., Кулбахтин Н.М., Асфандияров А.З. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. // Т.1. Уфа, 2004. 488 с.
- Генинг В.Ф. Мазунинская культура в среднем Прикамье. // ВАУ. Вып.7. Свердловск, 1967. С.7-84.
- Генинг В.Ф., Мырзина Е.М. Мазунинский могильник. // ВАУ. Вып.7. Свердловск, 1967. С.85-115.
- Добжанский В.Н. Локальный вариант – археологическая культура – культурно-историческая общность. Что дальше? // Археология Южной Сибири. КемГУ. Кемерово, 1985. С.116-122
- Иванов В.А. Финно-угорская тематика в современной археологии Башкортостана. // Поволжская археология. №4(10). Казань, 2014. С.58-81.
- Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. Санкт-Петербург, 2004. 472 с.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Москва: Наука, 1968. 161 с.
- Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры. // ВАУ Вып.2. Свердловск, 1962. С.65-71.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII – XIV вв. Москва: Наука, 1977. 240 с.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010. 496 с.
- Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. 329 с.
- Останина Т.И. Развитие взглядов В.Ф.Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру. // Поволжская археология. №1(7). Казань, 2014. С.114-135.

М.Ф. Обыденнов
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Российская Федерация
Академик Н.А. Мажитов и музейное строительство

M. F. Obydenov
Bashkir State University
Ufa, Russian Federation
Academician N.A. Mazhitov and Museum building

N. A. Mazhitov paid much attention to the creation of a museum on the basis of the Ufa II site of ancient settlement. According to the existing classification, such a museum is among the archaeological museums under the open sky, which allows it to be used only in summer. The ancient settlement Ufa II can be museified in the lower floor of a residential complex, which can be erected on the site of an archaeological monument, which will house expositions, archaeological foundations and laboratories. On the territory of the Republic it is also possible to organize a number of municipal archaeological museums and reserves.

Key words: N.A. Mazhitov, excavations of the ancient city of Ufa II, municipal archaeological reserves. Museumification of the Ufa II site of ancient settlement on the model of the Museum in Nice.

Молодым начинающим археологом Н.А. Мажитов провел предварительное обследование городища Уфа II, результатом которого явилась статья, написанная совместно с Ищериковым [Ищериков, Мажитов, 1962]. Долгие десятилетия у исследователя не было возможности проводить масштабные археологические раскопки на памятнике и только начиная с 2006 года они были возобновлены экспедицией Башкирского госуниверситета под его руководством [Мажитов, Сунгатов, Иванов и др., 2007]. Многолетние полевые исследования позволили получить многочисленные материалы и поставить вопрос о музеефикации археологического объекта, который находится в центре столицы Республики.

В последние годы жизни Н.А. Мажитов уделял много времени и усилий разработке концепции музея, посвященного городищу Уфа-II, который он отождествлял с известным на средневековых картах городом Башкорт. Благодаря его усилиям Правительством РБ был создан музей-заповедник «Древняя Уфа», в задачу которого входит строительство музейного комплекса.

Н.А. Мажитов уже имел опыт участия в организации академического музея археологии и этнографии Южного Урала в 1970-ые годы. Ему

хотелось учесть опыт организации этого музея и создать музей, который бы являлся визитной карточкой Республики.

Актуальность создания музея под открытым небом обусловлена еще и тем, что в последние годы руководство Башкортостана уделяет все больше внимания развитию туризма, для чего необходима развернутая сеть музеев самого разного профиля.

В музееведении разработана классификация музеев по признаку их связи с той или иной отраслью науки, техники, общественного производства, искусства.

Профильная классификация делит музеи на группы, каждая из которых решает свои научные задачи. Внутри профильной группы музеи могут иметь более узкую специализацию, которая предопределяется структурой профильной научной дисциплины, вида искусства, производства. Таким образом, профильная группа может рассматриваться как система, включающая подсистемы разного уровня. Так, например, музеи исторического профиля подразделяется на общеисторические, археологические, этнографические, историко-революционные, трудовой славы и т.д. В свою очередь музеи общеисторические могут быть национальными и региональными, отражать все исторические периоды или какой-нибудь определенный этап в развитии общества.

Кроме того, выделяется группа музеев, которая объединяет несколько профилей одновременно. Это так называемые комплексные музеи. Исторически такие музеи предшествовали современным узко профильным музеям. В наше время развитие комплексных музеев, как правило, отражает процесс интеграции наук.

Можно выделить следующие основные профильные группы музеев:

Исторические музеи – все музеи, базирующиеся на системе исторических наук: широкого исторического профиля, археологические, этнографические, нумизматические, народного образования, специальные исторические (например, истории спорта и др.).

Художественные музеи – все музеи, характеризующиеся принадлежностью к истории искусства и искусствоведению. Например, музеи изобразительного искусства, картинные галереи, музеи скульптуры, музеи прикладного искусства, художественных ремесел, а также музеи театральные, музыкальные, музеи киноискусства.

Естественнонаучные музеи, опирающиеся в своей работе на естественные науки. К этому профилю относятся музеи биологические, ботанические, зоологические, геологические, минералогические, палеонтологические, экологические и др.

Технические музеи – музеи, связанные с техническими науками, производством: истории авиации, автотранспорта, связи, судостроения, железнодорожного транспорта и др.

Литературные музеи – все музеи, посвященные развитию литературы, жизни и деятельности писателей.

Музеи комплексные – музеи, сочетающие в себе два или более основных профиля, что отражается на составе фондов и содержании деятельности, организационной структуре. Наиболее распространенный комплексный профиль – краеведческий музей, включающий историческую и естественнонаучную специализацию [Музееведение, 1986].

Наиболее целесообразным и оптимальным является разработка как комплексных, так и специальных программ сохранения и музейно-туристического использования объектов археологического наследия регионального уровня. Совершенно не развитыми остаются культурный и музейный туризм, отсутствует как таковая программа создания сети историко-культурных территорий и музеев-заповедников, не регламентируется посещение и туристическое использование мест расположения археологических памятников (Гусев, Загорулько, Минеева и др., 2011).

Основная цель управления археологическим наследием, подчеркивается в хартии по охране и использованию археологического наследия – сохранение памятников и достопримечательных мест в первоначальном облике, включая сюда долгосрочную консервацию, тщательность в составлении документации и хранении коллекций и всего того, что относится к ним.

Основной принцип – это признание того, что при сборе информации, необходимой для консервационных и научных целей по археологическому наследию, его разрушение должно быть минимальным [Хартия...,1991. п.5].

Восстановление отвечает двум важным функциям – экспериментальным изысканиям и популяризации. Оно должно осуществляться с большой осторожностью, чтобы избежать искажение любой археологической детали, а также должно учитывать свидетельства у всех без исключения источников, чтобы обеспечить достоверность.

Восстановление объекта не должно возводиться на самих археологических объектах, а определяться как таковые самостоятельно [Хартия.,1991, п.7].

Организация охраны отдельных объектов не сможет привести к успеху в деле сохранения археологических памятников. В конце концов отдельным памятником всегда смогут пренебречь. В целях реализации более рационального и экономичного строительного проекта. Сохранение археологических памятников целесообразно реализовывать в комплексе специальных историко-культурных заповедников федерального и регионального или местного (муниципального) значения. Характерно, что по Закону 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках

истории и культуры) народов Российской Федерации « (ст. 5) порядок организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения, его граница и режим его содержания устанавливается органом местного самоуправления по согласованию с органом исполнительной власти субъекта РФ, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия. В РБ – это Главное управление по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия.

В плане организации заповедников следовало бы выделить зоны природных заповедников, объединив природные особо охраняемые зоны с историческими, сохраняя вместе с памятниками археологии ландшафтно-бытовой облик окружающей местности.

Идея создания различного вида музеев-заповедников поддерживается государством. Она связывается с концепцией музейного способа сохранения и продления срока использования памятников культурного назначения.

Исторически развиваясь на протяжении более чем столетия в России, музеи-заповедники создавались трех видов: связанные с формированием собрания из памятников, привезенных из разных мест, памятников местного происхождения, и собрания памятников, часть которых сохраняется на местах, а часть – привозные. Таким образом, создавался новый тип музея, который предполагает новые музейные формы работы с одним из видов археологических источников – памятниками археологии: поселениями, городищами, курганами. Музей-заповедник, таким образом, представляет возможность сохранять и экспонировать памятники археологии в качестве музейных экспонатов. По одной из классификаций, принятой современными исследователями-музееведами, этот тип музея относится к третьему типу как «историко-природный парк».

Основной особенностью и ценностью этого типа музеев являются не только находящиеся в нем памятники, но и их природное и ландшафтное окружение, естественная среда их функционирования, сохраненная в условиях ограниченного современного хозяйствования.

Работа с археологическими объектами на территории таких музеев-заповедников строится на основе проведения полного исследования памятников с их последующей музеефикацией, т.е. превращением в объекты музейного показа. Целью музеефикации археологических памятников является их сохранение и дальнейшее рациональное научное и культурное использование. К этим работам относятся: предварительное исследование памятника, проведение раскопок, консервация остатков, частичная или полная реконструкция открытых сооружений (оборонительных сооружений, построек различного назначения, захоронений, культовых мест и т.п.), создание современных павильонов и музейных экспозиций на памятнике. Каждый из этих этапов и видов

работы на памятнике может стать объектом музейного показа. Выбор объектов для музеефикации проводится на основе определения их научной и культурной значимости и уникальности, сохранности и доступности для осмотра.

Известно, что после археологических раскопок памятник практически подвергается уничтожению – разрушается культурный слой поселенческих объектов, разрушаются оборонительные сооружения, практически сравниваются с землей погребальные памятники – курганы и захоронения. Таким образом, памятник, представляющий наибольшую научную ценность, после проведения его исследований перестает существовать как объект для его дальнейшего изучения и культурного использования.

Совершенствование научно-исследовательских полевых и камеральных работ обуславливается тем, что изучение и охрана памятников археологии порой понимается как единая задача (чтобы сохранить, нужно раскопать, т.е. «уничтожить» памятник, превратить его в собрание коллекций, графических, фото и других документов). Но памятника то уже не будет и для следующих поколений этот объект будет сохранен только в виде рукописей, вещей и книг. Сохранение объектов культурного наследия – памятников археологии – задача совершенно другая, в отличии от раскопок.

Таким образом, создание музеев-заповедников является в настоящее время наиболее оптимальной формой сохранения и использования археологического наследия. Деятельность таких музеев-заповедников направлена на пропаганду научных достижений, способствует патриотическому воспитанию, развитию культурного туризма и популяризации археологических знаний [Минеева, 2016].

На основе закона РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации 2002 года» в отношении достопримечательного места, представляющего собой выдающейся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания, на основании заключения историко-культурной экспертизы может быть принято решение об отнесении данного достопримечательного места к историко-культурным заповедникам.

Историко-культурные заповедники могут быть федерального, регионального и местного (муниципального) значения.

Порядок организации историко-культурного заповедника и определение его границы регулируются статьей 58 закона РФ (ФЗ Об объектах ..)

Граница историко-культурного; заповедника определяется на основании историко-культурного опорного плана и материалов, в которых обосновывается предлагаемая граница в отношении историко-культурного

заповедника регионального значения и историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения – органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, по согласованию с органом местного самоуправления.

Граница историко-культурного заповедника может не совпадать с границей достопримечательного места.

Порядок организации историко-культурного заповедника регионального значения, его граница и режим его содержания устанавливаются в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

Порядок организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения, его граница и режим его содержания устанавливаются органом местного самоуправления по согласованию с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, (статья 58 закона РФ «Об объектах культурного наследия памятниках истории и культуры) народов РФ» 2002 г.

Как следует из Закона, первым этапом создания историко-культурного (археологического) заповедника может быть установление его статуса местного (муниципального) значения для территории.

В Приуральской части Башкортостана возможна организация нескольких музеев-заповедников под открытым небом. Это Охлебининский, Бирский и Бачки-таусский муниципальные заповедники.

Границы Охлебининского историко-культурного (археологического) заповедника должны быть установлены на основе историко-культурного опорного плана, где обосновываются предлагаемые границы. Здесь известны Охлебининский могильник и несколько городищ раннего железного века.

При организации заповедника могут быть выделены следующие этапы:

Территория заповедника должна быть согласована с заинтересованными министерствами и ведомствами.

Создание зон отдыха, туризма в заповеднике, организация дорожек и игровых площадок. Разработка маршрутов осмотра.

Создание летней хозяйственной базы в селе Охлебинино для организации студенческих практик, хранения оборудования, техники.

Создание музея под открытым небом с реконструкцией ряда археологических и исторических объектов (предположительно на окраине села Охлебинино). Создание туристического комплекса летнего палаточного туризма в селе Охлебинино. Организация туристических маршрутов из г. Уфы по территории историко-культурного

(археологического) заповедника. Создание в селе Охлебинино краеведческого музея [Обыденнов, Овсянников, Минеева, 2003].

На территории Бирского района располагается более 46 объектов историко-культурного археологического назначения, которые имеют важное научное, образовательное, культурное и воспитательное значение. Эти объекты в основном известны более полувека, но местное население, местные органы власти не смогли их освоить, эффективно использовать в патриотическом, образовательном, воспитательном аспекте. В то же время, все эти объекты можно с успехом использовать для развития не только местного, учебного (главным образом школьного) туризма и экскурсий, но и общероссийского и международного туризма.

Привлекая туристов из финноязычных стран и угроязычных регионов, особенно в летний период, археологические объекты Бирского района могут стать центром паломничества финно-угро-язычного населения (Венгрии, Финляндии, Эстонии, Западной Сибири) и сыграть значительную роль в подъеме экономики района.

Помимо археологических объектов, на территории района, вблизи них возможно выделить природные, экологические объекты, а также хорошо сохранившие традиционную культуру, населенные пункты с традиционной архитектурой. Все эти объекты возможно объединить в единый историко-культурный и экологический заповедник с широко поставленными задачами сохранения и использования объектов в патриотическом, историческом и экологическом воспитании населения, а также решения и экономических задач района путем привлечения сюда инвестиций за счет туризма и научных исследований по экологии, истории, археологии, экономике и др. [Обыденнов, Минеева, Домрачева, 2003].

Разрушение большого числа археологических памятников в ходе строительства Башкирской атомной электростанции, ныне приостановленной, ставит вопрос о создании историко-природного заповедника в Краснокамском районе РБ и музеефикации основных наиболее значимых археологических объектов, которые еще возможно сохранить.

Наиболее перспективным с этой точки зрения является городище Тра-тау, которое принято на государственную охрану как памятник археологии Постановлением Совета Министров БАССР от 31.12.1970 года №399. В настоящее время городище оказалось на острове-останце, окруженном каналом БАЭС, заполненным водой, и охватывает площадь около 10 га. Данный памятник является великолепным памятником природы как геологический объект, на котором сохранилась микрофауна и флора в первозданном виде. Решив вопрос с принятием его на государственную охрану как памятник природы, здесь можно организовать историко-природный и археологический музей-заповедник «Бачки-Тау». В состав

музея-заповедника помимо самого городища Тра-тау могут входить все расположенные в его окрестностях памятники, относящиеся к энеолиту, бронзе, раннему железному веку и средневековью. В качестве отделений могут быть музеефицированы Ново-Кабановское городище (в микрорайоне дд. Ново-Кабаново – Старо-Кабаново), Какры-кульское (Старо-Муштинское) городище на озере Какры-куль в микрорайоне «Старая Мушта», Старо-Муштинский могильник и др., сообщение между которыми может осуществляться в автотранспорте.

База музея может быть организована в г. Агидель, где имеется вся необходимая инфраструктура.

Помимо проведения экскурсий на памятники и осмотра музея здесь могут быть организованы конные верховые маршруты и конно-санные зимой, отдых туристов и рыбалка. На берегу канала оборудуются пляж и причал для прогулочных лодок и катеров.

Одно из направлений деятельности музея-заповедника – проведение исследований и реконструкция городища Тра-тау. Исследования проводятся по нескольким направлениям: археологические раскопки на еще неисследованных участках городища, геологическое изучение останца и его окрестностей, где расположены памятники, сбор и исследование образцов флоры и фауны, в том числе палеофлоры (по материалам споропыльцевых остатков) и палеофауны (остеологические и палеонтологические материалы).

Реставрационные работы на городище включают в себя следующее: частично спиливается и прореживается лес на городище; бульдозером засыпаются карьеры строителей и старые раскопы; участки между валами засаживаются травой; территория памятника и подходы к нему оборудуются тропинками и смотровыми площадками; реконструируются в натуральную величину некоторые участки оборонительной системы – валы и рвы, а так же древние постройки и объекты (жилища, навесы, очаги, печи); на наиболее важных объектах и участках памятника проводится консервация культурного слоя.

Непосредственное участие в реализации программы могут принимать студенты вузов по программам гуманитарных и естественно-научных дисциплин, проходя практику по археологии, этнографии, музееведению, геологии, географии, ботанике, зоологии и т.д. [Обыденнов, Сермягин, Яминова, 1998].

Уфа испытывает большую потребность в музеях и т.о. можно говорить о программе музейного строительства в городе и окрестностях.

В городе известно более 100 различных музеев, большая часть которых ведомственные и небольшие по масштабам [Обыденнов, Тимершин, 2003]. В городе нет подробного и хорошего каталога – путеводителя по музеям города.

Имеется справочник школьных музеев Республики [Школьные музеи, 2017], но там очень скудная информация, причем многие из них не являются музеями в полном смысле этого слова.

В г.Уфе можно было бы создать следующие музеи.

Музей истории коневодства

Музей музыкальных инструментов и хореографии

Музей горной промышленности

Музей транспорта

Музей просвещения и профессионального образования

Музей истории медицины

Музей истории нефти

Музей машиностроения

Музей хлеба

Музей истории охоты и рыболовства

Музей истории ислама

Музей истории спорта

Музей выдающихся людей Башкортостана

Музеи могут обслуживать не только жителей и гостей города, но фото выставки и музейные экспозиции могли бы эффективно представлять Республику в зарубежных странах, показывая культуру и образ жизни тюркских народов России.

Экспозиция музея городища Уфа II могла бы разместиться в нижних этажах жилого комплекса, который строители мечтают построить на месте средневекового городища. Подобный опыт создания музея имеется в Нице во Франции, где вначале было раскопана стоянка среднего палеолита, затем построен жилой дом, в нижнем этаже которого была размещена экспозиция и восстановлен археологический раскоп и реконструкции жилищ каменного века и пр. Часть помещений отведено под лаборатории и коллекции.

Подобный музей в Уфе возможно создать относительно быстро и в тысячи раз дешевле предлагаемых проектов.

Список источников и литературы

ФЗ №73-ФЗ от 25.07.2002г. «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации»

Хартия по охране и использованию археологического наследия // Советская археология, 1991, №3. С.293-296

Гусев С.В., Загорюлько А.В., Минеева И.М., Ожередов Ю.И., Ксенц А.С. Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России. Томск, 2011. 260 с.

Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа, 1962.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Сатаров Т.Р., Султанова А.Н. Иванова Е.В. Городище Уфа II. Материалы раскопок 2006 г. Т.1. Уфа, 2007. 160 с.

Минеева И.М. Сохранение археологического наследия в Башкортостане. Опыт социокультурного исследования. Уфа, 2016. 288 с.

Музееведение. Музеи исторического профиля. М., 1986.

Обыденнов М.Ф., Овсянников В.В., Минеева И.М. Охлебнинский историко-культурный (археологический) заповедник. Уфа, 2003. 24 с.

Обыденнов М.Ф., Минеева И.М., Домрачева М.Е., Тимершин Х.А. Бирский историко-культурный (археологический) заповедник. Уфа, 2003. 50 с.

Обыденнов М.Ф., Сермягин В.Г., Яминов А.Ф. К концепции организации историко-природного заповедника Бачки-тау: Препринт. Уфа, 1998.

Обыденнов М.Ф., Тимершин Х.А. Музеи города Уфы. Уфа, 2003.

Школьные музеи Республики Башкортостан (Путеводитель). Уфа, 2017. 352 с.

Н.С. Савельев

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН

Уфа, Россия

К истории создания «Археологической карты Башкирии»

The article provides general data on the history of the creation of the collective monograph “The Archaeological Map of Bashkiria” (Moscow: Nauka, 1976) and the dynamics of the archaeological study and identification of monuments in the south-eastern region of Bashkortostan. The role of K.V.Salnikov and N.A.Mazhitov is shown in the implementation of this project.

Keywords: South Ural, Bashkortostan, archaeological map

Выпущенная в 1976 г. Башкирским филиалом Академии наук СССР в издательстве «Наука» «Археологическая карта Башкирии» являлась для России первым опытом создания и, что не менее важно, – издания сводов археологических памятников⁷. Явление это было знаковым как для Башкирской АССР, так и для РСФСР в целом – по прошествии почти 50 лет далеко не в каждом регионе страны такие своды были созданы. В еще большей степени сам факт издания такой специфической коллективной монографии свидетельствовал о сложении в Уфе самостоятельного (в первую очередь – в рамках Волго-Уральского региона) археологического центра, способного не только ставить, но и решать нестандартные и крайне сложные задачи. Значительным шагом вперед был и предвещающий саму

⁷ Для СССР в целом таким первым сводом стала «Археологическая карта Казахстана», изданная в 1960 году [Археологическая..., 1960].

научно-справочную часть развернутый иллюстрированный очерк археологических эпох и культур Южного Урала [АКБ, 1976. С. 12-33]. Можно сказать, что именно его наличие превратило «Археологическую карту Башкирии» в своеобразную археологическую азбуку, востребованную специалистами до сих пор.

Ни сколько не умаляя всех разноплановых задач, стоявших перед коллективом создателей «Археологической карты Башкирии», в основе лежал именно свод археологических памятников территории, по своей площади (142,9 тыс. км²) более чем в три раза превышающей Московскую область и находящейся между современными Таджикистаном (143,1 тыс. км²) и Грецией (131,9 тыс. км²). Идейным вдохновителем и начинателем этой гигантской работы был К.В. Сальников (1900-1966), в 1960 г. приехавший из Свердловска (совр. Екатеринбург) и возглавивший археологическое подразделение Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (в настоящее время – ИИЯЛ УФИЦ РАН) [Иванова, 2011. С. 156-157]. Официальное начало академической плановой темы «Археологическая карта Южного Урала» относится к 1965 г., но уже в следующем году, после смерти К.В. Сальникова, во главе проекта и всего авторского коллектива встал Н.А. Мажитов (1933-2015), на которого и упал основной груз научных, научно-организационных работ и последующего взаимодействия с издательством.

Объем выполненных работ хорошо иллюстрирует и сухой язык цифр. Всего в «Археологической карте Башкирии», т.е. по данным на 1970 г., когда была завершена плановая академическая тема, учтено 2059 археологических объектов и отдельных находок. Учитывая, что в своде Г.В. Вахрушева 1926 г. для территории республики было учтено 98 памятников [Вахрушев, 1926], а в своде И.А. Талицкой, вышедшем уже в начале 1950 гг., содержались сведения всего по 224 памятникам [Талицкая, 1952], уже сами составители «Археологической карты Башкирии» констатировали крайне слабую изученность территории Башкирии [АКБ, 1976. С. 8]. На этом фоне десятикратный рост выявленных и введенных в научный оборот археологических памятников является показателем очень целенаправленных и плодотворных усилий археологов, работавших в Башкирии в 1950-60 годы.

Учитывая очень ярко выраженные ландшафтные различия территории Башкирии, для анализа стратегии и динамики археологического обследования этого времени в качестве своеобразной модели мной представлены данные по 11 восточным, южным и юго-восточным административным районам БАССР и современного Башкортостана (далее – юго-восточный регион), охватывающим единым массивом Башкирское Зауралье, горно-лесную зону Южного Урала и небольшой предгорный

участок равнин Южного Приуралья⁸. Всего на этой территории учтено 638 памятников, относящимся ко всем историческим эпохам (эпоха камня – позднего средневековья), что составляет почти 31% от всех памятников, учтенных в «Археологической карте Башкирии». Площадь этой территории – 52,1 тыс. км² (36% от Республики Башкортостан) и вполне сопоставима с современной Хорватией (56,5 тыс. км²) или, к примеру, с Воронежской (52,2 тыс. км²) или Самарской (53,5 тыс. км²) областями РФ.

По данным «Археологической карты Башкирии» до 1917 года на этой территории было зафиксировано 30 объектов (4,7%), в последующее время до середины XX века – 38 объектов (6%), в 1950-е гг. – 137 объектов (21,5%) и в 1960-е гг. – 433 объекта (67,9%). Учитывая, что плановая академическая тема «Археологическая карта Южного Урала» выполнялась в течение 1965-1970 гг., для большей ясности последнее десятилетие разделено на 2 этапа – 1960-1964 и 1965-1970 гг. На первом этапе было выявлено 225 объектов (35,3% от всех учтенных), на втором – 195 (30,6%).

Последнее свидетельствует о том, что фактически пик выявления археологических памятников приходится на время, предшествующее началу работы по плановой академической теме 1965-1970 гг. Более того, начало этого процесса может быть отнесено еще к 1950-м гг. и непосредственно связано с деятельностью руководимой К.В. Сальниковым Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского государственного университета, которая с начала 50-х годов стала проводить многочисленные разведки, постепенно охватывая как башкирскую часть Южного Зауралья, так и предгорные равнины Южного Приуралья [Сальников, 2009. С. 201-204]. Руководителями отрядов этой экспедиции, работавших на территории Башкирии в 1951-55 гг., были Н.П. Кипарисова [Виноградов, Валиахметова, 2018. С. 82-83], В.И. Фомина, В.П. Викторов и В.Д. Викторова. До сих пор опубликована только малая часть результатов этих исследований и относится она только к работам двух последних отрядов [Викторова, 1962].

⁸ Хайбуллинский, Баймакский, Абзелиловский, Учалинский, Зилаирский, Зианчуринский, Кугарчинский, Куюргазинский, Мелеузовский, Бурзянский и Белорецкий районы Республики Башкортостан.

Таблица 1

Динамика выявления археологических памятников в пределах юго-восточного региона Башкортостан
(по данным «Археологической карты Башкирии». М.: Наука, 1976)

№	район	всего (ед./%)	до 1917	до 1950	1950- 1959	1960- 1970	1960- 1964	1965- 1970	архив
1	Хайбуллинский	48/100	1/2,1	11/22, 9		36/75,0	35/72,9		1/2,1
2	Зилаирский	15/100		4/26,7		11/73,3	10/66,7	1/6,7	
3	Баймакский	133/100	12/9,0	7/5,3	10/7,5	104/78,2	44/33,1	55/41,4	5/3,8
4	Абзелиловский	133/100	8/6,0	4/3,0	31/23,3	90/67,7	52/39,1	37/27,8	1/0,8
5	Учалинский	45/100	7/15,6	2/4,4		36/80,0	22/48,9	14/31,1	
6	Белорецкий	30/100		5/16,7		25/83,3	22/73,3	1/3,3	2/6,7
7	Бурзянский	26/100				26/100	24/92,3	2/7,7	
8	Кугарчинский	44/100		5/11,4	11/25,0	28/63,7	5/11,4	21/47,7	2/4,5
9	Мелеузовский	89/100	1/1,1		68/76,4	20/22,5	9/10,1	9/10,1	2/2,2
10	Зианчуринский	34/100	1/2,9		2/5,9	31/91,2	1/2,9	30/88,2	
11	Куюргазинский	41/100			15/36,6	26/63,4	1/2,4	25/61,0	
ИТОГО		638/100	30/4,7	38/6,0	137/21,5	433/67,9	225/35,3	195/30,6	13/2,0

Фактически, приход К.В. Сальникова на работу в ИИЯЛ БФАН СССР позволил совместить уже наработанную огромную базу и нацеленность руководства института на детальное археологическое изучение территории Башкирии с последующим изданием археологической карты. Впервые это было сформулировано в докладе «О перспективах научных исследований в секторе истории, археологии и этнографии» Р.Г. Кузеевым (январь 1958 г.), бывшим в то время заведующим сектором [Иванова, 2011. С. 156].

Начатая К.В. Сальниковым в институте плановая научная тема «Древняя история Башкирии. Эпоха бронзы и раннего железа» также предполагала расширение разведочных работ и первой (и единственной) экспедицией в юго-восточный регион Башкортостана в этот период (1960-1964 гг.) стала экспедиция М.Х. Садыковой, осуществленная в 1962-63 гг. В ходе обследования бассейна рек Сакмары и Урала (Хайбуллинский, Баймакский, восточная оконечность Зилаирского и южная оконечность Абзелиловского районов) ей было открыто 93 разнотипных памятника. Выявление (иногда сопровождавшееся небольшими исследованиями) большей части из остальных 132 памятников в 1960-64 гг. проводилось вне всякой связи с работами ИИЯЛ БФАН СССР. К ним, в первую очередь, относятся очень результативные разведки А.П. Шокурова в верхнем течении р. Белая (Белорецкий, Бурзянский, Мелеузовский и Кугарчинский районы), проведенные в 1961-62 гг. [Савельев, 2011; Древности..., 2018. С. 11] и Г.Н. Матюшина на озерах Башкирского Зауралья.

Сама тема «Археологическая карта Южного Урала» была утверждена постановлением Бюро Отделения истории АН СССР № 4 от 4 февраля 1965 г. С этого момента начались активные разведочные работы в зауральских и приуральских районах (в основном – Баймакский, Абзелиловский, Зианчуринский, Кугарчинский и Куяргазинский). Очень важной закономерностью является то, что в течение 1965-70 гг. обследованию подвергаются только те районы, которые были практически не обследованы или мало обследованы в предшествующее время (табл. 1). Также в это время практически полностью прекращаются и разведки в горно-лесной зоне. Основной приоритет отдается уже работе по составлению реестра памятников, написанию обзорных статей, подготовке карт, указателей и т.д.

Список источников и литературы

АКБ: Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Археологическая карта Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.

Вахрушев Г.В. Памятники природы, старины и искусства Башкирии // Башкирский краеведческий сборник. 1927. № 1. С. 40-51.

Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ им. А.М. Горького, 1962. С. 155-173.

Виноградов Н.Б., Валиахметова З.А. Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век – середина 1970-х годов). Челябинск: АБРИС, 2018. 158 с.

Древности Башкирского Урала / Сост. и науч. ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Иванова Е.В. Полевые изыскания уфимских археологов в Южном Зауралье (1960-е – начало 1980-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 156-160.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961-1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы регион. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 42-70.

Сальников К.В. История археологических исследований на Южном Урале (Введение. Н.Б. Виноградов) // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. и сост. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 158-214.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) / Материалы и исследования по археологии СССР. №27. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 226 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

С.Л. Воробьёва

Национальный музей Республики Башкортостан

г. Уфа, Россия

Влияние носителей пьяноборской культуры на раннесредневековое население Южного Урала (историографический обзор)

S.L. Vorobyeva

National Museum of the Republic of Bashkortostan

Ufa, Russia

Influence of the carriers of Piany Bor population on the early medieval population of the Southern Urals (historical survey)

The article discusses the influence of the carriers of Piany Bor population on the early medieval population (Mazinino culture) of the Southern Urals according to well-known scientific publications. This problem was discussed in the works of V.F. Gening, N.A. Mazhitov, M.S. Akimova, V.A. Ivanov and other researchers. Disputes over this issue continue to this day. Some scientists argue that Mazinino culture originated on the basis of drunkard culture. Other scientists point out differences in the burial rites of these cultures. It is concluded that this problem can be solved only if you disassemble all the available archaeological material and compare it with each other.

Key words: Early Iron Age, Piany Bor culture, Mazinino culture, Kara-Abyz culture

Работа выполнена на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)»)

В эпоху раннего железа бассейны Средней и Нижней Камы, Нижней и Средней Белой становятся центром формирования и развития пьяноборской культуры, образованной на основе распавшейся ананьинской культурно-исторической общности. Пьяноборская культура впервые была выделена П.А. Пономаревым в 1888 г. для территории Прикамья [Оконникова, 2002. С. 4]. Датировку и ареал распространения памятников пьяноборской культуры предложил А.А. Спицын в 1893 г. [см.: Спицын, 1983], а все известные материалы по поселениям и могильникам данной культуры были обобщены А.П. Смирновым в 1952 г.,

определившим время функционирования памятников III в. до н.э. – V в. н.э. [Смирнов, 1952].

На данный момент существует несколько точек зрения в понимании понятия «пьяноборская культура»: В.Ф. Генинг «пьяноборской» назвал общность, объединившую все культуры постананьинской эпохи – чегандинскую, гляденовскую, осинскую, кара-абызскую и гафурийско-убаларскую [Генинг, 1970, С. 8-9; 1988. С. 29], при этом, к чегандинским он относил памятники III в. до н.э. – II в. н.э. в Камско-Бельско-Икской пойме [Генинг, 1962. С. 19, 26]. Эту точку зрения поддержал Н.А. Мажитов, относивший кара-абызский тип керамики к пьяноборскому времени [Мажитов, 1968. С. 57-59]. В свою очередь, А.Х. Пшеничнюк, как и большинство уфимских исследователей, а также казанские и самарские археологи не приняли переименования и продолжают пользоваться термином «пьяноборская культура» [Пшеничнюк, 1973. С. 217; Агеев, 1992; Зубов, 2009. С. 255-267; Сатаров, 2013]. Оба названия воспринимаются как синонимы, в литературе иногда встречается даже объединенное наименование – «пьяноборская (чегандинская) культура» или наоборот [Бугров, 2000. С. 117; Стоматина, 2004]. Р.Д. Голдина в составе пьяноборской общности объединила пьяноборскую (чегандинскую по В.Ф. Генингу) и мазунинскую культуры [Голдина, 2004, С. 200]. Эту концепцию поддерживают большинство удмуртских исследователей [Красноперов, 2006; Сабиров, 2011].

Под «пьяноборской культурой» нами понимается «совокупность памятников рубежа нашей эры, локализующихся на территории Удмуртского Прикамья, нижнего течения р. Белой и бассейна р. Ик» [Бугров, 2006]. Хронологические рамки пьяноборской культуры определены II в. до н.э. – III в. н.э. [Зубов, 2009. С. 255]. В настоящее время известно около 200 памятников, отнесенных к этой культуре, из них 45 могильников (включая отдельные захоронения) [см.: Зубов, 2009. С. 255; Сатаров, 2013].

По мнению ряда исследователей (Н.А. Мажитов, М.С. Акимова), носители пьяноборской культуры были предками раннесредневекового населения Южного Урала – носителей бахмутинской (мазунинской) культуры, а по другой версии, в составе бахмутинского (мазунинского) населения были не только местное, но и пришлое (В.Ф. Генинг, С.М. Васюткин). Историографические аспекты выделения бахмутинской (мазунинской) культуры рассмотрены в той или иной степени в работах С.М. Васюткина [Васюткин, 1971], О.С. Крапачевой (Белявской) [Крапачева, 2013], А.П. Зыкова [Зыков, 2011], В.А. Иванова [Иванов, Злыгостев, Антонов 2013], А.С. Проценко [Проценко, 2015]. В данном исследовании проанализирован весь имеющийся на сегодняшний день

массив публикаций по проблеме участия носителей пьяноборских памятников в формировании бахмутинской (мазунинской) культуры.

А.В. Шмидт в 1928 г. высказал точку зрения, что памятники бахмутинского типа оставлены древнемадьярскими племенами [Шмидт, 1929. С. 26]. На местный характер происхождения бахмутинской культуры указывал Р.Б. Ахмеров [Ахмеров, 1970. С. 168-175].

А.П. Смирнов первоначально считал, что бахмутинская культура сложилась на основе пьяноборской и ломоватовской, при этом раннюю группу погребений он относил к пьяноборской, а позднюю – к ломоватовской [Смирнов А.П., 1952. С. 81] культурам, но в дальнейшем пересмотрел свои взгляды и отказался от этой версии, указывая на различия этих культур с бахмутинской [Смирнов А.П., 1958. С. 50-54].

В.Ф. Генинг в 50-х гг. XX в. выступил против местного происхождения бахмутинской культуры, считая, что она сложилась в результате слияния пришлых южноуральских или западносибирских угорских племен с местным населением культуры типа Кара-Абыз [Генинг, 1959. С. 200, 201]. По его мнению, процесс формирования мазунинской культуры был довольно сложным: одна из групп пришлого населения, этническим отличием которой он считал бабочковидные фибулы, разгромила пьяноборский союз племен, население которого бежало на запад (азелинская культура). Но значительная часть пьяноборского населения была поглощена пришельцами, в результате чего образовалась мазунинская культура и а на юге в состав этого населения вошли отдельные группы бахмутинских и тураевских племен [Генинг, Стоянов, 1961. С. 83-84]. В своей обобщающей работе 1988 г. В.Ф. Генинг так видит этнокультурную ситуацию в эпоху раннего средневековья: во II-III вв. н.э. убаларские племена, продвинувшиеся к северу (по его мнению это бахмутинская культура), под давлением пришлых племен, отходит к северу, смешивается с чегандинским нижнебельским населением (пьяноборская культура), что способствовало образованию нового мазунинского населения, которое в дальнейшем перешло Каму и вытеснило остуда на запад правобережные чегандинские племена [Генинг, 1988. С. 220].

Г.И. Матвеева, в отличие от В.Ф. Генинга считала, что в сложении мазунинской культуры принимали участие пьяноборские и кара-абызские племена, при ведущей роли последних [Матвеева, 1971. С. 129]. Она также делает предположение, что памятники имендяшевского типа принадлежат к мазунинской (раннебахмутинской) культуре [Там же].

С.М. Васюткин считал, что раннебахмутинская культура сформировалась в результате синтез культур местных пьяноборских и кара-абызских племен и культуры пришлого населения. В ней больше выявляются местный пьяноборский и кара-абызский компоненты и

меньше пришлый (имеется в виду сибирское и Зауральское население, переселившееся в Западное Приуралье в III в. н.э. и вытеснившее часть пьяноборского населения на северо-запад), но пришлый компонент не играл решающей роли в сложении культуры [Васюткин, 1971. С. 104].

А.Х. Пшеничнюк, в своих работах по кара-абызской культуре придерживается мнения, что в вопросе последующего развития кара-абыза племени пьяноборской и кара-абызской культур составили основу раннебахмутинской (мазунинской) культуры, а убаларские племена приняли участие в формировании культуры типа имендяш [Пшеничнюк, 1973. С. 242-243].

Проблему происхождения древнего населения Башкирии попыталась решить антрополог М.С. Акимова, она наметила определенную линию связи в ряду: пьяноборцы – бахмутинцы – современные северные башкиры [Акимова, 1968. С. 96]. Основным компонентом в сложении северных башкир выступали не пришлые, а местные племена. Различия между мазунинскими (бахмутинскими) и пьяноборскими (чегандинскими) сериями идут в направлении большего сближения первых с башкирскими, характеризующимися присутствием черт монголоидности [Акимова, 1961. С. 33]. По мнению М.С. Акимовой, в конце первого тысячелетия до н.э. происходит формирование единого антропологического типа с различными вариантами. На черепках кара-абызской и пьяноборской культур отмечается преобладание европеоидных черт. Монголоидные особенности проявляются только в умеренном или слабо выступающем носе. Этот тип, как предполагает М.С. Акимова, имел широкое распространение и послужил основой для формирования последующего населения этой области [Акимова, 1968. С. 35-36].

Н.А. Мажитов вывод М.С. Акимовой о том, что мазунинское население антропологически очень близко к пьяноборским племенам, использует в качестве одного из доказательств местных корней раннебахмутинской культуры [Мажитов, 1968. С. 64]. В свою очередь Н.А. Мажитов отмечал ряд особенностей, отличавших бахмутинскую культуру от кара-абызско-пьяноборской, которые, возможно, по его мнению, связаны с проникновением на рубеже II-III вв. н.э. в среду местных пьяноборских племен новых этнических групп (в данном случае он соглашается с В.Ф. Генингом). Но этот приток нового населения не имел решающей роли в формировании бахмутинской культуры, а все различия ее от пьяноборской связаны с внутренними изменениями, произошедшими в общественной и экономической жизни племен [Мажитов, 1968. С. 64].

Б.Б. Агеев, проанализировав огромный массив пьяноборских поселений и могильников пришел к выводу, что в сложении мазунинской

культуры принимали участие пьяноборские и кара-абызские племена [Агеев, 1992. С. 95].

Р.Д. Голдина рассматривает мазунинскую культуру как заключительный этап чегандинской (пьяноборской) культуры (III-V вв.). Такие выводы сделаны по материалам памятников длительного времени бытования (Тарасовский, Бирский, Ижевский, Удмуртский, Наргында I), которые убедили исследователя в «спокойном, плавном развитии материальной культуры местного населения до V в. н.э., и нет никаких оснований отделять мазунинские комплексы от чегандинских. Своеобразие их определяется хронологическими изменениями, воздействием соседей, но не сменой общественно-экономического уклада или населения» [Голдина, 2004. С. 219]. В литературе точка зрения Риммы Дмитриевны активно оспаривается, но, как бы к этой теории не относились исследователи, на данный момент она единственная проанализировала массив древностей полностью раскопанного Тарасовского могильника, где есть погребения как пьяноборской, так и мазунинской культур.

Т.И. Останина отмечает, что население кара-абызской культуры, вследствие демографического фактора (перенаселение), несколько раз продвигалось к северу, в низовье р. Белая, туда, где в более раннее время проживало пьяноборское население, а затем будет проживать мазунинское – их потомки. Т.е. при вторичном передвижении кара-абызцы встретили родственное себе население, ранее пришедшее сюда и ассимилировавшееся с пьяноборским [Останина, 1997. С. 167].

В.А. Иванов с соавторами в обобщающей работе по Уграм Предуралья приводит исследования Ф.А. Сунгатова из несостоявшейся монографии «Этнокультурные процесс в Приуралье в IV-VIII в.», в который проведен сравнительно-статистический анализ погребального обряда кара-абызской, пьяноборско и мазунинской культур, определив связь между пьяноборьем, музунино ранними погребениями Бахмутинского могильника, в то время, как кара-абызские погребения с ними не показывают родственные связи [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 66]. Не имея возможности увидеть исходные данные Ф.А. Сунгатова, сложно судить о результатах этого исследования, так как не понятно, какие именно погребения кара-абызской культуры взяты для статистического анализа (разными авторами неоднократно указывалось о территориальных и хронологических различиях внутри культуры). В целом же, В.А. Иванов, вслед за Р.Д. Голдиной, считает бахмутинскую (мазунинскую) культуру генетическим продолжением пьяноборской, но и кара-абызский след в облике мазунинской культуры прослеживается [Иванов, Обыденнов, 2001, с. 122]. Впоследствии, он вообще согласился с мнением Р.Д. Голдиной о том, что мазунинские комплексы III-V вв. являются поздней стадией чегандинской (пьяноборской) культуры

[Иванов, Ковалева, 2005. С. 39]. О генетической связи пьяноборской и мазунинской культуры, о смене одной культуры другой, пишет С.Э. Зубов [Зубов, 2009. С. 267].

Д.Г. Бугров также считает, что не вызывает сомнений участие пьяноборцев в генезисе мазунинской культуры III-V вв. н.э. Но этот процесс не был простым, а «ядром формирования мазунинской культуры в регионе, по-видимому, являлось опять-таки нижнее течение Белой, где сосредоточены практически все памятники мазунинской культуры в Икско-Бельском междуречье. Бассейн Ика мазунинцы либо не успели, либо не смогли освоить (из-за позднесарматского присутствия?)» [Бугров, 2006. С. 190].

А.П. Зыков предложил свой, отличный от всех предыдущих теорий, взгляд на этническую картину в ареале распространения памятников мазунинской (бахмутинской) культуры в эпоху Великого переселения народов, где пьяноборская культура предшествует мазунинской культуре [Зыков, 2011. С. 67].

С последними антропологическими исследованиями по вопросу преемственности пьяноборской и бахмутинской (мазунинской) культуры можно ознакомиться в статье В.В. Куфтерина в данном сборнике.

Таким образом, за более чем полувековой отрезок времени в российской археологии до сих пор не утихла проблематика происхождения бахмутинской (мазунинской) культуры. С одной стороны, исследователи, в том числе и антропологи, отмечают сходство погребального инвентаря (поясные наборы) и обряда носителей пьяноборской и бахмутинской (мазунинской) культуры, с другой – на его различие (различия территория обитания, появление бабочковидных фибул). До сих пор не понятно, каким образом шло взаимодействие между пьяноборской и кара-абызской культурами Южного Приуралья и Нижнего Прикамья.

Все эти вопросы не возможно решить без подробного разбора (в том числе и статистического) всего имеющегося массива поселенческого и погребального инвентаря (керамика, оружие, элементы убранства костюма, особенности погребального обряда), а также всестороннего изучения антропологического материала, как самого бахмутинского (мазунинского), так и предшествующих ему носителей кара-абызской и пьяноборской культур Южного Приуралья и Прикамья.

Список источников и литературы

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрОРАН, 1992. 140 с.
Акимова М.С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 7. 1961б. С. 29-40.
Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние век. Монография. Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, 2009. 278 с.

Бугров Д.Г. Памятники пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья: итоги и перспективы изучения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы научной конференции. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2000. С. 116-119.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Диссертация на соискание уч. степени канд. ист. наук. Казань, 2006. 350 с.

Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // Советская археология. 1971. №3. С. 91-105.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР, 1959. С. 157-219.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного век Урал // Вопросы археологии Урала. Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете / Отве. ред. В.Ф. Генинг. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 23-47.

Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральский государственный университет им. М. Горького, 1962. Вып. 4. С. 5-52.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). Москва: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Бромлей Ю.В. Уфа: БФАН СССР, 1971. Т. IV. С. 44-54.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии (камско-Вятское междуречье) // Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Свердловск: Уральский государственный университет им. М. Горького, 1962.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 422 с.

Зубов С.Э. Пьяноборская культура (II в. до н.э. – перв.пол. III в.н.э.) // История башкирского народа: в 7 т. / гл.ред. М.М. Кульшарипов; Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. I. Москва: Наука. 2009. С. 255-267.

Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V-XVI века н.э.) / под ред. В.А. Иванова. Уфа: ГБОУ ВПО

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. 280 с.

Иванов В.А., Ковалева Н.В. Динамика семантики наборных поясов средневекового населения Прикамья (I тыс. н.э.) // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). Сборник статей. Уфа: БашГУ, 2005. С. 128-136.

Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Археология города Уфы. Очерки древней и средневековой истории и культуры города. Уфа: Юрика, 2001. 183 с.

Крапачева О.С. История изучения мазунинско-бахмутинской общностей археологии Урало-Поволжья // VI Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. С. 37-41.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. н-к. Ижевск, 2006. 29 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Москва: Наука, 1968. 166 с.

Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Бромлей Ю.В. Уфа: БФАН СССР, 1971. Т. IV. С. 129-134.

Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2002. 172 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

Проценко А.С. Культура эпохи раннего железа на Южном Урале в этногенетической концепции происхождения башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа: Полиграфдизайн, 2015б. С. 38-39.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Кузеев Р.Г. (отв. ред.). Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162-243.

Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. н-к. Ижевск, 2011. 28 с.

Саттаров Р.Р. Могильники пьяноборской культуры: систематизация и картографирование // Вестник Самарского муниципального института управления: теоретический и научно-методический журнал. № 4 (27). Самара: Изд-во «САГМУ», 2013. С. 71-78.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 28. М: Наука, 1952. С. 5-113.

Стоматина О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. н-к. Ижевск, 2004. 26 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. № 8-9. Уфа, 1929. С.1-28.

И.В. Грудочко¹, С.Г. Боталов¹, С.Р. Газизова², А. Тюрк³

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
(Челябинск, Россия)

²Фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал» (Челябинск, Россия)

³Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт, Венгрия)

Хронология могильника Уелги (сравнение радиоуглеродных и археологических датировок)⁹

Ivan V. Grudochko¹, Sergei G. Botalov¹, Sufiya R. Gazizova², Attila Türk³

¹Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“South Ural State University (national research university)”
(Chelyabinsk, Russian Federation)

²Fund for the Promotion of Cultural Heritage «Public Fund «South Ural»
(Chelyabinsk, Russian Federation)

³Pázmány Péter Catholic University, Department of Archaeology
(Budapest, Hungary)

Chronology of Uelgi burial ground (radiocarbon and archaeological dating in comparison)

Summary The article presents the radiocarbon dates from Uelgi cemetery. There are 9 dates from 6 complexes demonstrating the interval from 770 to 1020 AD (cal). We can clearly see the early (the last quarter 8th – early 10th centuries, mainly all the 9th century AD) and the late (10th – the first quarter 9th centuries AD) groups. The typology of artefacts does not contradict the radiocarbon dates. Moreover, the grave goods of one of the burials allow us to clarify the lower date of the cemetery to the turn of 8th – 9th AD. We can conclude the

⁹Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

earliest horizon (9th century) is located in the middle part of the burial ground, in the col between the natural peaks and is related to the sites of the “Bekeshevo-Khusainovo” type. Then, by the 10-11th centuries, the kurgan field extended to the peaks of outcrops where, besides the changes in the material culture, the new way of the disposal appeared – cremation. It is possible to suppose that this situation reflected the complicated war and migration processes in 9th – 11th AD. Leaving of the Magyars and reinforcing of the Kipchak Union in the Steppe should be noted among the main events.

Key words: South Urals, Middle Age period, nomads, chronology, belt decoration

Установление хронологии является одной из главных задач в археологии. Н.А. Мажитов посвятил этой проблеме значительную часть своей научной деятельности. Созданная им схема периодизации средневековых древностей Южного Урала [Мажитов, 1977; 1981; 1993] остается не только предметом обсуждений, но и настольным пособием для многих исследователей средневековой эпохи Евразии. Здесь нам бы хотелось представить новые материалы по хронологии могильника Уелги, который тесно связан научными интересами Н.А. Мажитова.

Могильник Уелги, открытый в Челябинской области (Кунашакский район), исследуется с 2010 года. За все время раскопано в общей сложности 19 курганов и более 100 погребений. Первоначально время функционирования этого памятника определялось нами периодом IX–XI вв. (или VIII–XI вв.) [Грудочко, Боталов, 2013] и сейчас, с появлением новых радиоуглеродных дат, появилась возможность уточнить предложенные ранее рамки.

Сегодня мы имеем 9 дат из 6 комплексов (рис. 1). Первые 5 проб взяты из двух погребений поздней части могильника: 3 пробы из погребения 1 кургана 3 (рис. 1, SPb 853, 855, 856) и 2 – из погребения 5 кургана 7 (рис. 1, SPb 852, 854) и были опубликованы еще в 2013 году [Грудочко, Боталов, 2013. С. 137, 138, рис. 28]. Из них сформированы две комбинированные даты (рис. 2, Combine). Остальные 4 взяты из разных объектов курганов 10 и 32 в 2016–2017 гг. Анализ проводился в двух лабораториях (SPb, DeA).

Суммирование всех вероятностей сформировало общий интервал от 770 до 1020 гг. н. э. (при 95,4% вероятности) – последняя четверть VIII – первая четверть XI вв. Причем довольно уверенно выделяется две группы: ранняя (последняя четверть VIII – начало X вв., преимущественно весь IX в.) и поздняя (X – первая четверть XI вв.) (рис. 2). К существенным недостаткам следует отнести малое количество дат, а также то, что они получены всего в двух лабораториях. Причем ранний и поздний блоки распределяются по лабораториям DeA и SPb соответственно.

Тем не менее посмотрим, как данные радиоуглеродного датирования сопоставляются с типологией инвентаря. К ранней группе (IX в.) относятся два неграбленных объекта (рис. 1, 2, DeA 11455, Dea 11458). Это погребение коня и захоронение ребенка [Грудочко и др., 2018.С. 89, 90, 95–98, рис. 2, 3, 5, 6]. Облик накладных бляшек (гладкие, двускатные или с нервюрой по длинной оси, с округлыми вырезами), S-видные псалии, седельные пластинки-скобы, все эти признаки хорошо соотносятся с материалами горизонта Бекешевских, Хусаиновских курганов IX в. [Мажитов, 1981. С. 30–132; Мажитов, 1993. С. 131–134; Иванов, 1999. С. 44–45, рис. 3, 30–61] и не противоречат данным С14.

К более позднему времени относится погребение 5 из кургана 7 [Грудочко, Боталов, 2013. С. 119, 121, 122, рис. 12]. Инвентарь включал две накладки с растительным орнаментом, которые, судя по всему, соответствуют грязновскому этапу суросткинской культуры Алтая [Горбунов, 2009. С. 126, 130] и датируются не ранее середины IX в. (до первой половины X). Комбинированная радиоуглеродная дата показывает диапазон от X до первой половины XI вв., что дает возможность сузить искомое время до первой половины X в.

Следующая дата получена из разрушенного погребения 1 кургана 3. Уздечные бляшки [Грудочко, Боталов, 2013. С. 123, рис. 14, 4, 8] соответствуют вероятно шадринцевскому этапу [Горбунов, 2009. С. 130] второй половины X – первой половины XI вв., по крайней мере, очевидно, что не ранее X в.

Обобщая данные радиоуглеродного датирования и материалы неразрушенных погребений можно утверждать, что наиболее ранними являются курганы в центральной части, в низине между останцами, где обнаружены захоронение ребенка и коня. Отсюда могильник начал постепенно расти к вершинам останцов, где не только отсутствуют предметы ранее X в., но и появляется новый способ погребения – трупосожжение [Грудочко, Боталов, 2013. С. 112, 113, 116, рис. 6].

В определении нижней границы всего погребального комплекса Уелгинам необходимо более подробно остановиться на воинском захоронении в ранней части могильника [Грудочко и др., 2018.С. 90, 91, 104, рис. 12]. Радиоуглеродная дата здесь не получена, однако сопроводительный инвентарь весьма показателен. На тазовой кости лежал стрелковый пояс, в который входил колчаный крюк и три кольца с обоймами. Надо сказать, что эта редкая категория находок бытовала довольно определенное время. Стрелковые пояса характерны для тюркских алтайских комплексов VII–VIII вв. Занимаясь проблемой их реконструкции, Г.В. Кубарев отмечает, что стрелковые пояса не изображались на изваяниях и редки в изобразительных памятниках, что было связано с их утилитарным значением [Кубарев, 2005. С. 92–98]. В

Среднем Поволжье в новинковских погребениях встречен ряд крюков и единой формы – элементы пояса [Богачев и др., 1996. С. 85–86, 96, рис. 3, 4–6; Багаутдинов и др., 1998. С. 119, 120, рис. 26, 20–25]. На Южном Урале похожие формы крюков встречены в Ново-Биккинском кургане иранском горизонте могильника Лагеревский [Мажитов, 1981. С. 17, 22, рис. 8, 33; 10, 13]. Указанные комплексы сочетались с предметами в геральдическом стиле, что исключает их датировку позднее VIII в. Наконец, два крюка встречены в слое VII–VIII вв. Пенджикента [Распопова, 1980. С. 73, рис. 48, 2; Археология. Археология Средней Азии..., 1999, С. 272, табл. 28, 12].

Таким образом, экипировка лучника соответствовала воинским традициям VII–VIII вв., нежели IX в., к тому же обращает на себя внимание очень архаичный облик костяных срединных накладок лука. Учитывая, что воин имел довольно почетный возраст – более 50 лет, а также то, что наиболее ранними в могильнике являются предметы IX в., то время совершения его захоронения должно быть близко или синхронно конскому и детскому, делая наиболее вероятной дату в районе рубежа VIII/IX или начала IX вв. Этим временем мы и определяем начало функционирования могильника Уелги, которое не противоречит и соответствует представленным данным С14.

Таким образом, могильник Уелги может быть датирован началом IX–началом XI вв., распределяясь на два этапа: IX и X– первая четверть XI вв. Если в определении нижней границы мы достигли некоторой определенности, то верхняя все еще нуждается в уточнении. Стоит также отметить, что на раннем этапе, наряду с местными предметами типа «Бекешево-Хусаиново» IX в., четко присутствует сrostкинский (алтайский) компонент. Здесь стоит обратить внимание на сопроводительный инвентарь воинских захоронений [Грудочко и др., 2018. С. 90, 99–103, рис. 7–11], составляющий бляшки с растительным орнаментом и петельчатые восьмерковидные («сrostкинские») стремени. По всей видимости, сrostкинский элемент в Зауралье проникает где-то с середины или второй половины IX в.

Список источников и литературы

Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. 378 с.

Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры // Теория и практика археологических исследований. №5. 2009. С. 120–130.

Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–IX (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–138.

Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Хронология и периодизация могильника Уелги // Материалы IV Международного Мадыарского симпозиума. Археология евразийских степей. №6. 2018. С. 89-104.

Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 83-98.

Иванов В.А. Древние угро-мадыары в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. Москва: «Наука», 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М.: Изд-во «Наука», 1981. 164 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала: Сборник статей. Уфа, 1993. С. 119-140.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Ленинград: «Наука» ленинградское отделение, 1980. 140 с.

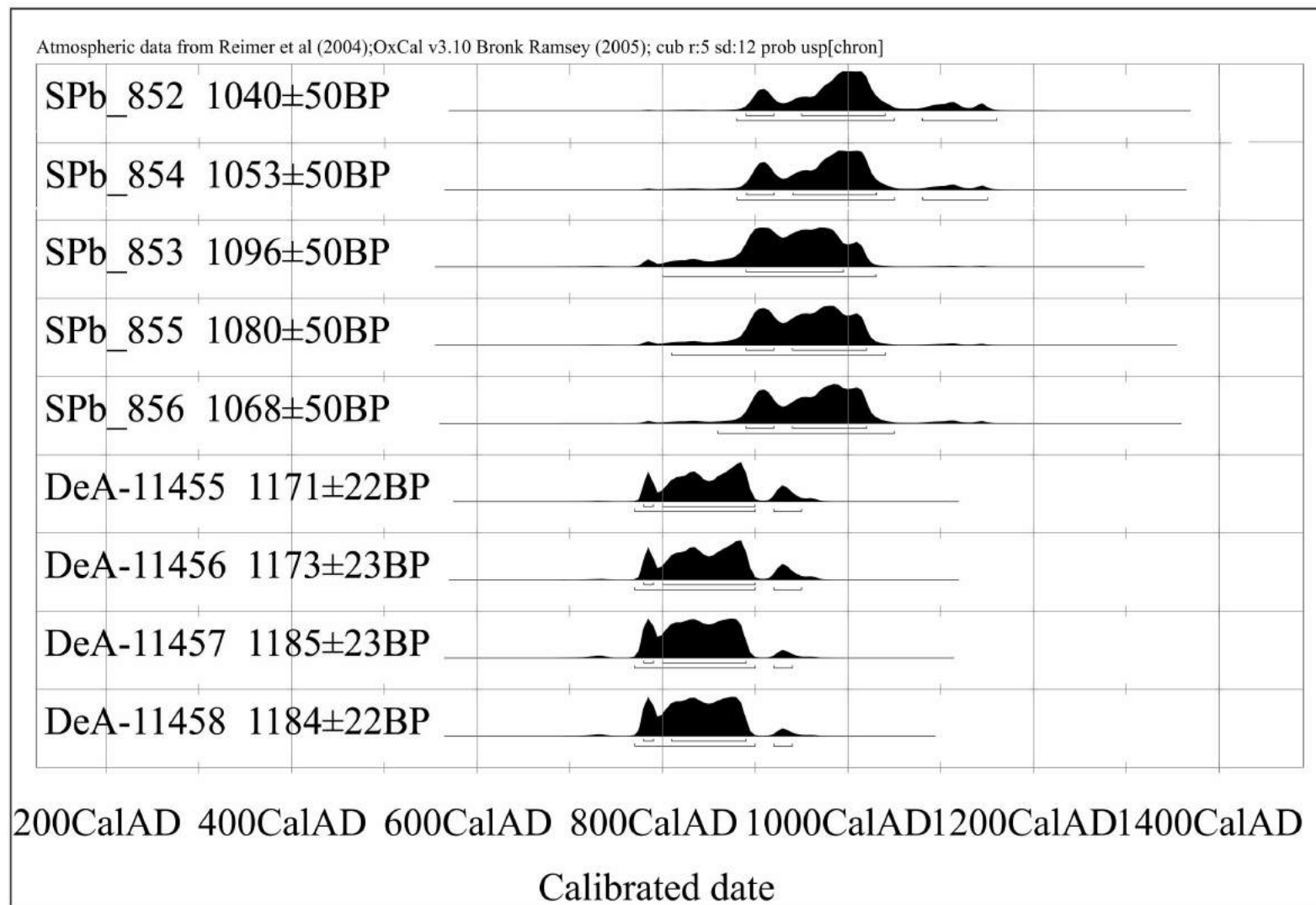

Рис. 1. Сводная таблица радиоуглеродных дат могильника Уелги.

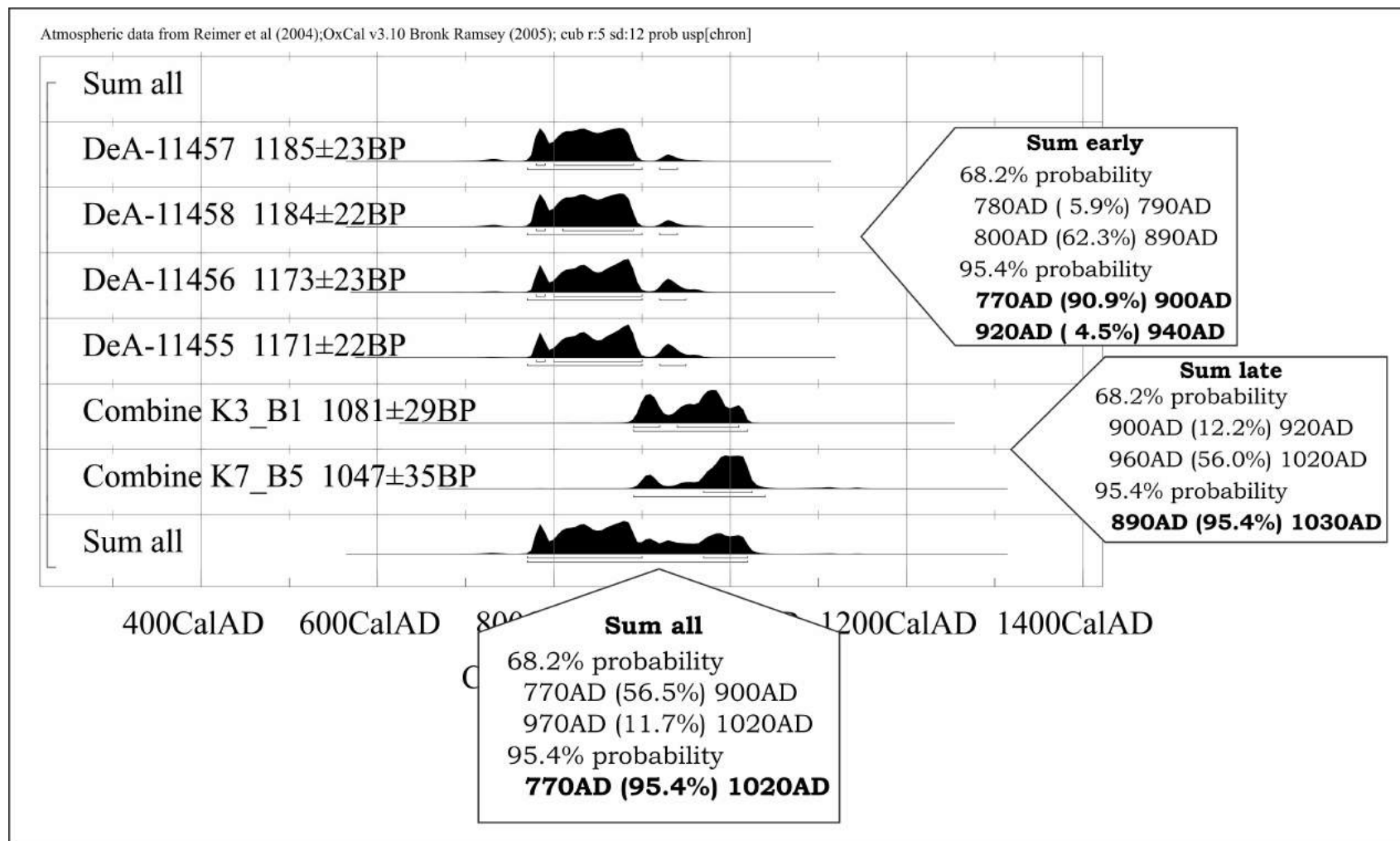

Рис. 2. Радиоуглеродная хронология могильника Уелги и интервалы суммированных значений.

А.А. Красноперов
Ижевск, Россия

Мелкие нашивные украшения из Бирского могильника

A.A. Krasnopeorov
Izhevsk, Russia

Small decorations from Birsky burial ground

On the ancient settlement «Ashna-Pando» in the Ulyanovsk region, related to the Imenkovo archeological culture, found a mold for casting, dated by the authors of the VII cent. AD. On Birsk burial ground in Bashkiria found small decorations of lead-tin alloy, coinciding with the image on the form. On a complex of finds of burial can be dated V-VI cent. AD.

Keywords: Imenkovo archeological culture, Birsk burial ground, mold for casting, lead-tin alloy

Судя по количеству и качеству публикаций, одной из актуальных тем средневековой археологии Волго-Уралья является общая датировка [Сташенков, 2016], внутренняя периодизация [Сташенков, 2010а; 2010б], обоснование выделения и периодизация локальных вариантов именьковской культуры [Вязов, Сташенков, 2013; Вязов, Семькин, 2016]: исследуются новые, разыскиваются в коллекциях материалы старых раскопок. Многие памятники, изучавшиеся 50-70 лет назад, разрушены, находки с них утеряны или депаспортизированы, и их идентификация очень трудоемка [Вязов, Гришаков, Мясников, 2016. С.76, 77. Рис. 10, 11]. Среди впервые, с 1949 г., опубликованных находок с городища «Ашна-Пандо» [Вязов, Гришаков, Мясников, 2016. С. 78-80. Рис. 15-17] привлекает внимание литейная форма [Степанов, 1967. Табл. XX: 10; Вязов, Гришаков, Мясников, 2016. Рис. 16: 202; УКМ 12883/20, 8/77] «для отливки круглых бляшек с мелким рубчатым бордюром, которые», по мнению публикаторов, «находят аналогии в новинковских комплексах [Матвеева, 1997. С. 30. Рис. 4: 2,3]» [Вязов, Гришаков, Мясников, 2016. С. 79-№2] (Рис. 1: 1). Ссылка на Г.И. Матвееву явно ошибочна: на рис. 4 приведен план кургана, на с. 30 описан погребальный инвентарь со ссылками на рис. 74, где на позициях 2 и 3 изображены бусина и раковина каури. Вообще в монографии по новинковским могильникам нет ни одного предмета, который можно хоть отдаленно соотнести с литейной формой. Относительно общей хронологии авторы отмечают: «датирующие находки с городища Ашна-Панда позволяют предполагать функционирование этого памятника в VII в. Учитывая, что в материалах памятника не встречены находки, однозначно датирующиеся не позднее VI в., можно отнести городище Ашна-Панда к памятникам позднего этапа именьковской культуры» [Вязов, Гришаков, Мясников, 2016. С. 80].

Форме с «Ашна-Пандо» есть территориально далекие аналоги в негативах и отливках с Камно, Ладоги, Лукьяновки (рис.1: 16-38) [Щеглова, 2002. С. 142. Рис. 4: 12-18]. И более точное соответствие – среди материалов Бирского могильника, непосредственно связанного с именем Нияза Абдулхаковича Мажитова и его последователей. Речь идет о круглых «решетчатых» накладках¹⁰ [Мажитов, 1968. Табл. 6: 23; Амброз, 1980. Рис. 7: 12], которые представляют интерес в технологическом и хронологическом аспектах. Это небольшие, сантиметр – полтора, бляшки из цветного металла, отличающиеся в деталях: центральные перемычки, могут образовывать простой крест, или более сложную решетку (рис. 1: 2-15; 2: 2-7).

Вопрос соответствия литейных форм и реальных вещей

Литейные формы известны среди археологических находок всех эпох, но практически каждый раз возникает (там, где он вообще ставится, что не всегда) вопрос: что делали в этих формах? Потому что на самих формах зачастую отсутствуют следы использования, а ассортимент негативов и реальных вещей не совпадает. Особенно актуально это для эпохи бронзы [Куприянова, 2008. С. 42; Епимахов, 2010. С. 114; 2012. С. 83, 85, 86; Новиков, Спиридонов, 2012. С. 56, 57] и раннего средневековья [Рыбаков, 1948. С. 90; Родинкова, 2003. С. 12], чуть реже, для эпохи железа [Малозёмова, Морозов, 1997. С. 203; Симонов, 2009]. Но только для памятников раннеславянских (пражской, колочинской, пеньковской) культур [Щеглова, 2002], а также Прибалтики [Шмидехельм, 1959. С. 166] и Северо-запада [Михайлова, 2015], получены обоснованные объяснения. Формочки встречаются практически на каждом исследованном поселении, а сами изделия, из легкоплавких, свинцово-оловянных, сплавов, разрушились, погубленные «оловянной чумой», и сохраняются только случайно [Щеглова, Егорьков, 2000. С. 111; Щеглова, 2009. С. 39, 42, 44-45. Табл. I, II. Рис. 1]. О.А. Щеглова (присоединюсь к оценке Е.Р.Михайловой [2015. С. 125-прим.1]) охарактеризовала типологическое разнообразие, локальные особенности [Щеглова, 2002], которые подтвердились дальнейшими исследованиями [Кренке, Тавлинцева, 2011. С. 104-105; Михайлова, 2015; Володарець-Урбанович, 2017].

Для Бирского могильника анализов металла не проводилось (хотя вещи проверялись на наличие драгметаллов). Но для других памятников (Тураевский грунтовый могильник; А.Ю. Емельянова) металл такого цвета и фактуры (шероховатость, трещины) определен как сплав с преобладанием свинца. В бирской коллекции попадаются и другие вещи,

¹⁰ Изображений на форме из Ашна-Пандо два, второе плохо читается. Первоначально несколько негативов на одной форме было отмечено только для верхневолжского ареала. Позже аналогичный признак установлен для культуры длинных курганов, но необходимо, видимо, расширить на всю лесную зону. Большая серия форм для нескольких предметов происходит с Буйского городища [Орехов, 2006д. Рис. 64-67].

преимущественно подвески-лунницы (напр.: МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 51/58=a41/500, 51/59=a41/17-нв, 51/51=a41/499), для которых можно предполагать изготовление из свинцово-оловянных сплавов. В данном случае мы имеем нечастый пример соответствия литейной формы и редко сохраняющихся, в силу археологических причин, конкретных изделий.

Место в комплексе

Большинство погребений разрушено. Несомненный интерес представляет Бирск, п.282, где бляшки были найдены и зарисованы на полевом чертеже *in situ* [Мажитов, Султанова, 1981о. Рис. 40; Русланова, 2015д. Рис. 47]. По два ряда бляшек вертикально вдоль и снаружи берцовых костей. Один ряд перпендикулярно, поперек костей ног посередине длины берцовых костей (рис. 3: Г). Т.е. это могла быть отделка подола и боковых разрезов одежды.

Хронологическая позиция комплексов с «решетчатыми» накладками

Очевидно, что бляшки не имеют собственного датирующего значения. Однако сопутствующие им находки были достаточно информативны, чтобы комплексы попали во все опубликованные на сегодняшний день корреляции материалов Бирского могильника [Амброз, 1980. Рис. 13; Мажитов, 1993. Рис. 1; Гавритухин, 1996. Рис. 2; Султанова, 2000¹¹. Рис. 34].

Для начала стоит разобраться, где они найдены, и сколько их. Впервые бляшки были зафиксированы еще в раскопках 1960-х гг., Бирск, п.166 [Мажитов, 1968. Табл. 6: 23]. А.К. Амброз указывал: Бирск, п.166, 181, возможно, 148 [Амброз, 1980. Рис. 13-№29], Н.А. Мажитов – Бирск, п.282, 266, 166 [Мажитов, 1993. Рис. 1-№14, 2: 14], И.О. Гавритухин – Бирск, п.181, 166, 148 [Гавритухин, 1996. Рис. 2-№29]. А.Н. Султанова выделила в тип 52, вариант Б, 89 экз.: Бирск, п.266, 166 [Султанова, 2000. С. 42. Рис. 34-№41]. По архивным отчетным материалам и музейным фондам подтвердилось наличие накладок в комплексах (рис. 3): Бирск, п.75 [Мажитов, 1959о, табл.73: 8] (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН¹², 51/259, 2 шт.), 148 [Мажитов, 1960о. Табл. 49: в центре слева] (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/586, 2 шт.), 166 [Мажитов, 1960о. Табл. 58: в центре] (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/705, 31 шт.), 181 [Мажитов, 1962о. С. 5, без илл.] (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 98/78 или 79, 1 шт.), 266 [Мажитов, Султанова, 1981о. Рис. 18: 5] (МА БГУ¹³, 321/62, 1 шт.), 282 [Мажитов, Султанова, 1981о. Рис. 39: 4]. Есть проблема с идентификацией находок из Бирска, п.282. В коллекции МА БГУ в этом погребении бляшек нет, но есть бляшки, записанные в погребение 265 (МА БГУ, у36/158, 38 фр. от

¹¹ Я благодарен Альфие Ниязовне за возможность работы с подготовительными материалами ее диссертации.

¹² В работе помогли И.И. Бахшиев, Э.В. Камалеев, А.Г. Колонских, А.И. Тузбеков.

¹³ В работе помогли Р.Р. Русланова, А.К. Бахшиева, В.И. Мухаметдинов.

неустановленного количества экз.). Очевидно, в процессе шифровки полевой описи была допущена ошибка, и эти бляшки относятся к комплексу Бирск, п.282.

В пяти (Бирск, п.75, 148, 166, 266, 282) из шести комплексов представлены ромбические поясные накладки и длинные наконечники из согнутой пополам пластины (Бирск, п.148, 166, 282). Они подходят для корреляций, объединяя разные группы, но для датирования явно непригодны. Сваливать в кучу все накладки, от пьяноборья до средневековья, на основании примитивной геометрической формы очевидно не верно. Типология по признаку «форма» здесь бесполезна, нужны другие критерии. Такими, в рассматриваемом случае, могут стать размеры и сечение. «Пьяноборские» отсекаются по признаку крепления. «Ранние», еще «мазунинские», накладки – маленькие и плоские; «поздние», уже «бахмутинские», – крупнее и чуть выпуклые. Но уточнить периоды их распространения точнее пока не представляется возможным. Для наконечников тоже нужны какие-то дополнительные, пока непонятные, критерии. Бирск, п.148 и 266 объединяет интересная, но необъяснимая, деталь – маленькие плоские железные колечки, нанизанные на стержень [Мажитов, 1968. Табл. 16: 6].

Серьги с неподвижным многогранником появляются к началу V в. и распространены широко. Вариант Хайрединова-1/1,2 датируются от начала V в. до 1 четв./1 пол. VII в. [Хайрединова, 2015. С. 96-102], бронзовые распространяются со 2 пол. V – VI вв. [Хайрединова, 2015. С. 98]. В двух могилах (Бирск, п.148, 266) серьги серебряные, в одной (Бирск, п.166) – из бронзы. Одна из серег Бирск, п.148 имеет намотку проволоки выше «бусины» [Мажитов, 1968. Табл. 16: 2]. Насколько значима эта деталь не ясно, но такая же особенность есть на одной из серег в Бирск, п.125 (НМРБ¹⁴, ОФ7385=60/347), и в Тырныауз 1 [Абрамова, 1997. Рис. 47: 7]. Склеп содержит несколько разновременных, но близких погребений V-VI вв. [Кузнецов, 1962. Рис. 25], а в инвентаре есть пара кольцевых подвесок с выпуклинами.

Генезис и хронология застежек с выступами недавно рассмотрены Д.Г. Бугровым, поместившего экземпляр из Бирск, п.148 [Мажитов, 1968. Табл. 16: 5] в начало эволюционного ряда [Бугров, 2015. С. 24]. Интересовавшее его поздне-/пост-азелинское погребение датировано в пределах VI в. [Бугров, 2015. С. 26], но «насколько велик хронологический разрыв в развитии застежек с выступами судить пока трудно» [Бугров, 2015. С. 25]. Сводку туалетных коробочек собрал Т. Вида. находка из Бирск, п.148 (сам экземпляр, НМРБ, 60/590, как и находки из Уфы, ему не были известны) [Мажитов, 1968. Табл. 16: 9], с цилиндрической средней

¹⁴ В работе помогала С.Л. Воробьева.

частью, должна относиться к типу Вида-II-B (Vida, 1995. S. 223. Abb. 1), экземпляры датированы широко, от 1 пол. V, до конца VI в. [Vida, 1995. S. 230, 232].

Зеркало Бирск, п.75 [Мажитов Н.А., 1968. Табл. 10: 5] (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 51/457) по сочетанию концентрического и радиального декора должно относиться к типу Березовка–Анке-2, основной период бытования которых относится к гуннскому и пост-гуннскому шиповскому времени, но встречаются и позднее, вплоть до VII в. [Мастыкова, 2009. С. 84-85. Рис. 92: 5]. Столь же широко, только как тенденция эпохи, датируются крупные янтарные бусы [Мастыкова, 2009. С. 93-98. Рис. 114: 3,4; Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С. 28], в т.ч. с нарезным декором (Бирск, п.266; МА БГУ, у36/325) [Русланова, 2015д. Рис. 17, тип IV.1A2a]. То же относится к коралловым бусам [Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С. 29] из этой могилы (МА БГУ, у36/383) [Русланова, 2015д. Рис. 19, тип VI.1A1a] и Бирск, п.166 (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/706).

Эволюцией двускатных наконечников (Бирск, п.75, 166) [Амброз, 1980. Рис. 7: 29] занимались В.Ю. Малашев и И.О. Гавритухин. Первого интересовало происхождение – от небольшой, но характерной группы наконечников-подвесок с треугольной площадкой и ребром посередине [Малашев, 2000. С. 207, 210. Рис. 13В: 5], и изменения гуннского времени – из двух независимо изготовленных пластин, иногда из разного металла, скрепленных 1-3 штифтами [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. С. 104]. Второго – трансформация в выделенную им «бирско-безводнинскую» серию времени геральдических гарнитур [Гавритухин, Иванов, 1999. С. 115, 116. Рис. 10Б: 25,26]. Но непосредственно сам тип¹⁵ из поля зрения выпал.

Пряжки относятся к трем разным группам. В Бирск, п.75 [Амброз, 1980. Рис. 7: 21] и 166 [Мажитов, 1968. Табл. 5: 31] круглорамчатые пряжки с сильно выступающими язычками и квадратными или прямоугольными щитками, типичные для V в., но встречающиеся и позднее. Особенности декора пряжек из Бирск, п.166 близки к Клину-Яр III, кат.375, отнесенных, по сопутствующим находкам, к 3 трети VI – нач. VII вв. [Гавритухин, 2001. Рис. 2: 10. С. 62]. В Бирск, п.266 найдена характерная пряжка шиповского круга, от сер. V до сер. VI в., цельнолитая, с овальной, чуть В-образной, полой рамкой, и квадратным щитком с

¹⁵ И.Н. Храпуновым приведены самые ранние образцы из Нейзац, ск.306, отнесенные еще к III в. [Храпунов, 2008. С. 63-№50-52, 67. Рис. 5: 1-3]. Внешнее сходство в данном случае не определяет синхронизацию находок.

Появление в Прикамских памятниках наконечников с двускатной поверхностью И.О. Гавритухин относит к 4 четв. IV в. (доклад на «Старостинских чтениях»). Возможно вопрос будет рассмотрен им специально в рамках подготовки раздела к изданию серии «Археология Волго-Уральского региона» (Казань).

прогнутыми сторонами. Отдельные экземпляры могут захватывать весь VI в. Самая поздняя пряжка (Бирск, п.181) [Амброз, 1980. Рис. 4: 22] – цельнолитая, с прямоугольной рамкой и круглым щитком, соответствует типу Айбабин-1/5 или 1/6 2 пол. VI – 1 четв./2 пол. VII вв. [Айбабин, 1990. С. 46-47. Рис. 46: 24].

Жестких оснований для узкой хронологии шести могил с решетчатыми бляшками нет. Все даты (серьги с многогранником, наконечники, пряжки, застежки с выступами, бусы, зеркало, пиксида) оказываются в пределах эпохи. Из-за пряжки комплекс Бирск, п.181 выглядит наиболее поздним из рассматриваемых, но и он, учитывая возможную раннюю датировку варианта пряжек, может относиться к VI в. Однако, так же нет жестких оснований полностью исключить V в.: пряжки, зеркало, пиксида, серьги, бусы, уже достаточно распространены в это время. Это несколько неожиданно с устоявшейся точки зрения на динамику моды на свинцово-оловянные украшения. О.А. Щеглова [2002. С. 135, 137, 138] смогла убедить специалистов, что сама традиция возникает к рубежу V/VI в. [Исланова, 2012. С. 42; Михайлова, 2014. С. 127], и получает распространение в сер. – 2 пол. VI в. [Кренке, Тавлинцева, 2011. С. 105; Михайлова, 2015. С. 131].

Находки отливок из Бирска и форма с «Ашна-Пандо» определенно датируются в пределах VI в., но V в., вторая его половина, возможен.

Считаю своим долгом отметить, что этот проект не смог бы состояться без всесторонней помощи многих людей, в особенности И.О. Гавритухина, Р.Р. Руслановой, Е.В. Русланова, И.А. Шутелевой, Н.Б. Щербакова.

Список источников и литературы

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1990. С. 3-86.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 3-56.

Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // ПА. 2015. №4. С. 7-34.

Володарец-Урбанович Я.В. Ливарні формочки слов'ян раннього середньовіччя: реінтерпретація знахідок // АДІУ. 2017. Вип. 1(22). С. 331-346.

Вязов Л.А., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2016. №6. С. 66-111.

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье / Сер. «Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья». Вып. 1. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М.Карамзина, 2016. 227 с.

Вязов Л.А., Сташенков Д.А. Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. (XIV Бадеровские чтения). Ижевск: изд-во «Удм.ун-т», 2013. С. 49-56.

Гавритухин И.О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // КЕС. Самара: СОИКМ, 1996. С. 115-133.

Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // КЕС (из истории костюма). Т. 2. Самара: СОИКМ, 2001. С. 31-86.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннемсредневековье. Ижевск, 1999. С. 99-159.

Епимахов А.В. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // АЭАЕ. 2012. №1(49). С. 82-87.

Епимахов А.В. Новые материалы по истории ювелирного дела алакульского населения эпохи бронзы (Южное Зауралье) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 113-115.

Исланова И.В. Древности в верховьях Волги (железный век и раннее средневековье) / РСМ. Вып. 14. М.: 2012. 220 с.

Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю. Экскурс 5: Литейные формы финального этапа существования Дьякова городища // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 101-106.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа / МИА. №106. М.: изд-во АН СССР, 1962. 134 с.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана. Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

Мажитов Н.А. Научный отчет об исследованиях археологической экспедиции ИИЯЛ в 1959 г. в северных р-нах Башкирии / Архив ИА РАН. Р-1. №2005, 2005а, 2005б, 2005в.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях ИИЯЛ в Бирском, Покровском, Нуримановском р-нах БАССР за 1960 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №2105, 2105а, 2105б.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №2531, 2531а.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 119-140.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Отчет о раскопках Бирского могильника в БАССР в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №8674, 8674а.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1. Ростов н/Д, 2000. С. 194-232.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганские могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Малозёмова О.В., Морозов В.М. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 190-203.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – сер. VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник №1. В 2 т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника №1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на самарской луке. Самара: изд-во «Самарский ун-т», 1997. 226 с.

Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbücken: Lambert Academic Publications, 2014. 435 с.

Михайлова Е.Р. Украшения из легкоплавких сплавов в культуре псковских длинных курганов: основные формы и поиск аналогий // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 125-134.

Новиков И.К., Спиридонов И.А. Литейные формы лапчатых подвесок с территории лесостепного Притоболья // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Мат-лы Всеросс. научн. конф. «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26-28 апреля 2012 г.). Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 56-57.

Орехов П.М. Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период / Дис. ... канд.ист.наук: 07.00.06 Ижевск, 2006д. 328 с.

Родинкова В.Е. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. Вып. 215. М.: Наука, 2003. С. 6-19.

Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III-VIII вв. / Дисс. ... канд.ист.наук: 07.00.06. Ижевск, 2015. 437 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: изд-во АН СССР, 1948. 802 с.

Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 424 с.

Симонов Д.А. Назначение и использование сланцевых моделей из Усть-Полуя // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. конф., г. Тюмень, 24-26 марта 2009 г. Вып. 1. Тюмень, 2009. С. 94-97.

Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт, 2010а. С. 111-125.

Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия СамНЦ РАН. 2010б. Т.12, №6. С. 272-275.

Сташенков Д.А. Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке // ПА. 2016. №3. С. 225-246.

Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск: Морд.кн.изд-во, 1967. 212 с.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика / Дисс. ... канд.ист.наук: 07.00.06. Уфа, 2000д. 203 с.

Тараканова С.А. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. М.; Л., 1956. С. 33-44.

Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Вып. XX. Симферополь: Соло-рич, 2015. С. 95-132.

Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь: Таврия, 2008. С. 61-79.

Шмидехельм М.Х. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии / Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 154-185.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: изд-во Харьковского ГУ, 1962. 404 с.

Щеглова О.А., Егорьков А.Н. Литейные формочки из Бернашовки и свинцово-оловянные украшения раннесредневековых кладов Днепровского левобережья // ЮИМК. Тез.докл VII коллоквиума. Эрмитаж. СПб., 2000. С. 110-112.

Щеглова О.А. Волны распространения вещей из Подунавья: отражение славянской миграции или культурных инфильтраций? // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Мат-лы междунар.конф. / ТГЭ. Вып. XLVIII. СПб.: изд-во ГЭ, 2009. С. 39-65.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения VIII-X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: б/и, 2002. С. 134-150.

Vida T. Frühmittelalterliche scheiben- und kugelförmige Amulettkapseln zwischen Kaukasus, Kastilien und Picardie // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 76 (1995). S. 219-290.

Список сокращений

АДУ – Археологія і давня історія України. К.

АЭАЕ – Археология, этнография, антропология Евразии. Новосибирск.

ИА РАН – Институт археологии РАН. М.

КЕС – Культуры евразийских степей. Самара.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР. М.; Л.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

МА БГУ – Музей археологии им. Н.А. Мажитова Башкирского государственного университета. Уфа.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь.

МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Уральского отделения РАН. Уфа.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д.

НМБР – Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа.

ПА – Поволжская археология. Казань.

РСМ – Раннеславянский мир. М.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. СПб.

ЮИМК – Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.

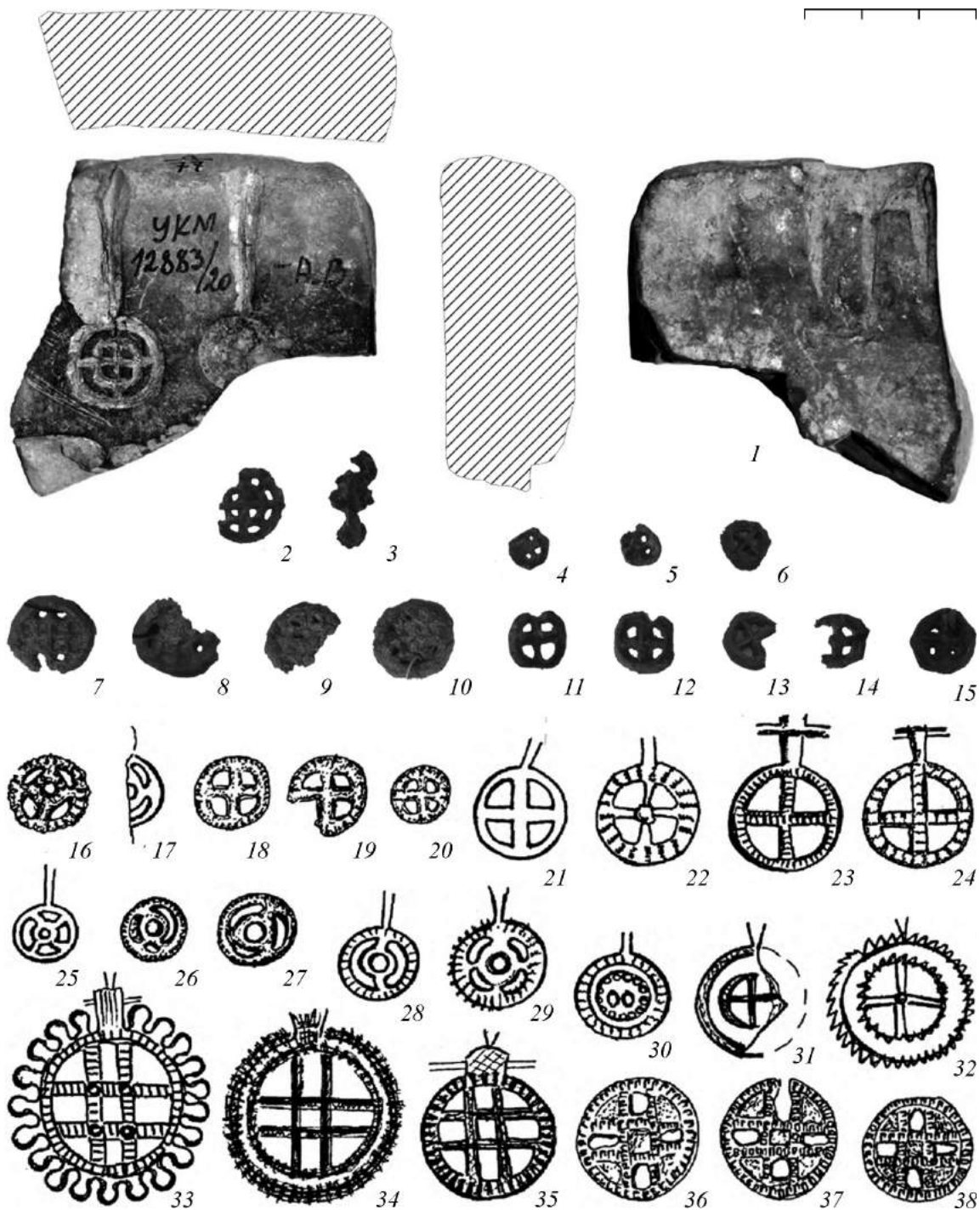

Рис. 1. 1 – «Ашна-Пандо», литейная форма (Вязов, Гришаков, Мясников, 2016. Рис. 16: 202); 2-5,11,12 – Бирск, п.282 (МА БГУ, у36/158, фото КАА); 7,8 – Бирск, п.148 (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/586, фото КАА); 9,10 – Бирск, п.161 (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/705, фото КАА); 6,13 – Бирск, п.75 (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 51/259, фото КАА); 14 – Бирск, п.266 (МА БГУ, 321/62, фото КАА); 15 – Бирск, п.181 (МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 98/78 или 79, фото КАА); 16-18,26,27,36-38 – Ладога; 21,22,28,32,34,35 – Камно; 23,24 – Лукьяновка; 25 – Еськи; 29 – Надбелье; 30 – Изборск; 33 – Лыхавере (16,17,21-38 – негативы; 18-20 – отливки) (Щеглова, 2002. Рис. 4: 4-26).

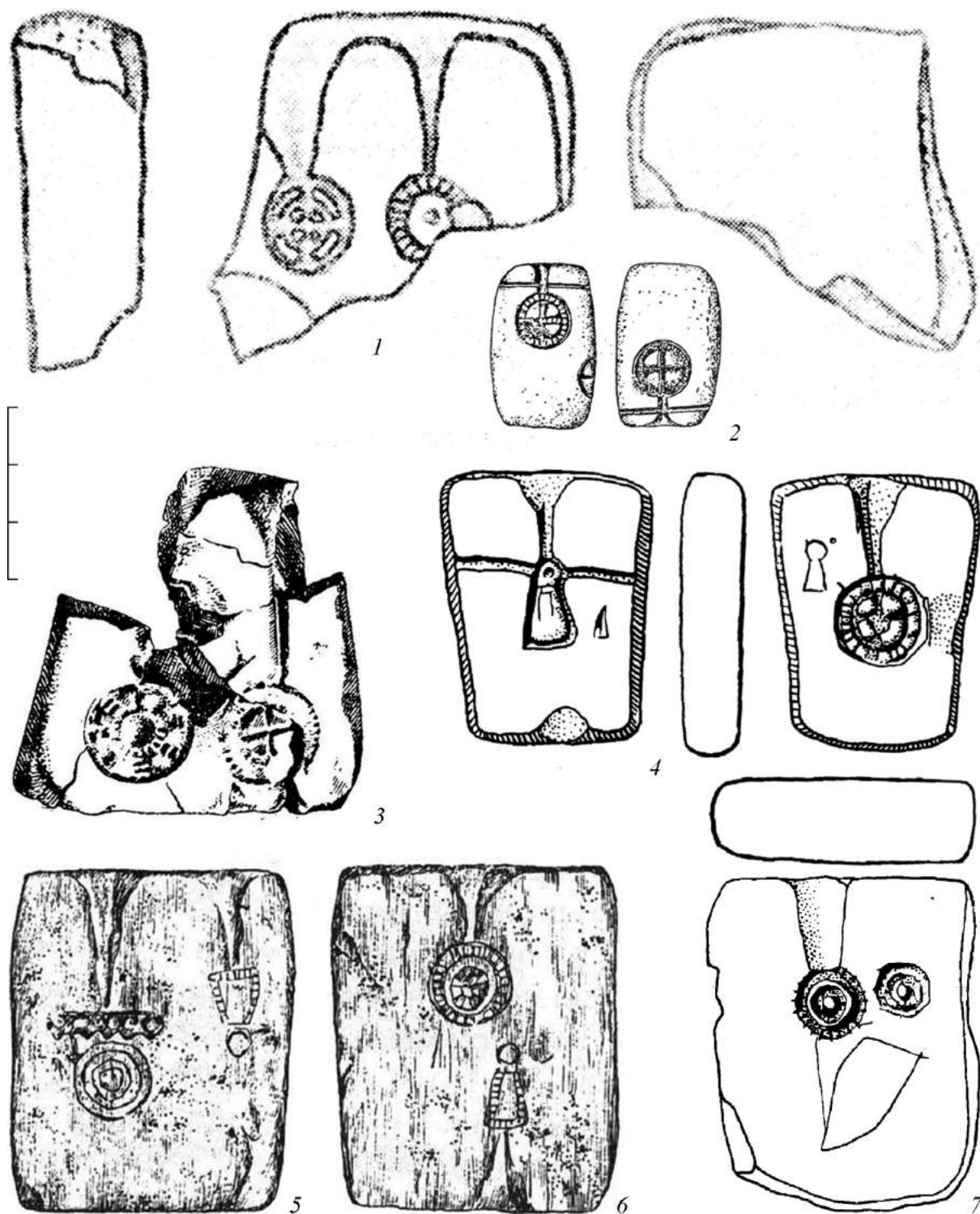

Рис. 2. 1 – «Ашна-Пандо» (Степанов, 1967. Табл. XX: 10); 2 – Лукьяновка (Шрамко, 1962. Рис. 44а); 3 – Рыуге (Шмидехельм, 1969. Табл. V: 9); 4,7 – Камно (Тараканова, 1956. Рис. 20: 3,5); 5,6 – Изборск (Седов, 2007. Рис. 78: 1,2).

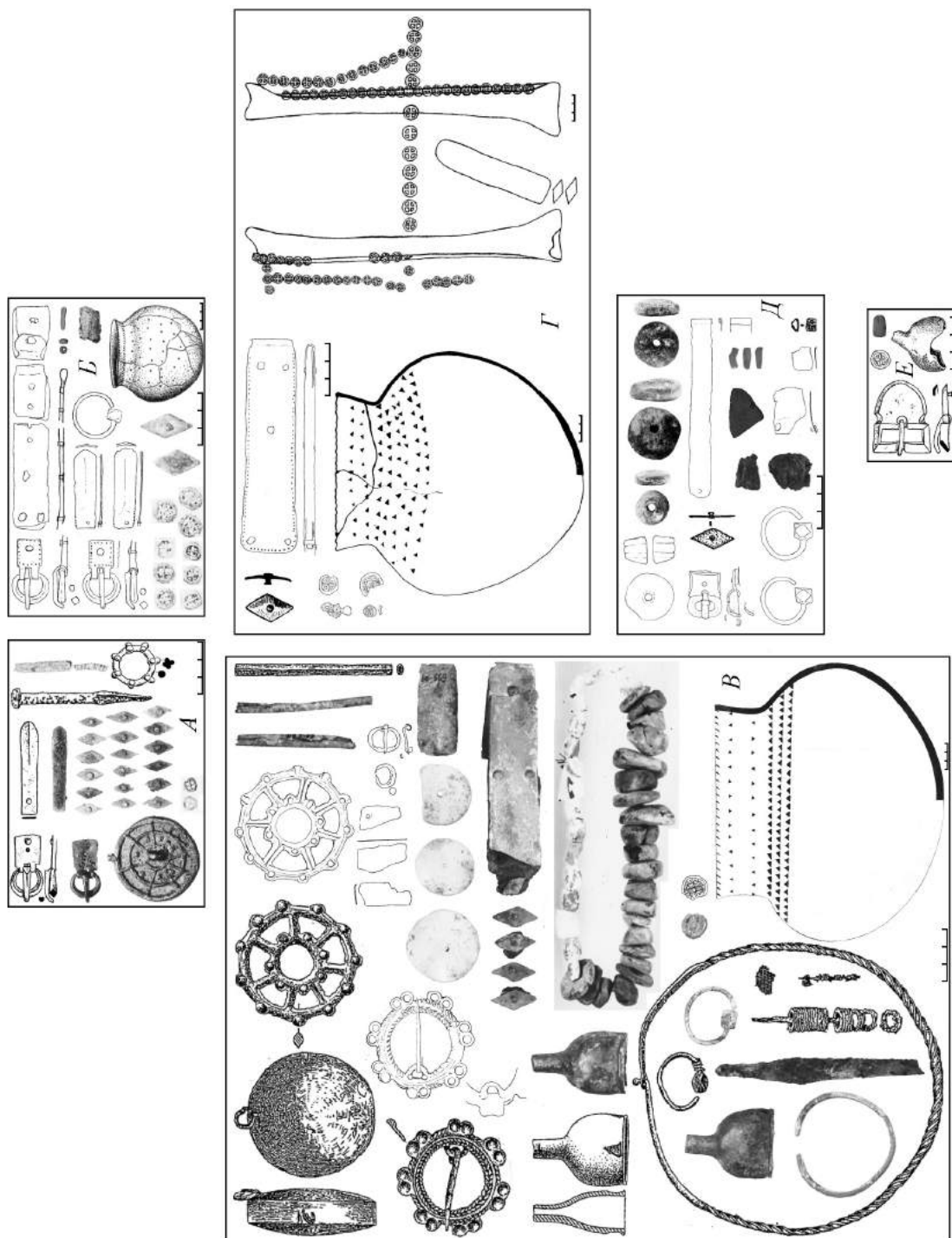

Рис. 3. А – Бирск, п.75 (Мажитов, 1959о. Табл. 73; 1958. Табл. 10: 5, 27-18; Амброз, 1980 Рис. 7: 21,29, 11: 13); Б – Бирск, п.166 (Мажитов, 1960о. Табл. 58; 1958. Табл. 2: 16, 5: 31, 6: 23, 24 :4; 1977. Табл. IV: 8; МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/707-712, рис.КАА); В – Бирск, п.148 (Мажитов, 1960о. Табл. 49; 1958. Табл. 16, 18: 1, 25: 8; 1977. Табл. XI: 10; МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 60/584,585,587-589, НМРБ, 60/565,576, рис.КАА); Г – Бирск, п.282 (Мажитов, Султанова, 1981о. Рис. 41; подготовительные материалы к публикации; Русланова, 2015д. Рис. 47; МА БГУ, 321/1,3=у36/2,155-159); Д – Бирск, п.266 (подготовительные материалы к публикации; МА БГУ, 321/56-58,62,64,66,67=у36/3,29,317,318,320,321,324,325,383-385, рис.КАА, фото КАА); Е – Бирск, п.181 (Мажитов, 1958. Табл. 7: 8; Амброз, 1980. Рис. 4: 22; МАЭ ИЭИ БНЦ УрО РАН, 98/78,79, рис.КАА, фото КАА).

В.В. Куфтерин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина
Москва, Россия

**К вопросу об участии населения пьяноборской культуры в
формировании народов Волго-Камья: дискретные признаки на
черепках из Ново-Сасыкульского могильника**

V.V. Kufterin

Lomonosov Moscow State University, Anuchin Institute and Museum of
Anthropology
Moscow, Russian Federation

**Exploring contribution of Pyany Bor population to the formation of
Volgo-Kama population groups: studying non-metric traits on the crania
from Novo-Sasykul cemetery**

The article discusses the contribution of Piany Bor population to the formation of Volga-Kama population groups in the light of cranial phenetics (non-metric) data. The material represents a sample of crania (98 skulls) from the Novo-Sasykul cemetery in the Lower Kama region. The analysis includes recording the frequencies of 36 cranial non-metric traits and then performing multidimensional comparison with some modern and ancient samples by means of Correspondence analysis. The analysis is carried out in two stages. The first stage included comparison of Pyany Bor sample from Novo-Sasykul with 20 groups (17 of which are modern, or close to modern) for 30 traits of the A.A Movsesyan (2005) phenetic program. At the second stage, the number of groups analyzed is expanded involving samples from the territory of Volga Bulgaria, but the number of compared traits is reduced to 27. The analysis of the phenetic features of the Novo-Sasykul samples showed that the population that left this cemetery was formed on the basis of groups with predominantly European ancestry. The similarity of the Piany Bor series from Novo-Sasykul with the series of Mari and Mordovians on the one hand, and its close proximity to the sample from Central Karelia, on the other, finds quite tangible parallels in the results of the craniometric study of the skulls from the Pyany Bor burial grounds.

Key words: physical anthropology, cranial non-metric traits, Early Iron Age, Pyany Bor culture, Novo-Sasykul cemetery.

Работа выполнена на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)»)

К ключевым результатам изучения несколькими поколениями отечественных антропологов краниологии носителей пьяноборской (чегандинской) культуры [Акимова, 1961в; Ефимова, 1981; Фаттахов, 1981 и др.] можно отнести формулировку следующих положений. Доминирующий среди населения рубежа эр морфологический тип (мезоморфия, долихокрания, среднеширокое лицо с несколько ослабленным выступанием носовых костей) явился основным компонентом в сложении антропологических особенностей финноязычных, и, в известной степени, тюркских народов Поволжья и Приуралья (в частности, северных башкир). Данный морфотип прослеживается на этих территориях в несколько измененном виде до современности [Акимова, 1961а; 1961б; 1961в; 1968. С. 97-99; Ефимова, 1991. С. 16]. Пьяноборское население правомерно рассматривать как потомков племен, живших в Прикамье задолго до формирования ананьинской культуры, а позже вошедших в состав носителей последней [Акимова, 1961в. С. 134]. Самые близкие аналогии пьяноборские черепа находят среди краниологических серий чувашей, марийцев, удмуртов (что подтверждает точку зрения В.А. Оборина о вхождении потомков пьяноборских племен в состав удмуртского народа) и мордвы [Акимова, 1961а. С. 125; 1961в]. Кроме того, имевшиеся материалы позволили наметить определенную линию связи в ряду: пьяноборцы – бахмутинцы – современные северные башкиры [Акимова, 1968. С. 96]. Последний тезис важен в том ключе, что основным компонентом в сложении северных башкир выступали не пришлые, а местные племена [Акимова, 1968]. Различия между мазунинскими (бахмутинскими) и пьяноборскими (чегандинскими) сериями идут в направлении большего сближения первых с башкирскими, характеризующимися присутствием черт монголоидности [Акимова, 1961б. С. 33]. В то же время население Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н.э. демонстрирует определенную неоднородность (например, в сравнении с удмуртами XVII-XIX вв.) – женские мазунинские серии в большей степени сближаются с пьяноборскими, мужские – с карабызскими [Широбоков, 2016; Широбоков, Черных, 2016].

В свете изложенного интересны результаты краниоскопического изучения мазунинских и поломско-чепецких серий, проведенного Санкт-петербургскими специалистами [Моисеев, Селезнева, 2012]. Основным выводом исследователей заключаются в констатации сходства обеих групп с балтийскими и скандинавскими сериями, а также коми-зырянами и двумя позднесредневековыми вологодскими выборками. Согласно данным краниоскопии, население Волго-Камья I тыс. н.э. сформировалось на основе групп европейского происхождения, без заметной монголоидной примеси, однако, у носителей мазунинской культуры не исключается определенный «уральский» компонент [Моисеев, Селезнева, 2012].

В настоящем сообщении вопрос об участии пьяноборского населения в формировании народов Волго-Камья впервые обсуждается в свете палеофенетического подхода, практикуемого московской школой антропологов [Мовсесян, 2005].

Материалы и методы. Рассматриваемая краниологическая серия происходит из раскопок, произведенных на Ново-Сасыкульском могильнике пьяноборской культуры (Бакалинский район Башкортостана) под руководством С.М. Васюткина и В.К. Калинина в 1976-1980 гг. [Васюткин, Калинин, 1986]. Материалы могильника могут быть датированы I-II/III вв. н.э. Серия включает 98 черепов (46 мужских, 47 женских и 5 – детских и подростковых), находящихся в настоящее время на хранении в Национальном музее РБ. Ее анализ заключался в регистрации и подсчете частот 36 дискретно-варьирующих признаков (далее – ДВП) краниоскопической программы А.А. Мовсесян [2005]. Для билатеральных признаков средняя частота высчитывалась как вероятность присутствия «аномалии» хотя бы на одной стороне черепа. Разбиения материала по полу и возрасту при подсчете частот ДВП не производилось. При межгрупповом сопоставлении применялся анализ соответствий – разновидность анализа главных компонент для качественных признаков (расчеты выполнены с использованием пакета программ Statistica). Данная процедура проведена в два этапа – на первом (анализ 1), сравнение пьяноборской серии из Ново-Сасыкуля производилось с 20 группами (из них 17 современных, или близких к современности) по 30 признакам программы А.А. Мовсесян. На втором (анализ 2), количество групп расширено за счет привлечения серий с территории Волжской Булгарии (с учетом важности этих материалов для изучения вопросов происхождения современных тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья), но количество сравниваемых признаков, при этом, сокращено до 27. Перечень краниологических серий, использованных в межгрупповом анализе, и источники краниоскопических данных приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Краниологические серии, использованные в сравнительном анализе

№	Серия	N _{max.}	Источник данных
1.	Башкиры	70	Мовсесян, 2005
2.	Мордва-эрзя	70	«
3.	Мари луговые	41	«
4.	Мари горные	63	«
5.	Чуваши южные	35	«
6.	Чуваши северные	40	«
7.	Удмурты	69	«
8.	Коми	45	Evteev et al., 2017; данные А.А. Мовсесян

№	Серия	N _{max.}	Источник данных
9.	Ханты	229	Мовсесян, 2005
10.	Манси	50	«
11.	Эсты (Юрьев)	39	«
12.	Финны	29	«
13.	Карелы центральные	40	Evteev et al., 2017; данные А.А. Мовсесян
14.	Карелы северные	49	«
15.	Русские (Москва)	77	Мовсесян, 2005
16.	Русские (Никольское)	96	«
17.	Киргизы	85	«
18.	Пьяноборская к-ра (Ново-Сасыкуль)	98	Данные автора
19.	Сарматы Нижнего Поволжья (сборная)	55	Мовсесян, 2010
20.	Сарматы Южного Приуралья (сборная)	88	«
21.	Срубная к-ра (Поднепровье)	29	Мовсесян, 2005
22.	Волжская Булгария (Биляр)	87	Ефимова, Минков, 1981
23.	Болгар (Бабий бугор)	36	«
24.	Болгар («Четырехугольник»)	22	«
25.	Больше-Тарханский могильник	48	«
26.	Танкеевский могильник	44	«

Результаты. Данные по распределению частот ДВП и их радианы представлены в табл. 2. Отметим, что 18 из 36 признаков демонстрируют частоты, превышающие общемировые средние значения, а 8 из них – мировые максимумы размаха вариаций [Мовсесян, 2005]. Последнее относится к следующим особенностям: вставочные кости в венечном и лямбдовидном швах, в области теменной вырезки, заднего и сосцевидного родничков; расположенные вне шва сосцевидные и незамкнутые остистые отверстия; вогнутая форма поперечного небного шва. Частоты таких ДВП как метопический шов и треугольная кость вершины чешуи затылочной кости очень близки к средним частотам этих особенностей в поволжских группах (величины 0,070 и 0,024 соответственно) [Мовсесян, 2005]. Таким образом, основная специфика «фенетического профиля» Ново-Сасыкульской краниологической серии заключается в повышенной частоте встречаемости шовных и родничковых костей.

Результаты первого этапа анализа соответствий (анализ 1), демонстрируют, что по I вектору изменчивости (18,2% инерции) наибольшие отрицательные нагрузки приходятся на такие признаки как

вставочные кости в области теменной вырезки и затылочно-сосцевидном шве (табл. 3, рис. 1). II вектор, описывающий 15,5% общей вариабельности, характеризуется значимыми нагрузками на следующие особенности: следы разделения скуловой кости швом, стенокротафия и двухсоставные затылочные мышелки (с обратным знаком). По I вектору к Ново-Сасыкульской серии (№ 18 на рис. 1) наиболее близки выборки марийцев, мордвы, центральных карел и русских (Москва). Обособленное положение здесь занимают серии коми и северных карел, находящиеся на полюсе высоких отрицательных нагрузок, с одной стороны, и манси – с другой. По II вектору «сасыкульские» черепа попадают в область высоких положительных нагрузок, наиболее сближаясь с серией финнов и киргизской выборкой.

Сокращение набора признаков и расширение количества сравниваемых групп за счет включения серий с территории Волжской Булгарии (анализ 2) меняет картину следующим образом. I вектор (16,0% инерции) имеет условно значимые нагрузки на такие ДВП как лобные отверстия, разделение подъязычного канала перемычкой, лобный отросток височной чешуи, вставочная кость в области теменной вырезки и следы зародышевых швов затылочной чешуи (последние три – с обратным знаком) (табл. 3, рис. 2). II вектор (14,3% инерции), кроме высоких положительных нагрузок на признаки разделение скуловой кости швом и стенокротафия (как и в анализе 1), отличается высокими же нагрузками на такие особенности как вогнутая форма небного шва и вставочная кость в области теменной вырезки (с обратным знаком). Булгарские серии на графике заняли довольно компактное положение в плоскости векторов, за исключением серии из Больше-Тарханского могильника, характеризующей, по-видимому, пришлый компонент, а не местное население Волжской Булгарии. Последний факт полностью корреспондирует с выводами, полученными М.С. Акимовой при анализе краниометрических особенностей этой серии [Акимова, 1964], и С.Г. Ефимовой – при анализе болгарских материалов по комплексу черепных «аномалий» [Ефимова, Минков, 1981. С. 11]. Наиболее близкой по комплексу ДВП к болгарским сериям оказалась группа современных башкир. Ново-Сасыкульская серия (№ 18 на рис. 2), по результатам второго этапа сопоставления, обнаруживает наибольшее сходство с выборкой центральных карел.

Таблица 2

Средние данные распределения частот дискретно-варьирующих признаков и их радианы в серии из Ново-Сасыкульского могильника

Признак	N	M	R (рад.)
1. Sutura frontalis (metopica)	98	0,071	0,1239
2. Foramen supraorbitale	98	0,592	1,0332
3. Foramen frontale	98	0,133	0,2321
4. Spina trochlearis	98	0,122	0,2129
5. Foramen infraorbitale accessorium	95	0,263	0,4590
6. Os zygomaticum bipartitum (следы)	97	0,093	0,1623
7. Ossa Wormii suturae coronalis	93	0,097	0,1693
8. Foramen parietale	97	0,629	1,0978
9. Spina processus frontalis ossis zygomatici (отр.)	98	0,194	0,3386
10. Stenocrotaphia	97	0,155	0,2705
11. Processus frontalis ossis temporalis	97	0,062	0,1082
12. Os epiptericum	97	0,227	0,3962
13. Ossa Wormii suturae squamosae	96	0,042	0,0733
14. Foramen tympanicum	97	0,093	0,1623
15. Os postsquamosum	96	0,271	0,4729
16. Os Incae	96	0,031	0,0541
17. Os triquetrum	96	0,021	0,0367
18. Sutura mendosa (следы)	96	0,115	0,2007
19. Os apicis lambdae	92	0,348	0,6074
20. Processus interparietalis squamae occipitalis	91	0,066	0,1152
21. Ossa Wormii suturae lambdoideae	90	0,778	1,3579
22. Os asterii	95	0,232	0,4049
23. Ossa Wormii suturae occipito-mastoideae	93	0,139	0,2426
24. Foramen mastoideum extrasuturale	93	0,699	1,2199
25. Canalis condylaris	90	0,767	1,3387
26. Facies condylaris bipartitum	91	0,099	0,1728
27. Canalis hypoglossalis bipartitum	94	0,170	0,2967
28. Tuberculum praecondylare	93	0,097	0,1693
29. Foramen spinosum apertum	96	0,489	0,8535
30. Foramen pterygospinosum	92	0,185	0,3229
31. Sutura palatina transversa concavus	88	0,261	0,4555
32. Sutura palatina transversa fractus	88	0,250	0,4363
33. Torus palatinus	94	0,149	0,2601
34. Torus mandibularis	83	0,048	0,0838
35. Foramen mentale accessorium	83	0,072	0,1257
36. Canalis mylohyoideus	82	0,049	0,0852

Таблица 3

Результаты анализа соответствий. Нагрузки дискретно-варьирующих признаков по I и II векторам

Признак	Анализ 1		Анализ 2	
	I	II	I	II
Метопический шов (SF)	0,06	0,11	-0,13	0,11
Надглазничное отверстие (FSO)	-0,00	-0,24	0,14	-0,13
Лобное отверстие (FF)	0,02	0,08	0,43	-0,30
Блоковая ость (ST)	0,19	-0,06	-0,07	0,24
Дополнительное подглазничное отверстие (FIO)	-0,12	0,29	-	-
Разделение скуловой кости поперечным швом (следы) (OZB)	0,19	0,54	-0,34	0,71
Сужение птериона (STC)	0,24	0,77	-0,04	0,39
Эпиптерные (межвисочные) кости (OE)	-0,26	0,03	-0,26	-0,14
Лобный отросток височной чешуи (PFST)	-0,17	0,22	-0,32	0,01
Вставочная кость в области теменной вырезки (OPS)	-0,53	-0,02	-0,49	-0,33
Астериальная кость (OA)	-0,06	0,11	-0,11	-0,05
Теменное отверстие (FP)	0,17	-0,03	0,16	0,03
Кость инков (OI)	0,12	-0,24	-0,09	0,06
Треугольная кость вершины чешуи (OT)	0,07	-0,04	0,10	0,04
Вставочная кость заднего родничка (OAL)	-0,19	0,11	-0,28	-0,09
Шовные косточки в лямбдовидном шве (OWSL)	-0,23	0,05	-0,14	-0,15
Следы зародышевых швов затылочной чешуи (SM)	-0,15	0,03	-0,35	0,08
Сосцевидное отверстие (вне шва) (FME)	0,09	0,08	0,08	0,09
Вставочные косточки в затылочно-сосцевидном шве (OWSOM)	-0,49	0,07	-	-
Межтеменной вырост затылочной чешуи (PI)	-0,12	-0,19	-0,11	-0,19
Заднемышцелковое отверстие (CC)	-0,03	-0,01	0,01	-0,08
Разделение подъязычного канала перемычкой (CHB)	0,24	-0,11	0,30	0,04
Двухсоставные затылочные мышцелки (FCB)	0,25	-0,37	-0,11	0,26
Предмышцелковые бугорки (TPC)	0,15	0,13	-0,16	0,23
Отверстие на барабанном кольце (FT)	0,26	0,07	0,16	0,19
Незамкнутое остистое отверстие (FSA)	0,15	0,13	0,01	0,23
Крылоостистое отверстие (FPS)	0,04	0,01	0,01	0,08

Признак	Анализ 1		Анализ 2	
	I	II	I	II
Форма поперечного небного шва (ломаная) (SPTF)	-0,11	0,16	-	-
Форма поперечного небного шва (вогнутая) (SPTC)	0,22	0,20	-0,17	0,38
Небный валик (TP)	-0,08	-0,28	-0,07	-0,11

Заключение. В результате исследования краниологических материалов из Ново-Сасыкульского могильника по системе ДВП, можно наметить следующие выводы. Фенетические особенности Ново-Сасыкульской серии свидетельствуют, что население, оставившее обсуждаемый могильник сформировалось на основе групп с европеоидной доминантой. Последнее в известной степени соотносится с выводами, полученными В.Г. Моисеевым и В.И. Селезневой при изучении мазунинских и ломских материалов по альтернативной краниоскопической программе [Моисеев, Селезнева, 2012]. Сходство пьяноборской серии из Ново-Сасыкуля по системе ДВП с сериями марийцев и мордвы с одной стороны, и ее выраженное «тяготение» к выборке из Центральной Карелии – с другой, находит вполне ощутимые параллели в итогах краниометрического исследования черепов из пьяноборских могильников. Очевидно, что население пьяноборской культуры внесло ощутимый вклад в фенотип народов Среднего Поволжья. Кроме того, итоги проведенного исследования подтверждают положение, высказанное в классической работе М.С. Акимовой полстолетия назад: «...есть основания думать, что Прикамье с давних пор было заселено племенами финской группы. Это можно считать твердо установленным для ананьинской эпохи. Этот вывод можно распространить и на население пьяноборской культуры...» [Акимова, 1968. С. 98]. Наибольшая близость пьяноборской серии из Ново-Сасыкуля по системе дискретных признаков черепа к выборке центральных карел, в свете этого, представляется вполне ожидаемым и логичным результатом.

Список источников и литературы

Акимова М.С. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 1. 1961а. С. 121-129.

Акимова М.С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 7. 1961б. С. 29-40.

Акимова М.С. Антропологический состав населения пьяноборской культуры // Вопросы антропологии. № 8. 1961в. С. 130-139.

Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. С. 177-196.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1986. С. 95-122.

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 67. 1981. С. 64-73.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.

Ефимова С.Г., Минков Ц. Об антропологическом составе населения Волжской Булгарии (по данным неметрических систем признаков) // Археологически институт и музей на БАН. Интердисциплинарни изследвания, VII-VIII. София, 1981. С. 7-15.

Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005. 272 с.

Мовсесян А.А. Поздние скифы и сарматы в свете данных палеофенетики // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 4. 2010. С. 43-49.

Моисеев В.Г., Селезнева В.И. Краниоскопическая характеристика населения Волго-Камья I тысячелетия н.э. (предварительное сообщение) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 216-235.

Фаттахов Р.М. О формировании антропологического типа населения пьяноборской культуры // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань: КФ АН ССР, 1981. С. 74-86.

Широбоков И.Г. Антропологический состав населения Среднего Прикамья в первой половине I тысячелетия н.э. // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2016. С. 272-274.

Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Т. 26. История и филология. Вып. 1. 2016. С. 25-34.

Evteev A.A., Movsesian A.A., Grosheva A.N. The association between mid-facial morphology and climate in northeast Europe differs from that in north Asia: Implications for understanding the morphology of Late Pleistocene *Homo sapiens* // Journal of Human Evolution. Vol. 107. 2017. P. 36-48. DOI: 10.1016/j.jhevol.2017.02.008

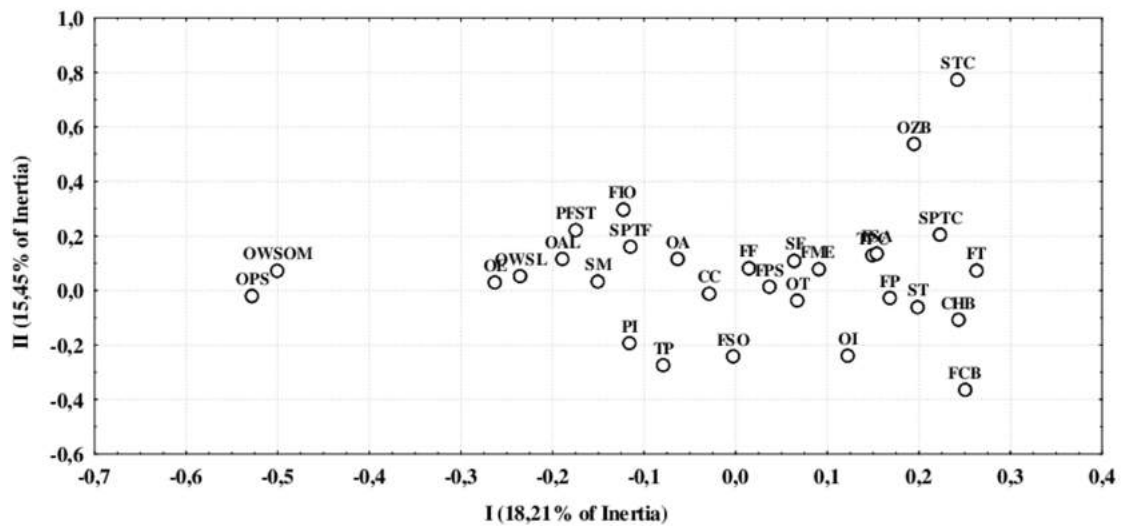
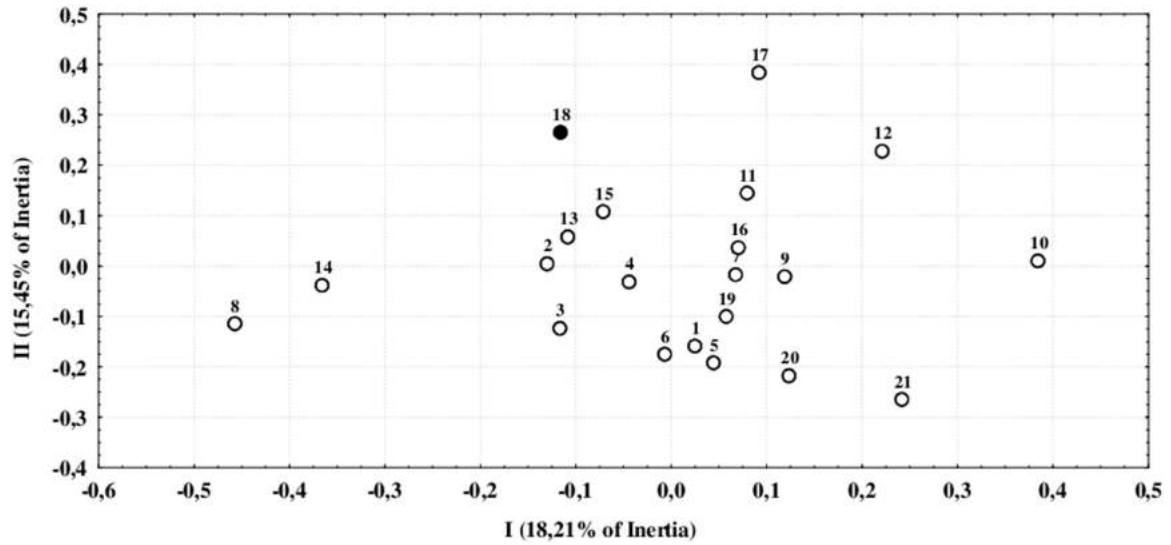

Рис. 1. Результаты анализа соответствий 21 краниологической серии по 30 дискретно-варьирующим признакам (анализ 1) в пространстве I и II векторов (18,2 и 15,5% инерции). Номера сравниваемых групп соответствуют порядковым номерам в табл. 1. Обозначения признаков приводятся в табл. 3

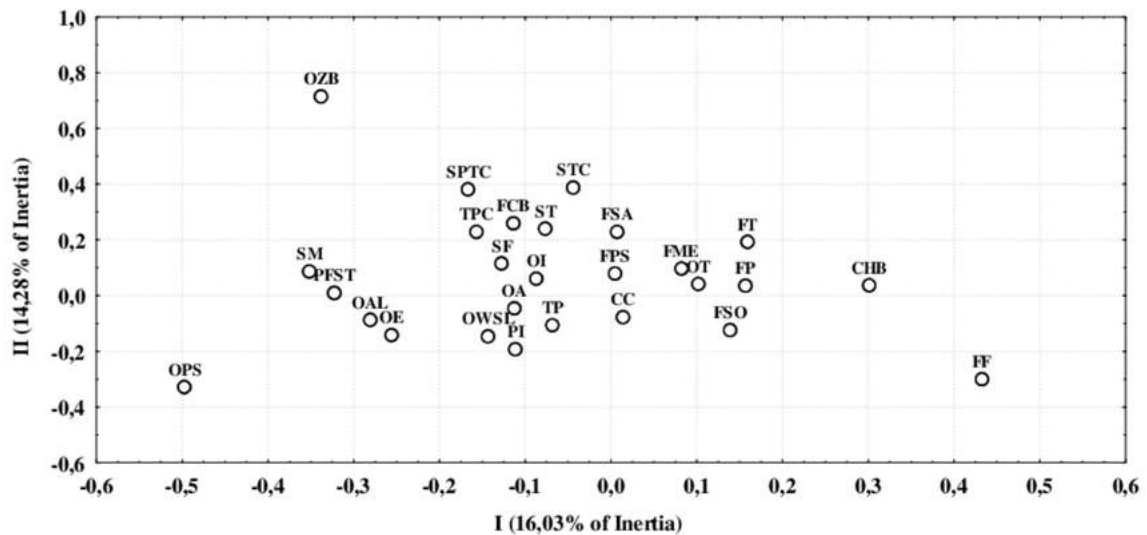
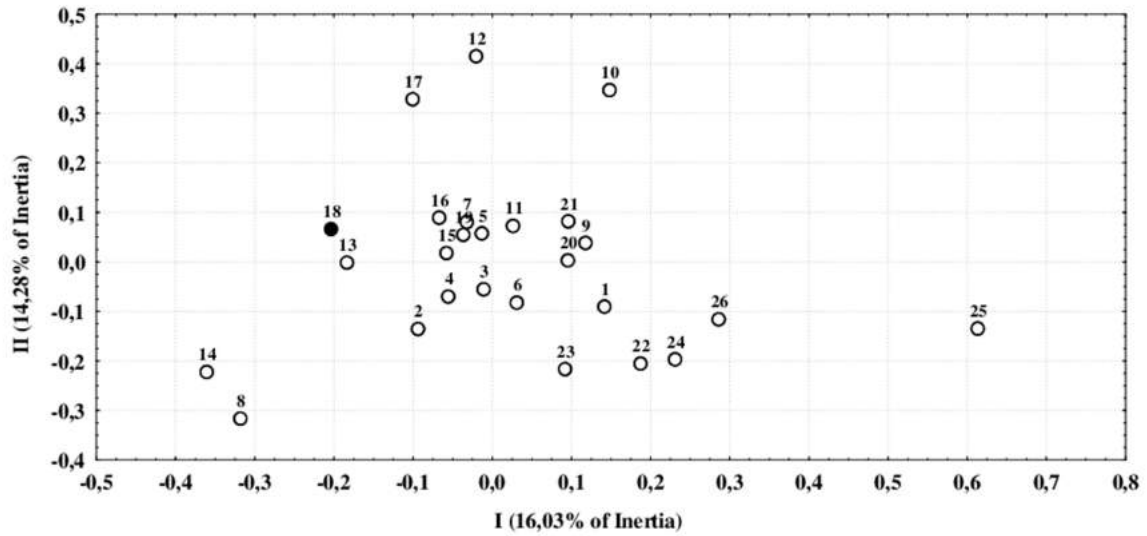

Рис. 2. Результаты анализа соответствий 26 краниологических серий по 27 дискретно-варьирующим признакам (анализ 2) в пространстве I и II векторов (16,0 и 14,3% инерции). Номера сравниваемых групп соответствуют порядковым номерам в табл. 1. Обозначения признаков приводятся в табл. 3

З. Самашев

Государственный историко-культурный заповедник-музей «БЕРЕЛ»
г. Астана, Республика Казахстан

К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана

В 2018 году экспедицией Государственного историко-культурного заповедника «Берел» начато стационарные археологические исследования курганов в урочище Елеке сазы, на северном склоне хребта Тарбагатай, на территории Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Месторасположение памятника представляет собой замкнутую чашевидную долину, окруженную невысокими горами и изрезанную малыми речками – притоками многоводной р. Каргыба, а также с болотистыми участками и плоскими возвышениями, на которых в меридиональном направлении расположены около 300 курганов и поминальные сооружения, которые структурированы в шесть самостоятельные группы и цепочки. В каждой группе памятников выделяются курганы-доминанты, окруженные рвами, двухрядными кольцами и, частично, ритуальными или «жертвенно-поминальными» оградками – восьмикаменниками, расположенными, как правила, с западных сторон, а также объекты средней величины, которые по структуре элементов наземного сооружения идентичны с предыдущими и небольшие в плане округлые или подпрямоугольные каменные выкладки, иногда с выступающими на дневную поверхность конструкциями наподобие ящиков.

Один из курганов (№ 4), который входил во вторую группу памятников Елеке сазы, в ходе исследования дал интересный материал раннесакского облика.

Поверхность кургана была сильно задернована. Он представляет собой наиболее распространенный здесь тип погребального сооружения средней величины с внешним двухрядным кольцом (диаметр – 50 м, ширина – 0,60-1,25 м) из крупных разноцветных речных камней (рис. 1). Его внутреннее пространство имеет щебенчатое заполнение. Широкий (4,6-5,9 м), но неглубокий (до 0,35 м) и несомкнутый ров, непосредственно примыкающий извне к указанному двухрядному кольцу, опоясывает все сооружение и, по-видимому, его появление как элемента наземной конструкции маркирует последний акт погребально-поминального ритуала, связанного с возведением кургана в честь ушедшего в инобытие индивида.

Погребальная камера, очевидно, трапециевидных очертаний (или в виде усеченной пирамиды), как базовый элемент всей структуры сооружения строилась, согласно нормам ритуала, на уровне древнего горизонта (рис. 1). Внутри погребальной камеры сначала, видимо,

возводили бревенчатый каркас, наподобие байгетобинского в Шиликтах, но с некоторыми иными техническими приемами, поскольку здесь, на полу камеры сохранились столбовые ямы и возле стен следы сильно перегнивших бревен как в горизонтальном, так и в вертикальном положениях.

Трапециевидную бревенчатую камеру и входной коридор (дромос) с восточной стороны, обкладывали крупными камнями, до тех пор, пока она не обрела законченный вид.

Затем, западная профанная, наиболее уязвимая, с точки зрения мифоритуальных представлений социума сторона погребальной камеры извне укреплялась в плотную полудуговой пахсовой заливкой. После этого вся конструкция наращивалась дерновыми плитками, лепешковидными и комковидными «кирпичиками», грунтом и другими строительными материалами до самого верха и покрывалась в круговую «панцирной рубашкой» из мелкоколотых камней и речного галечника. Верхняя часть панциря кургана № 4, очевидно, разобрана по кругу грабителями.

Всю конструкцию кургана по всему кругу удерживала, сложенная из мощных камней, двух-трехрядная крепида у основания сооружения, которая имела, по-видимому, и религиозно-магическую охранительную функцию, о чем свидетельствуют огромное количество спрятанных предметов украшения от женского и мужского костюмов (рис. 2).

Из находок отметим фигуры лежащих хищных зверей из листового золота, головой анфас, а телом в профиль как в памятниках раннесакской тасмолинской культуры Сарыарки; фигурные нашивки в виде головок хищных птиц на противоположных концах; тысячи кольцевых и трубчатых бисер, видимо, от штанов; круглые, диаметром примерно в 1 см нашивки с двумя-четырьмя напаянными плоскими петельками на оборотной стороне; боченковидные ребристые, цилиндрические бусы из золота; фрагменты спиралевидного украшения из золотой проволоки; многочисленные бусы из разноцветных драгоценных и полудрагоценных камней; подвески из ракушечника, слоновой кости(?), бронзовая иголка с ушком и др.

Изучение конструктивных особенностей наземного сооружения кургана 4 будет продолжено в будущем, еще не разобрана его северная половина.

Захоронения парные совершены здесь, как и во многих раннесакских элитных курганах, на уровне древнего горизонта (рис. 1). Этим и отличается курган № 4 могильника Елеке сазы от самого выдающегося памятника раннесакской культуры в Центральной Азии – Аржана-2, где царское захоронение в могиле 5, находилось на глубине 3 м. от дневной поверхности.

Погребение человека (13-15 лет), по предварительному заключению антропологов, женского индивида, совершенного на дне камеры, с левой

стороны, было начисто разграблено древними грабителями, проникшими через дромос. Сохранились лишь фрагменты черепной коробки и просверленные для медицинских манипуляции при бальзамировании плечевые кости, а также украшение костюма в виде вырезанной из листового золота головы оленя с длинными гипертрофированными рогами.

Другое погребение, уцелевшее полностью, возможно, благодаря завала камней внутри камеры, находилось правее, ближе к северной ее стене. Оно принадлежало знатнейшему юноше лет 17-18. Его положили на спину, головой на запад, с незначительным отклонением на север (рис. 1). Трубочатые кости рук и ног погребенного были просверлены для каких-то целей.

Сохранность костей относительно неплохая, что позволяет в будущем осуществить антропологическую реконструкцию и проведению ряда аналитических исследований. Слева от черепной коробки лежали золотые украшения, возможно, от головного убора – вырезанная из листового золота голова оленя, листы и фигура марала без рога в перевернутом положении (рис. 3).

В пространстве между левым плечом и головой, а также поверх левой лопатки и ключицы погребенного лежали фрагментированные остатки еще двух вырезанных из золотого листа оленьих голов.

На шее скелета усопшего лежала массивная золотая гривна со спиралевидно оформленным стержнем и удлиненно-прямоугольными концами. С правой стороны черепа, в области височной кости находится золотая трубочка, которая, по предварительному заключению антропологов, могла быть использована при бальзамировании тела покойного.

На левой ключице погребенного находилась маленькая бляшка в виде фигуры свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, выполненного в классическом раннесакском стиле, когда все конечности, голова, уши, лопатка и морда зверя передаются в виде круглого углубления, которые часто инкрустируются бирюзовыми вставками. Вторая подобная бляшка находится с правой стороны скелета, выше тазовой кости и, по-видимому, маркируют гарнитуру пояса или портупейных ремней, поскольку ниже, возле правого бедра человека помещен бронзовый кинжал в роскошных ножнах с золотой обкладкой, украшенной символическими знаками и фигурами оленей и хищников, выполненных в технике зерни (рис. 4, 5).

Навершие рукояти бронзового кинжала увенчано двумя, обращенных в противоположные стороны, массивными скульптурными головами хищных зверей.

На вырезе золотой обкладки, поверх деревянной планки от ножен находился узкий железный предмет, возможно, ножик. Железный «нож» находился, возможно, в собственных кожаных ножнах, прикрепленных к

кинжалу. В то же время, не исключено, что железный стержень является ручкой бронзового зеркала, находящегося поверх ножны кинжала.

Особый интерес представляют бронзовое двухсоставные подвижные приспособления – шарниры-стабилизаторы от портупей, с помощью которых кинжал и горит подвешивались к боевому поясу (рис. 3).

Под левую руку умершего был положен горит. Узкая и длинная пластина из золота (рис. 3), украшавшая поверхность деревянной планки на краю футляра для стрел, в результате деформации формы всего снаряжения, оказалась наверху.

Деревянное дно футляра для стрел имело обкладку из листового золота, украшенную впечатляющими фигурами противостоящих оленей, выполненных в технике зерни (рис. 6). Длинные и узкие уши и круглые глаза изображенных на обкладке животных инкрустированы вставками из бирюзы и лазурита.

В колчане зафиксированы остатки 40 стрел с бронзовыми наконечниками вниз.

По всей длине снаряжения, с его левой стороны зафиксированы перевернутые фигуры одного оленя в лежащей (или летящей) позе, с роскошными рогами и вставками из цветных камней и нескольких безрогих маралов, которые могли украшали, скорей всего, край налучья (рис. 3).

На фалангах обеих ног погребенного находилось большое количество трубчатого короткого бисера из золота, аналогичные изделиям из Аржан 2 в Тыве.

Таким образом, по конструктивным особенностям, исследованный нами курган № 4 могильника Елеке сазы на Тарбагатае имеет много общего, в первую очередь, с известными погребальными сооружениями из Восточного Казахстана и Сарыарки, а по вещевому комплексу – более обширные параллели в раннесакских памятниках Жетысу, Саяно-Алтая, Синьцзяня и др.

Хронологические рамки памятника на начальном этапе исследования определяется в пределах VIII – VII вв. до н.э.

Список источников и литературы

Самашев З., Онгар А., Чотбаев А. Нускабай А., Каирмагамбетов А., Киясбек Г., Кызырханов М. Культура ранних саков Тарбагатая (Начало комплексных исследований погребально-поминальных памятников на Елеке сазы в верховьях р. Каргыба)// Алтай – түрк элемнің алтын бесігі. Өскемен, 2018. 8 -14 б.

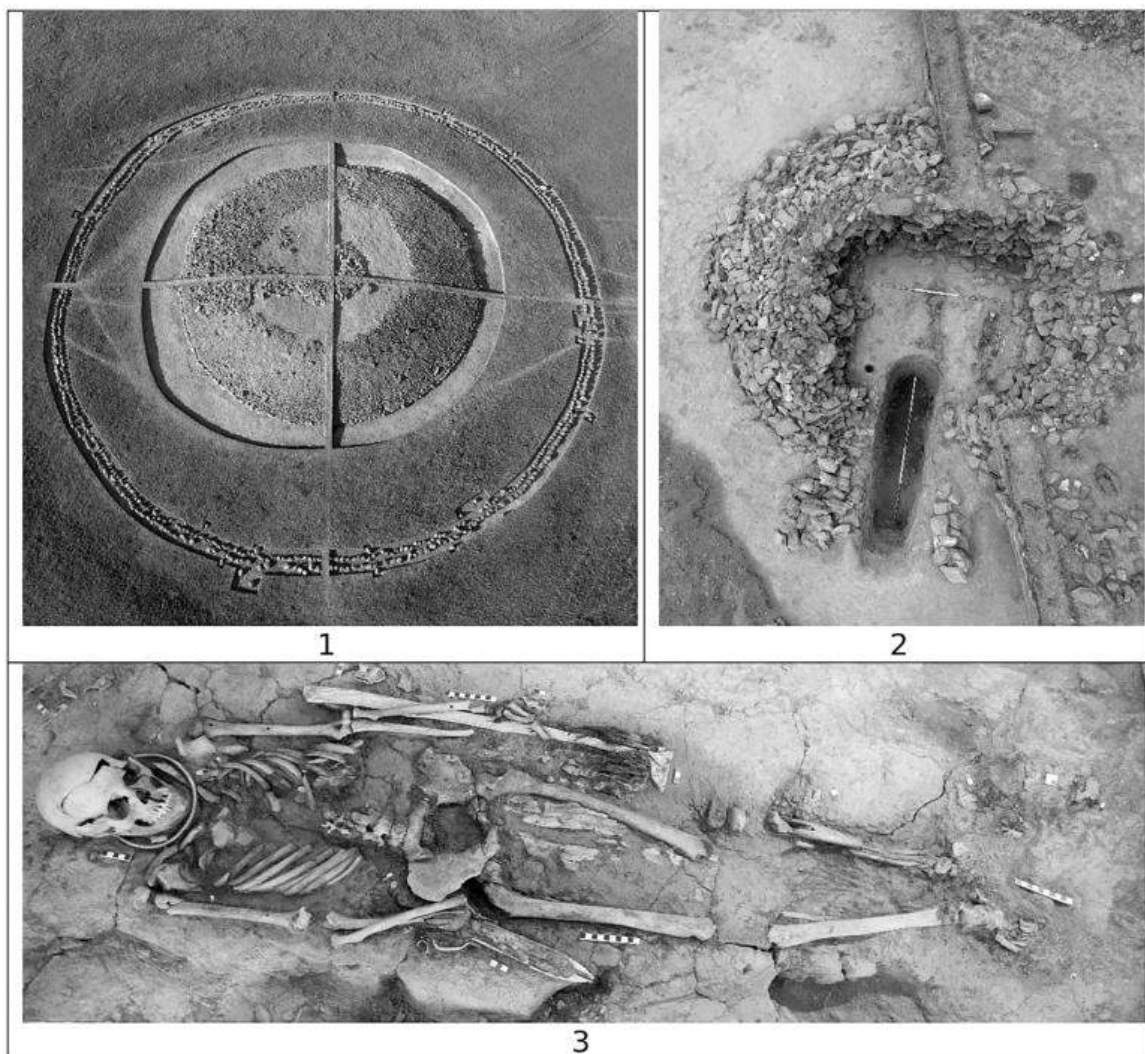

Рис. 1. Могильник Елеке сазы.

1- курган № 4 в процессе исследования;

2 - погребальная камера с дромосом; 3- погребение

Рис. 2. Украшения от мужского и женского костюмов, спрятанные под камнями крепиды кургана

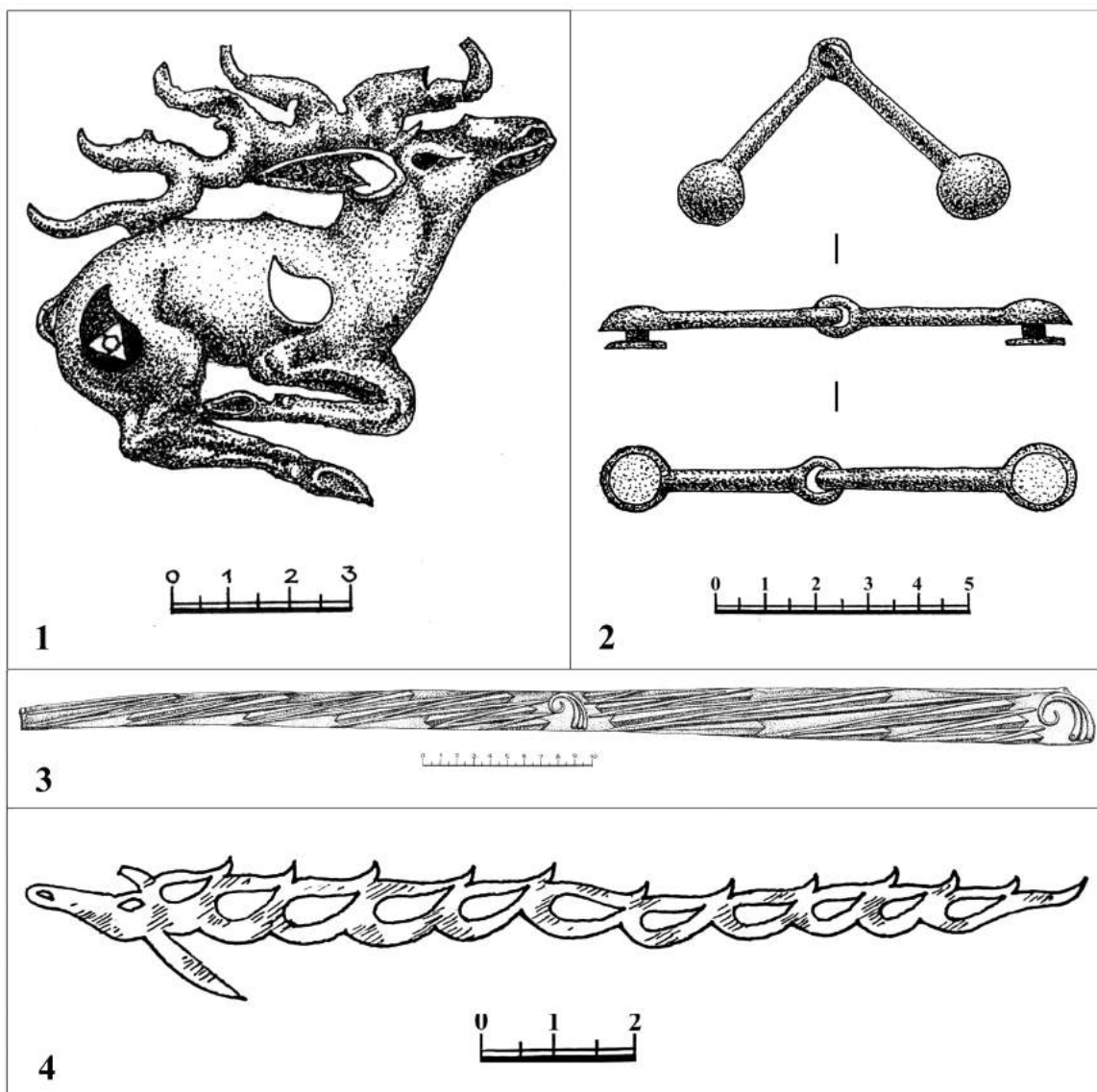

Рис. 3. Бронзовый шарнир-стабилизатор от португейного ремня для подвешивания кинжала и горита к боевому поясу

Рис. 4. Бронзовый кинжал

Рис.5. Золотые ножны кинжала, украшенные фигурами различных зверей, выполненных в технике зерни и инкрустированными цветными камнями

Рис. 6. Золотая обкладка дна колчана, украшенная фигурами противостоящих оленей, выполненных в технике зерни и инкрустированными цветными камнями

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

А.М. Белавин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия

Торговые фактории болгар как фактор ранней урбанизации Пермского Предуралья в эпоху средневековья

A.M. Belavin

Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Perm, Russia

Trade factories of Bulgarian as a factor of the early urbanization of Perm cis-Ural region in the Middle Ages

The processes of the cis-Ural region entry into international trade system are considered as well as social and economic development of the region which determined the formation of entrepreneurship, the emergence and functioning of the Bulgarian trade and craft factories as a factor of urbanization and the formation of the frame of resettlement in the Middle Ages in particular. With the participation of the Bulgarian artisans and merchants a number of factories with a mixed population arise on the territory of the region. In general the cis-Ural region began to play a prominent role in international economic relations. The significant role of Perm cis-Ural region in international trade system resulted in the formation of a network of proto-urban settlements. The traditions of trade, craft and the tendency to early urbanization in Perm region were quite strong which affected the development of the traditional economy and its transition to early feudal relations.

Keywords: Volga Bulgaria, Kama trade route, merchants, the cis-Ural region, the Kama River region, trade and craft settlements, craft centers, trade, factories.

*Статья подготовлена при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780
«Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья
(комплексное исследование)»*

Одной из важнейших и в тоже время дискуссионных тем отечественной и зарубежной исторической и археологической медиевистики является тема возникновения и развития средневекового города в Евразии. Город играл и играет огромную роль в развитии цивилизации. Оценивая значение феномена города в историческом

процессе, Ф. Бродель считал, что город вершит жизнь народов, «открывая двери того, что мы называем историей» [Бродель, 1986, с. 509].

Понятие факторий в мировой науке остается слабо изученным. Вместе с тем, многие исследователи, решая собственные задачи, неоднократно отмечали важную роль торговых или торгово-ремесленных факторий в процессах феодализации населения, развития торгово-рыночных отношений, в становлении городов и даже государств.

Обычно фактории понимаются как торговые поселения, образованные иностранными купцами на территории другого государства [Райзберг и др., 1999]. Торгово-ремесленные фактории существовали в средневековой Европе (особенно в балтийских землях) и на Руси. Как отмечает П.П. Толочко, «они известны главным образом на важнейших водных магистралях – Днепре, Волхове, Волге, Десне. Это – Ладога, Гнездово, Тимерево, Сарское, Михайловское городища, Шестовицы и некоторые другие. В исторической литературе последнего времени они именуются *открытыми торгово-ремесленными поселениями*. Определение не совсем удачное, если учесть, что на большинстве из этих поселений (если не на всех) на определенном этапе развития были возведены земляные укрепления – валы и рвы» [Толочко, 1989, с. 158]. По мнению П.П. Толочко, скандинавские, западнославянские и древнерусские торгово-ремесленные поселения IX – X вв., по-видимому, ... входили в единую экономическую систему, не укладывавшуюся в рамки этнических границ. Они были вызваны к жизни в IX – X вв. необычайно бурным развитием трансъевропейских торговых связей [Толочко, 1989, с. 161].

Как считает И.Б. Губанов, торгово-ремесленные поселения, фактории, вики, это «скорее не этническое, а стадияльное явление, связанное с бурным развитием ремесленным технологий и торговых путей, замыкавшихся в значительной степени на Западе на Рейн, а на Востоке – на Волго-Балтийский Путь и аббасидский Халифат, источник серебряных дирхемов в обмен на рабов и пушнину» [Губанов, 2003].

«Вскоре после образования первых «факторий» на Балтике, – писал Г.С. Лебедев, – начинается движение ценностей и средств обмена в восточной части Европейского континента, по Волжскому пути. ...Арабское серебро из стран Переднего Востока и Средней Азии через Северный Кавказ по Волге распространяется далеко на север, достигая обских угров. ... Складывается восточная ветвь трансъевропейской системы торговых связей» [Лебедев, 2005, с. 223 – 224].

Здесь одну из ведущих ролей играла Волжская Булгария, в период расцвета которой Великий Волжский торговый путь с его многочисленными ответвлениями функционировал активно как никогда. Благодаря булгарам в систему торговли средневекового мира оказался включён обширный Поволжский регион. Волжская Булгария превратилась

в цивилизующее начало на региональном уровне. И особое значение в этом процессе имели возникшие в Поволжье и в Приуралье фактории – торгово-ремесленные поселения волжских булгар.

В числе ранних торгово-ремесленных поселений булгар на Волге, по убеждению Ф.Ш. Хузина, была Казань, возникшая не позднее конца X в. на пересечении Великого Волжского и Северного пушного путей. По заключению А. М. Белавина, «уже к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки) становится частью территории Волжской Булгарии, ее своеобразной угро-финской периферией» [Белавин, 2000]. Здесь, в Верхнем Прикамье, насчитывается около 200 пунктов, в которых встречены многочисленные вещи из Булгарии, в том числе и монеты болгарской чеканки, ранняя керамика салтово-маяцкого облика. На этих землях булгары основывали не только торговые фактории, но и настоящие города – опорные пункты сбора налогов с местного населения и контроля над торговцами на северном пушном пути [Хузин, Хакимов, 2000, с. 222].

Торговые пути востока Европы и запада Азии, разрушенные во время Великого переселения народов, ко второй половине I тыс. н.э. начали постепенно восстанавливаться. Предуралье с его важнейшим природным ресурсом – пушными зверями – оказалось на острие интереса торговцев. Важную роль в развитии экономических связей Предуралья играла этнокультурная ситуация. Во второй половине I – начале II тыс. н.э. Среднеуральский регион, Южный Урал и часть Западной Сибири представляли себе единую угорскую ойкумену, внутри которой взаимодействие населения значительно облегчалось наличием единых идеологических представлений, культурной и языковой близостью [Белавин и др., 2009]. География местонахождений восточных монет дает основание для предположения о наличии Степного торгового пути, идущего в обход территории ранних волжских булгар через земли приуральских угров. Большую роль в восстановлении торговых связей Предуралья сыграли угры Южного Урала. Еще до становления в Среднем Поволжье Волжской Булгарии они перехватили и долго удерживали степной торговый путь из Средней Азии в северные регионы Урала и Сибири. Однако уже с X в. транзитная международная торговля в Урало-Сибирском регионе на несколько столетий перешла в руки волжских булгар. Взаимодействие с Предуральем осуществлялось по Камскому торговому пути (речному и сухопутному), который был органичной частью Великого Волжского пути [Белавин, 2000].

Проведение основных торговых операций и контроль Волжской Булгарии за прикамской региональной торговлей осуществлялся через систему торгово-ремесленных городков-факторий. Анализ археологических данных позволяет выделить несколько средневековых

городищ Предуралья, явно игравших в свое время важную роль в системе болгарской транзитной торговли: Анюшкар на р. Иньва, Городищенское городище на р. Усолка, Соломатовское на р. Усьва, Иднакар на р. Чепца, Рождественские археологический комплекс на р. Обва.

Эти городки, в которых определенную часть населения составляли болгары, служили своеобразной опорной сетью для торговли с Севером и Сибирью. Они были перевалочными пунктами в транзитной торговле, играли роль мест концентрации пушного товара: сбора, складирования, подготовки к вывозу в Булгарию (основное назначение Камского торгового пути, по мнению большинства исследователей, – пушная торговля). Так, в материалах Рождественского городища встречены кости таких пушных животных, как: бобр, белка, куница, выдра, лисица, росомаха [Гасилин, Лобанова, 2011, с. 126 – 128]. Особенно много костей бобра. На рынках Востока высоко ценился не только его мягкий, пушистый и тёплый мех, но и «бобровая струя» (кастореум) – ароматическое вещество животного происхождения, широко применявшееся в эпоху средневековья в медицинских целях и как основа для ароматических притираний и благовоний.

В этих же городках производился и другой товар для экспорта в Булгарию. Так, на Рождественском городище выявлены крупные производственные сооружения, связанные с производством медных, бронзовых и латунных слитков. Слитки цветного металла – сырьё для ювелирного и бронзолитейного ремесла – упоминаются в списках товаров болгарской торговли. В Среднем Поволжье, в отличие от Верхнего Прикамья, крупных рудных источников в эпоху средневековья не было известно, разрабатывались лишь относительно бедные рудные источники Волжского Правобережья в районе г. Булгара [Гуныко, 2008, с. 74 – 90], а размах болгарского ремесла требовал много сырья. На Городищенском городище и расположенном в нескольких километрах от него селище Рассолы обнаружены следы соледобычи X – XIII вв. Соль не только ценнейшая пищевая добавка, в эпоху средневековья она была одним из видов сырья для кожевенного промысла, соль упоминается и в списках болгарских товаров, идущих по Камскому и Волжскому торговым путям.

Среди болгарских торгово-ремесленных факторий в Прикамье наиболее ярко выделяются три: Рождественское городище, Иднакар и Анюшкар. Арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (1331 г.) упоминается касба – маленький городок Акикул (Аваколь, Афкула) в 20 днях пути от Булгара на север, то есть в пределах страны Чулман (Джульман). Он может быть сопоставим с Рождественским городищем [Белавин, 2000а, с.32].

У этих трех городищ изучены мусульманские домонгольские болгарские кладбища, свидетельствующие о непосредственном

проживании здесь выходцев из Волжской Булгарии – купцов, ремесленников и членов их семей [Белавин и др., 2003; Брюхова, 2012]. Эти некрополи имеют полное сходство с мусульманскими кладбищами Волжской Булгарии, причем на них отмечается достаточно точное соблюдение кыблы, вероятно, связанное с инструментальными измерениями, что подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в «касабу Афкуль» астрономов – измерителей времени из Булгарии. Ал-Омари в связи с Афкулой упоминает рассказ Хасана Эрруми (ар-Руми) о поездке в Афкулу исламского астронома для расчета времени молитв [Тизенгаузен, 1884, с. 237 – 238].

Булгарские фактории в Прикамье стали крупными ремесленными центрами. На городищах исследованы гончарные и металлургические горны булгарского типа, собраны убедительные свидетельства существования на них различных (в том числе, городских) ремесел, купеческий инвентарь и другие следы интенсивной экономической жизни, ярко отличающие их от иных, в основном, сельскохозяйственных поселений.

Благодаря интенсивному обмену и переселению представителей булгарского ремесла в приуральские земли стали возможны технологические заимствования. Это способствовало техническому прогрессу у жителей Предуралья, как было, например, в случае ювелирного, кузнечного, стеклоделия и ряда иных ремесел. При участии булгарских ремесленников начало складываться оригинальное ювелирное дело Предуралья. Продукция местных ювелиров имеет ряд характерных отличий от булгарской и древнерусской. По технологическим особенностям она больше тяготеет к булгарской ювелирной школе, поэтому долгое время все ювелирные изделия из драгоценных металлов, находимые на территории Пермского края, относились исследователями к булгарскому импорту. Однако ассортимент изделий, их декоративное оформление были явно ориентированы на местный рынок, в собственно Волжской Булгарии такие вещи крайне редки или не встречаются вовсе, прослеживаются местные ювелирные приемы, характерные для прикамских мастеров. На поселениях, в особенности на крупных городищах, изучены остатки мастерских, которые можно интерпретировать как ювелирные.

На Рождественском городище, отмечено скопление гончарных горнов, которые видимо, связаны с наличием здесь ремесленного гончарного производства. Гончарный горн с обжигательной камерой был открыт В.А. Обориным на городище Анюшкар. Появление в материалах Анюшकारа и Рождественского городища образцов традиционной лепной керамики с качественным горновым обжигом свидетельствует о том, что

наряду с болгарскими гончарами в этих мастерских работали и мастера из числа аборигенного населения.

На Рождественском городище так же реконструируется косторезная мастерская, косторезная мастерская (возможно и не одна) изучена на Анюшкаре. Ближайшие параллели, позволяющие считать такую концентрацию ремесленных мастерских явлением, маркирующим производственные структуры типа городских, прослежены в Новгороде, Биляре, на Муромском городке и других древнерусских и волжско-болгарских городах.

Таким образом, прикамские болгарские городки-фактории принадлежат к числу торгово-ремесленных поселений, расположенных на важнейших водных магистралях, в них присутствует полный набор признаков раннефеодального города. Главным занятием жителей этих поселений была дальняя торговля, а также связанное с ней ремесло [Толочко, 1989, с. 162]. Археологические исследования торгово-ремесленных факторий Верхнего Поволжья, Поднепровья и Поволховья показали, что все они наряду со славянскими содержат материалы и других этнографических регионов [Толочко, 1989, с. 162], этнически смешанный характер торговых центров отражен и в письменных источниках [Stenberger, 1977; Schoknecht, 1977]. Торгово-ремесленные фактории болгар в Прикамье также показывают наличие пестрого в этническом плане населения. Так, на Рождественском городище имеются свидетельства проживания местного финно-угорского населения, выходцев из Волжской Булгарии, древних хакасов, прибывавших сюда в составе охра торговых караванов, а также финно-угры с Чепцы, Выми, из Поволжья; анализ керамики позволяет предполагать наличие этнических «кварталов», как это свойственно многим средневековым городкам. Например, в 2008 г. изучена металлургическая мастерская, в которой отмечалась высокая концентрация болгарской посуды типа «Джукетау», что отражает место исхода жившего и трудившегося здесь ремесленника.

Торгово-ремесленные фактории болгар в Предуралье стали основой процесса ранней урбанизации региона, постепенно превращаясь в основу каркаса расселения. Однако уже в XIII-XIV вв. большая часть факторий и других поселений в Предуралье исчезает. Так, по данным А.В. Вострокнутова, в XI – XII вв. в Верхнем Прикамье существовало более 140 поселений, а в XIV в. их осталось всего 49 [Вострокнутов, 2011]. Оставшееся малочисленное население не могло транслировать будущим поколениям все культурные достижения средневековой эпохи, и традиции эти были утрачены.

Список источников и литературы

Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 201 с.

Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Приуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань: ИИ АНрТ, 2000а. С. 122 – 127.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с., ил.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2003. Вып. 3. С. 56 – 72

Бродель Ф. Структура повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв., Т. 1. М.: Прогресс. 1986.

Брюхова Н.Г. Мусульманские погребения Рождественского археологического комплекса: особенности обряда // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. Пермь: ПГПУ. 2012. С. 42 – 45

Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI – XV вв. опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. 2011. №8. С. 15 – 20.

Гасилин В.В., Лобанова Т.В. Комплекс костных остатков животных из Рождественского городища в Прикамье (раскопки 2009 года) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2011. Вып. 7. С. 126 – 129.

Губанов И.Б. Этническая культура Скандинавии эпохи викингов: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07. СПб, 2003. 237 с.

Гуныко А.А. Исследования медных рудников XVII – XIX вв. в Татарстане // Пещеры. Пермь: ПГУ, 2008. Вып. 31. С. 74 – 90.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии. Перевод с французского под редакцией проф. Косминского Е.А. СПб.: Евразия, 2001. 512 с. (Clio magna).

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М., 1999. 479 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.

Толочко П.П. О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов // История и культура древнерусского города М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 157 – 166

Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани. По материалам Международной конференции «Средневековая Казань: возникновение и развитие» // Российская археология. 2000. № 3. С. 220 – 229

Sehoknecht U. Menzlin. Ein frugeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977. P. 136 – 137.

Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. Neumuster, 1977. P. 418 –419.

Н.Б. Крыласова

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского
отделения Российской Академии наук

г. Пермь, Россия

Планировка внутреннего пространства Рождественского городища

N.B. Krylasova

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences

Perm, Russia

Layout of the internal space of Rozhdestvenskoe settlement

On the territory of Perm region there are few medieval settlements with sufficiently explored territory, which make it possible to reconstruct the layout of the internal space. Rozhdestvenskoe settlement, the trade and craft factory of Volga Bulgaria known from the Arab written sources as the town of Afkula, stands out. About 4.5 thousand square meters are excavated here and it is possible to draw preliminary conclusions about the layout. The eastern part of the settlement is the most explored where geophysical research was also carried out. Three rows of large (70-180 sq. m.) rectangular dwellings of frame-pillar structure stand apart. The rows stretched perpendicular to the river precipice. It is possible that the settlement had a radial layout where the streets fanned out from the highest part of the settlement towards the river precipice. The houses in the rows were located very close to each other, the spaces between the rows – the streets – are comparable in width to the narrow streets of medieval towns. There were no yards; spaces between houses were used for household needs; in winter cattle was allegedly kept in the front part of dwellings separated from the living space by a partition. Building density is due to the limited area within defensive structures. Comparison with other settlements (Rodanovo, Anyushkar) showed significant differences in the layout. In Rodanovo settlement there was a linear layout, the houses were accompanied by

household yards; in Anyushkar settlement there are two streets located perpendicular to each other. Therefore, the layout of Rozhdestvenskoe settlement can be considered more «urban» with features typical of medieval urban planning.

Keywords: Perm region, the Middle Ages, settlement, factory, layout, dwellings, workshops.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)»

Одним из наиболее изученных средневековых памятников Пермского края является Рождественское городище на р.Обва. Первые раскопки здесь провел в 1897 г. Н.Н. Новокрещенных, в 1981 г. Ю.А. Поляков, в 1985, 1990-х гг. оно исследовалось А.М. Белавиным, в 2008-2012, 2014-2018 гг. – Н.Б.Крыласовой. Здесь вскрыто уже около 4,5 тыс. кв. м.

Рождественское городище выделяется среди других городищ Пермского Предуралья по своей структуре и размерам. На основе анализа полученных при раскопках материалов оно интерпретируется как торгово-ремесленная фактория Волжской Булгарии, которая соотносится с упоминаемым в письменных арабских источниках городком Афкула [Белавин, Крыласова, 2008].

Рождественское городище не предназначалось для обороны сельскохозяйственной округи, которой у него, собственно, и не было – в ближайших окрестностях не известно средневековых памятников, за исключением пары невыразительных селищ. Оно находилось в глубине территории в 65 км по р.Обве от главной транспортной артерии – р.Камы. Нижнее течение р.Обвы до начала XX в. являлось судоходным. Устье Обвы защищалось несколькими городищами.

Городище возникло на рубеже IX-X вв. и существовало до середины XIV в., что подтверждается находками ордынских монет. В X в. здесь находилось небольшое финно-угорское поселение, занимавшее площадку на мысу, ограниченном логами. В XI в. оно было существенно расширено и перестроено по подобию городищ Волжской Булгарии, став крупнейшим средневековым городищем Пермского края, площадь которого составляет более 36 тыс. кв. м, а с учетом площади вала – 38 тыс. кв.м. Городище занимает участок коренного берега шириной 256 м, возвышающегося над рекой на 25 м. С запада и востока площадка ограничена глубокими логами, с севера – дугообразным валом шириной 6-12 м в основании, высотой 3,7 м с напольной стороны. Рва вдоль большей части вала визуально не наблюдается. Это связано с тем, что за пределами вала располагался неукрепленный посад с достаточно насыщенным культурным слоем и постройками, примыкавшими к валу. За западным логом находится

небольшое Филипповское городище, защищенное мощным валом с остатками земляных башен. С вала на 4-5 км просматриваются коренной левый берег р.Обвы, правобережная пойма реки и её течение на протяжении нескольких поворотов. За восточным логом Рождественского городища уступ коренного берега плавно изгибается к северу, образуя три мыса, разделенных оврагами: на ближнем к городищу находится мусульманский могильник, на третьем – языческий некрополь комплекса.

Таким образом, Рождественский комплекс включает детинец, укрепленный город и неукрепленный посад. А.М. Губайдуллин относит его к распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии [Губайдуллин, 2002. С.29].

На первых этапах исследований раскопкам подвергалась, главным образом, территория вдоль обрыва, поскольку р.Обва периодически меняет русло и существенно подмывает берег. Кроме этого, был произведен разрез вала и изучены прилегающие к нему участки на площадке и с напольной стороны.

В 2010-2018 гг. раскопами и путем геофизических исследований (метод электроразведки), проведенных И.В. Журбиным [Журбин, 2012. С.306-312], исследован значительный участок восточной части площадки городища (рис. 1), где получены новые данные, позволяющие реконструировать историю его развития.

Вдоль восточного лога, ограничивающего площадку городища, выявлены остатки рва шириной до 3 м, который соединялся с севера с разрушенным валом, находившимся в 20 м южнее существующего [Крыласова, 2017. С.177; Белавин, Крыласова, 2017]. Очевидно, эти сооружения связаны с первоначальным поселением. В XI в. ров был засыпан, площадка выровнена и использована под строительство жилищ. В XIII в. жилища сгорели при пожаре, который, судя по углистым прослойкам на разных раскопах, бушевал по всему городищу. После городище было вновь отстроено, вдоль восточного лога установили частокол из толстых бревен [Крыласова, 2015. С.84; 2016. С.121; 2017. С.177], но площадка, где прежде располагались жилища, больше не застраивалась.

Планомерные раскопки в восточной части площадки городища позволили тщательно и детально изучить остатки жилой застройки XI-XIII вв. По результатам этих исследований удалось выделить основные характерные черты жилищ и особенности строительной техники [Крыласова, 2016. С.57-69]. На основе отработанной здесь методики выделения жилых построек пересмотрены данные проводившихся ранее исследований. В итоге на городище выделено 18 наземных жилищ, исследованных целиком или частично. Ширина их составляла преимущественно 7-9 м (длина стандартного «делового» бревна), длина –

14-20 м, площадь –70-180 кв. м. По периметру большинства жилищ зафиксированы столбовые ямы, следовательно, они были построены в каркасно-столбовой технике с закладкой поперечных бревен или плах как в пазы стояков, так и между ними (иногда отмечается попарное расположение несущих столбов стен). Стены утеплялись завалинками. В основании двускатной кровли находились опорные столбы, расположенные в 1-3 ряда вдоль условной оси жилищ. Вопреки устоявшейся точке зрения о примитивности каркасно-столбовых построек по сравнению со срубом, следует отметить, что тяжесть кровли в них приходится на столбы каркаса, вертикальные или дополняемые раскосинами, а заполнение пустот между столбами несет лишь изолирующую функцию, но не работает на сжатие. Поэтому для покрытия кровли мог использоваться тес, и даже с учетом толщины снежного покрова в зимнее время, у такой конструкции оставался большой запас прочности. В отличие от сруба, такая техника позволяла возводить просторные, вполне комфортно обустроенные (по тем временам), возможно, иногда даже двухэтажные жилища. В интерьере жилищ выделяются нары вдоль стен; остатки печей на ямах-подпечьях, игравших роль кладовок [Крыласова, 2015. С.125-136], иногда дополнительные очаги, которые располагались по оси или были сдвинуты к одной из стен; между нарами настилался тесовый пол на лагах из жердей, иногда он покрывался слоем глины. Жилища, возведенные в XI в. на завершающей стадии ломоватовской культуры, сохраняли характерные для нее черты – большие размеры, дренажные канавки вдоль стен, но в них проявляются и новые элементы – перегородки, разделяющие внутреннее пространство, печи, элементы мебели – столы, полки и пр. В одном из сгоревших жилищ вдоль торцевой стены, где располагался вход с тамбуром, наблюдалась конструкция, связанная с остатками галереи, а в верхних слоях заполнения в углистом слое зафиксированы остатки разрушенной печи. Основываясь на принципах, разработанных для реконструкции древнерусских жилищ, развал печи в заполнении постройки, залегающий между прослойками горелого дерева, которые соотносятся с межэтажными перекрытиями и кровлей, может являться признаком наличия как минимум двух уровней. Это позволяет предполагать существование на Рождественском городище двухэтажных строений.

Всего в восточной части площадки городища на раскопах I, V, VII, IX (рис. 1) целиком и фрагментарно исследовано 12 жилищ и одна мастерская, располагавшаяся в логу, прорезавшем площадку памятника; еще 4 жилища и одна постройка в логу выделены на полигоне электроразведки (рис.2).

Жилища располагались рядами, вытянутыми перпендикулярно реке, параллельно Постановоговскому логу, ограничивающему площадку

городища с востока (всего на изученном участке прослеживается три таких ряда). На основании имеющихся данных пока преждевременно высказывать окончательные суждения, но, судя по расположению выявленных рядов жилищ, не исключено, что городище имело радиальную планировку, при которой улицы веером расходились от наиболее высокой части городища в сторону обрыва к р. Обва. Такая планировка типична для многих средневековых городов. Жилища в рядах в южной части ориентированы по линии ВСВ-ЗЮЗ параллельно реке, а в северной – по линии З-В и по линии ЗСЗ-ВЮВ, примерно параллельно валу.

Жилища располагались очень близко друг к другу на расстоянии в среднем 1-2 м, а в одном случае два жилища даже имели одну общую стену.

Задние торцевые стены жилищ восточного ряда, обращенные к логу, образовывали своеобразную защитную стену, которая выполняла оборонительную функцию вместо располагавшегося здесь ранее рва и появившегося позднее частокола.

В пространствах между жилищами во всех случаях были обустроены деревянные мостки, поднятые над землей на опорах. Есть основания полагать, что эти пространства были отгорожены и, с одной стороны, использовались в качестве подсобных хозяйственных помещений, а с другой стороны, обеспечивали дополнительную теплозащиту жилым постройкам. В пределах этих крытых коридоров встречен разнообразный хозяйственный инвентарь, и, в частности, между двумя жилищами восточного ряда были сконцентрированы обломки подков. Раньше находки подков соотносились с периодом крестьянской распашки городища, но в данном случае их несомненная связь с хозяйственным помещением позволяет предполагать принадлежность подков к периоду функционирования городища [Крыласова, 2017. С.171].

Хозяйственных дворов и пристроен у жилищ не было, за исключением одного жилища в восточном ряду, имевшего пристрой с двумя большими хозяйственными ямами [Крыласова, Белавин, 2017. С.67-71]. Предположительно, в зимнее время скот могли содержать в передней части домов, отделенной перегородкой от жилого помещения.

Между крайним восточным и вторым параллельным ему рядом жилищ прослеживается промежуток шириной 3-4 м, который мог использоваться для прохода, а возможно, при необходимости и для проезда. Но следов мостовой здесь не выявлено. Возможность использования указанного промежутка как проезда между домами, в принципе, исключает факт наличия деревянного тротуара, поднятого над землей на опорах из колев, который вел от тамбура одного из жилищ восточного ряда между жилищами второго ряда по направлению к мастерской, располагавшейся в логу.

Западнее, за пределами лога, выделен еще один параллельный ряд жилищ (рис.2).

В логу, который, предположительно, был засыпан в XIII в., располагалось две мастерские. Одна из них, расположенная южнее, изучена в период раскопок 2011-2012 гг. Это была многопрофильная мастерская, основным назначением которой являлось производство металлических изделий. Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерской позволяют предполагать, что в ней работало более десятка ремесленников, специализирующихся в разных направлениях [Крыласова, Подосенова, 2015. С.27-41]. Вторая постройка, судя по аномалиям, не менее насыщенная очажными конструкциями, прослеживается на полигоне электроразведки 2010 г. В отличие от жилищ, вытянутых параллельно реке, эти постройки имели противоположную ориентировку, подчиненную рельефу (они находились между бортами лога). Обустройство этих построек на дне глубокого лога (до 3,5 м) фактически обращало их в землянки. Вероятно, стремление построить мастерские в углублении было вызвано соображениями пожарной безопасности. Аналогично в углублении, образованном на месте естественного водостока (или еще одного засыпанного оврага) располагалась металлургическая мастерская в западной части площадки городища [Белавин, Крыласова, 2009. С.6-21].

Переносить полученные результаты на остальную часть площадки городища и считать, что вся она имела такую же скученную застройку, пока преждевременно. На городище, безусловно, должны были быть проезды для подвоза грузов, должно было быть какое-то открытое пространство (площадь) для торга и собраний. Учитывая, что значительную часть населения составляли мусульмане – выходцы из Волжской Булгарии, не исключено наличие здесь мечети.

Тем не менее, полученные на Рождественском городище данные демонстрируют, что он был устроен как типичный средневековый городок с плотной застройкой, обусловленной ограниченными размерами площадки в пределах оборонительных сооружений, узкими улочками. Но при этом жители городища не ограничивали себя в размерах жилищ, которые соответствовали достаточно высокому социальному статусу богатых (судя по материалам Рождественского могильника) ремесленников и торговцев, составлявших основную часть населения.

Полученные данные демонстрируют существенное отличие планировки Рождественского городища от планировки финно-угорских городищ Пермского края. Правда, достаточно изученных городищ, которые можно было бы использовать для сравнения, крайне мало.

Одним из таких памятников является Роданово городище на правом берегу р. Камы, на котором в 1930-х гг. Камской экспедицией ИИМК под

руководством А.В. Шмидта, Н.А. Прокошева и М.В. Талицкого вскрыто более 700 кв. м. Здесь изучена часть улицы с остатками домов, построенных, как и на Рождественском городище, очень близко друг к другу, которая была вытянута вдоль осевой линии площадки городища параллельно валу и обрыву к р. Кама. В отличие от Рождественского городища, здесь были выделены дворы, расположенные между рядом домов и валом [Талицкий, 1951. рис. 2]. Впоследствии городище было существенно размыто водами Камского водохранилища. Противоаварийные исследования, производящиеся в последние годы КАЭЭ ПГГПУ под руководством А.Н.Сарапулова на остатках площадки Роданова городища, пока не расширили представлений об особенностях жилой застройки. Предположительно, здесь существовала линейная планировка с домами, выстроенными в одну улицу; центр площадки у обрыва был занят производственными комплексами [Оборин, 1999. С.266].

Вторым памятником, исследованная площадь которого может быть сопоставима с Рождественским городищем, является городище Анюшкар на р. Иньве неподалеку от ее впадения в р. Кама. Здесь в 1050-х (В.А. Оборин) и 1990-х гг. (Г.Т. Ленц, А.А. Терехин) исследовано более 4 тыс. кв.м. Выявленные жилища (всего их изучено 7) располагались двумя рядами под прямым углом друг к другу вдоль берега р. Иньва и перпендикулярно ему [Оборин, 1999. С.266; Оборин, Ленц, 2008. С.11].

Планировку Рождественского городища можно, таким образом, считать более «городской», имеющей признаки, характерные для средневекового градостроительства (скупенная застройка, радиальная планировка).

Список источников и литературы

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. №2. Казань: АНРТ, 2009. С.6-21

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Новые материалы раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Сер. «Археология евразийских степей», 2017. С. 30-38

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: ИИ АН РТ, 2002. 232 с.

Журбин И.В. Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГГПУ, 2012. С.306-312

Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2014 г. / Рукопись. Пермь: ПГГПУ, 2015. 100 с., 320 ил.

Крыласова Н.Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. № 10. С.125-137

Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2015 г. / Рукопись. Пермь: ПГГПУ, 2016. 139 с., 325 ил.

Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник ПНЦ. №3, 2016. С.57-69

Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2016 г. / Рукопись. Пермь: ПГГПУ, 2017. 196 с., 357 ил.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Жилища средневекового Прикамья // Средневековая археология Волго-Уралья. Сборник научных трудов к 65-летнему юбилею Ф.Ш.Хузина. Казань: ИА АНРТ, 2016. С.67-71

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 4. С. 27-41

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ, 1999. С.255-298.

Оборин В.А., Ленц Г.Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951-1955, 1989-1991 гг.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып.2. Пермь: ПГПУ, 2008. С.10-16

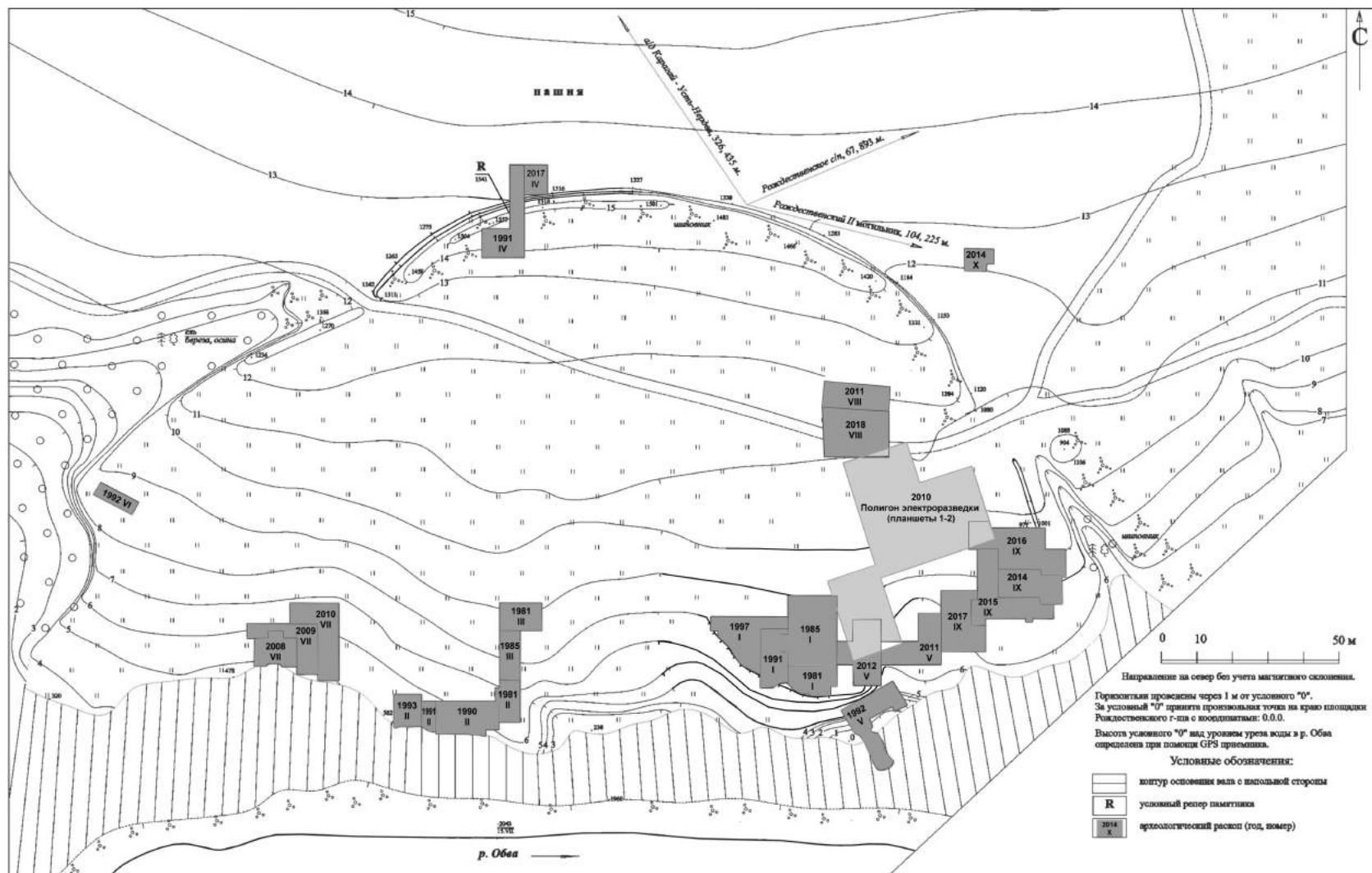

Рис.1. Топографический план Рождественского городища с раскопами разных лет и полигоном электроразведки 2010 г.

Рис.2. Снимок Рождественского городища с квадрокоптера с нанесенными на него жилищами и мастерскими, выделенными в восточной части площадки.

С.И. Хамидуллин
АНО «Центр изучения исторического наследия Башкортостана
«Шежере»
г. Уфа, Россия

К проблеме городов средневековой Башкирии

S.I. Khamidullin
Autonomous Non-Profit Organization «Center for the Study of the
Historical Heritage of Bashkortostan «Shejere»
Ufa, Russia

On the problem of medieval Bashkiria cities

The proposed view on the problem of urban way of life in medieval Bashkiria is connected with the phenomenon of «Bashkir cities» mentioned in the works of the Arab geographer of the XII century al-Idrisi and a number of other authors. In the scientific literature, the Bashkirs of the middle ages a priori were considered nomads, so the data of written and archaeological sources, speaking in favor of the existence of other economic and cultural types, were ignored or considered erroneous. However, the current conflict is explained by the methodological developments of Russian nomadology. In nomadic societies, the need for cities as centers of political power, craft and trade arises only during the existence of supercomplex chiefdoms or nomadic empires – the Huns, Turkic, Uighur, Khazar, KimakKhaganate, Mongolian Empire and The Golden Horde. Since the Bashkirs were not an imperial people, this model of the genesis of cities is unacceptable for them. Consequently, the problem of the cities of Bashkiria lies in a different plane. According to the concept of N. N. Kradin, nomads in order to satisfy their needs in products of agriculture and crafts, resorted to xenocratic method of domination: 1) remote operation by organizing raids, extorting «gifts» and unequal trade; 2) the tribute of the sedentary population in favor the nomads; 3) conquest, in which the nomads themselves move to the conquered territory and then instead of looting and tributary relationship comes to regular taxation of farmers and townspeople. In our opinion, for the Danube Bulgarians, Seljuks and Bashkir was characterized by the third type. Having come to the Southern Urals, they included in their polite the stationary urban-type settlements, which were inhabited by the Sarmato-Alanian population.

Keywords: Bashkir cities, al-Idrisi, Danube Bulgaria, nomadic empire, Sarmats, Alans, Burdjans, Nimdjan, Karukiya, Gurkhan.

Вопрос о городах раннесредневековой Башкирии был вынесен на обсуждение в публикациях Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой, которые опирались на сочинение арабо-сицилийского географа XII века Мухаммада

ал-Идриси [Мажитов, Султанова, 1994.С.136-138]. Однако, говоря о «башкирских городах», названные авторы не дали объяснения феномена появления элементов урбанистического уклада у кочевников, каковыми априори считаются средневековые башкиры. С другой стороны, выводы ряда исследователей, отрицающих достоверность сведений ал-Идриси относительно городов Башкирии, также нельзя назвать удовлетворительными [Иванов, Сиротин, 2003].

Исследования в области кочевниковедения показали, что города для кочевых обществ являются избыточными, поскольку в них нет нужды для натурального хозяйства скотоводов. В тоже время в периоды политической консолидации, которые приводили к образованию у кочевников государственности (суперсложных вождеств, кочевых империй), возникала необходимость в создании административных центров, бюрократического аппарата и регулярной армии. Именно эти потребности приводили к тому, что на территории державы Хунну, Тюркского, Уйгурского, Кыргызского, Хазарского, Кимакского каганатов, Монгольской империи строились города, которые, однако, существовали исключительно благодаря наличию заинтересованной в них ханской власти. При уничтожении последней, как правило, исчезали и сами города. А.М. Хазанов пишет: «Возникновение кочевого государства было сопряжено, по крайней мере с ограниченной седентаризацией. Так, кочевая аристократия не могла обойтись без городов – центров политической власти, ремесел и торговли. Иногда она сама вызывала их к жизни. Правда, появление таких городов выглядит несколько искусственно. Не столько государство существовало за их счет, сколько сами они существовали за счет государства...» [Хазанов, 2002. С.367]. Именно поэтому наличие у кочевников городских центров является показателем государственности.

Однако, существовал иной способ обретения городов кочевой степью. Воинственные кочевники, нуждавшиеся в продукции сельского хозяйства и ремесла, прибегали к экзополитарному (ксенократическому) способу эксплуатации оседло-земледельческих территорий с их городскими центрами. Н.Н. Крадин выделяет три типа отношений: 1) дистанционная эксплуатация путем организации набегов, вымогания «подарков» и неэквивалентной торговли, к которой прибегали хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, скифы; 2) данничество оседлого населения по отношению к кочевникам (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, монгольская империя Юань); 3) завоевание, при котором номады сами переселяются на завоеванные территории, после чего на смену грабежам и данническим отношениям приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан (Парфия, Кушанское царства, поздние скифы) [Крадин, 2007.С.177].

К последнему типу также относится история «обретения родины» дунайскими булгарами (праболгары или протоболгары), малоазиатскими огузами (сельджуки и османы), венграми и древними башкирами. Последних для терминологической ясности лучше именовать прабашкирами, под которыми следует понимать тюркских кочевников, носителей этнонима башкорт, сыгравших для автохтонного населения Южного Урала ту же консолидирующую роль, каковую сыграли для славян Подунавья праболгары хана Аспаруха [Хамидуллин, 2006]. Последние, придя на правый берег Дуная, превратили степные просторы в свои пастбища и вели кочевой образ жизни более 100 лет, в течение которых первая (таборная) стадия кочевания, по классификации С.А. Плетневой, была ведущей формой их экономики [Плетнева, 1982.С.134]. В подчинении у праболгар оказалось не только оседло-земледельческие районы, но и многочисленные города. В VIII веке процессы седентаризации привели к тому, что праболгары стали массово переходить к оседлости, а ханская ставка (аул) превратился в первую столицу государства – город Плиску. После того, как бывшие кочевники сменили свой тюркский (палеотюркский) язык на славянскую речь, завершился процесс сложения болгарской народности.

Схожие интеграционные процессы протекали между кочевой тюркской степью в лице прабашкири позднесарматским (аланским, яским) населением, которое в V-X вв. было расселено на огромной территории от Южного Урала и Приаралья до Северного Кавказа и Поднепровья [Ахмеров, 1955. С.172; Бубенок, 1997. С.45 – 54]. Аланы и ясы (аорсы) в этот период времени вели оседлый или полуоседлый образ, о чем свидетельствуют памятники Салтово-маяцкой, Джетысарской, Турбаслинской археологических культур. Чтобы обрисовать общую схему формирования башкирской народности в результате симбиоза прабашкир и поздних сарматов, необходимо рассмотреть известия китайской, арабской и персидской историко-географических традиций.

В научной литературе утвердилось мнение, что башкиры (по нашему мнению, прабашкиры) впервые упомянуты в китайских хрониках «Суй шу» и «Бэй ши», составление которых было завершено в середине VII века. В переводе Н.Я. Бичурина соответствующий фрагмент «Бэй ши» звучит так: «На востоке Фусэна (Византия – С.Х.) обитают эньцзюй (онгар), алань (алан), бэйжу (башкирцы), цзюлифу (кутригур), вахунь (овархун), которые имеют более 20 тысяч воинов» [Материалы, 2011.С.102]. Прабашкиры упомянуты в разделе племен телэ, которые, по удачному отождествлению С.Г. Кляшторного, соответствуют огузам [Кляшторный, 2005.С.60]. Судя по перечислению с запада на восток, они находились к востоку от алан, которые в описываемый период расселялись между Северным Кавказом и

Приаральем (Хорезм и низовья Сырдарьи). После распада Западно-Тюркского каганата в начале VIII века огузские племена обрели независимость и многие из них образовали собственные политические объединения, в том числе прабашкиры. Вероятно, именно к тому периоду, когда Хазарский каганат достиг пика своего могущества, относится сообщение персидского автора XI века 'Абд ал-Хаййа Гардизи о башкирском правителе, который являлся вассалом хазарского кагана [Бартольд, 1973.С. 46]. Распространив свою власть на территорию Южного Урала, политическое объединение прабашкир включило в свой состав стационарные поселения.

Описывая кочевую группировку «четырех племен тюрков», ал-Мас'уди сообщал: «Первый их род именуется яджни. За ним следует второе племя, именуемое баджгурд. За ним следует племя, именуемое баджнак, и оно – самое сильное среди этих племен. За ним следует последнее племя, именуемое наукерда. Их цари – кочевники» [Maçoudî, 1863.Р.58]. Как видим, у каждого из перечисленных племен был свой «царь» (малик), но все они являлись кочевниками. Кстати, это единственное описание, в котором башкиры прямо названы кочевниками, и оно относится к концу IX – началу X века, когда произошло массовое переселение печенегов, башкир (прабашкир), наукерда и яджни (баджна) в Причерноморье. Причиной, побудившей названные племена двинуться на запад, была война и «набеги между ними и между ал-Гузийа, ал-Харлухийа и ал-Кимакийа на озере Джурджанийа, в которое впадают река Джейхун и река Шаша и Ферганы...» [Masûdî, 1894.Р.181]. Таким образом, поражение, понесенное от огузов, карлуков и кимаков, вынудило печенегов и прабашкир пробиваться с боями на запад. Опустошив хазарские провинции, они захватили Причерноморье, изгнав оттуда венгров.

Известия ал-Мас'уди говорят в пользу таборной (завоевательной) формы кочевания у названных племен. В связи с этим находит свое объяснение замечание, высказанное в свое время Р.Г. Кузеевым о том, что «поиски прабашкир, ядра – обречены на неудачу» [Антонов, 2013 (а). С.333]. Как известно, при первой (таборной) стадии кочевания, когда завоеванная территория еще считается не вполне своей, кочевники хоронили умерших в скрытых (затопанных конями, заложенных дерном и даже затопленных рекой) могилах. Лишь в конце второй (полукочевой) стадии кочевания начинают появляться курганы, оградки и другие сооружения, поскольку с освоением новых земель у кочевников «появляется реальная возможность охранять своих умерших родичей» [Плетнева, 1982.С.17]. Не случайно остатки зимников и могильников VII в. праболгарских племен не обнаружены до сих пор. Это, вероятно, касается и прабашкир.

Факт откочевки прабашир в Причерноморье нашел отражение в сочинении арабоязычного географа X в. ал-Истахри: «Басджирт [состоят] из двух групп. Одна группа в конце [пределов страны] ал-Гузийя позади болгар (...). Другая часть басджирт граничит с печенегами. Они и печенеги – тюрки, граничащие с ар-Румом» [Istakhrí, 1927.P.225]. Причем, на запад ушла едва ли не основная часть народа. Напав на византийский город Валандар, «четыре племени тюрков» выставили большое войско: «Они пришли к нему в числе примерно 60 тысяч всадников, и это далеко не полное число людей, которое они могут собрать. Если бы они сделали это, то было бы около 100 тысяч всадников» [Maçoudi, 1863.P.60]. С учетом невоенного населения общая численность кочевой конфедерации должна была составлять несколько сот тысяч человек. Какова была среди них доля прабашир, неизвестно, но в любом случае довольно значительной.

Откочевка огромной массы прабашир на запад не привела к исчезновению их политического объединения на Южном Урале, в котором резко сократился тюркский (прабаширский) компонент и увеличилась доля иных этнических элементов – иранского (сармато-аланского) и финно-угорского. Ал-Истахри описывает одну из групп башкир, живших у границ Волжской Болгарии, как лесных жителей, т.е. представителей отличного от кочевников хозяйственно-культурного типа: «Говорят, что их число около двух тысяч человек, недоступных [для посягательств когонибудь] в лесах. Над ними никто не властен, хотя они подчиняются болгарам». О носителях кочевой (полукочевой) традиции в 921 году упоминал секретарь багдадского посольства Ахмед ибн Фадлан [Ковалевский, 1956.C.130, 190]. Примечательно, что, несмотря на разноплеменность, население Южного Урала носило единый этноним, что свидетельствует о далеко зашедших процессах интеграции в единую башкирскую народность.

О наличии в Башкирии урбанистического уклада сообщал арабский географ XII в. ал-Идриси. Среди обитателей города Карукия были как оседлые жители, так и кочевники, которых затронул процесс седентаризации: «Карукия – город красивый, строения которого из дерева, а шатры из войлока. На него часто нападают болгары, до которых шестнадцать переходов пути. И война между ними идет с незапамятных времен». В этническом отношении большинство жителей населенных пунктов, вероятно, были потомками сармато-алан. Например, жители Нимджана занимались добычей меди в рудниках горы Арджика, а также торговлей соленой осетриной и пушниной в столице Хазарии, Хорезме, Шаше, Дейлеме и других провинциях Багдадского халифата. Ал-Идриси привел примечательную деталь: «И из этого города также вывозят шкуры лисы и шкуры животного, называемого ал-бабр (الببر)» [Idrisi, 2010.C.922-924]. По-арабски ал-бабр значит «тигр», поэтому И.

Г.Коновалова поспешила заявить, что речь идет не о тиграх, а об арабской передаче русского слова «бобер» [Коновалова, 2006.С.252]. Однако, перед нами, скорее всего, не русское, а древнеиранское слово *bawra* (англ. beaver, нем. biber) с тем же значением. Таким образом, можно заключить, что иранская речь бытовала на Южном Урале еще в VIII-X веках.

Что касается прабашир, то, по всей вероятности, их удельный вес среди прочих компонентов формирующейся башкирской народности был весьма незначительным, однако из их числа должны были происходить правящая династия и знать. Персидский историк XIV в. Рашид ад-Дин в записанном им варианте «Огуз-наме» привел интересные подробности войны между огузами и прабаширами, имевшей место в конце IX века: «Сначала достигали высокой крепости под названием Олуб-Гуз (*اولوب غوز*)(...).Тогда Огуз взял в плен их падишаха по имени Карашит. После этого [страны] Курал и Башгурд стали илем и согласились платить дань» [Rashidal-Din, 1384. P. 10-11, 62].Со сведениями Рашид ад-Дина в какой-то степени перекликаются известия ал-Идриси о том, что городом Нимджан владеет «человек из числа тюрок»: «Управление [городом] переходит от отца к сыну, а затем к сыну сына...».

Свидетельством перехода кочевого населения Башкирии ко второй и, возможно, третьей стадии кочевания может служить особенность родовой структуры башкир, которая формировалась путем агглютинации, т.е. механического добавления. Она «консервировала» названия всех этнических компонентов, входивших в разное время в состав башкирскойполитии, и выстраивала их в один таксономический ряд. Наиболее ранними из них являются этнические группы Бурзян (Алан-Бурджан), Юрматы, Юрми, Канглы и др. Согласно письменным источникам, потомками сармато-алан являются бурзяне [Хамидуллин, 2013]. Данные нарративов подтвердили палеогенетические исследования: для них, как и для носителей Ямной культуры, характера гаплогруппа **R1b-Z2103**[История башкирских родов, 2018.С.385-392].

В отличие от полукочевых и полuosедлых обществ у кочевников таборной стадии кочевания родоvая структура очень подвижна и изменчива. В клановой борьбе за лучшие пастбища выдвигались энергичные и удачливые предводители, чьи имена становились названиями новых объединений, а старые этнические название опускались в нижние ряды таксономической иерархии. Поэтому у полукочевых, полuosедлых и оседлых обществ, в которых каждый клан имел строго очерченную территорию, родоvая структураоставалась неподвижной, а если изменялась в сторону расширения, то агглютинативным способом. В этой особенности заключенообъяснение древности башкирского вотчинного права (‘асабийя).

Стационарные поселения городского типа на территории Башкирии, возможно, существовали и в золотоордынское время. Персидский историк XIV века Хамдуллах Казвини в своем географическом трактате «Нузхат ал-кулуб» («Услада сердец») сообщал: «М.кс и Башкурд – два больших города в седьмом климате. [Там] степи и местности, в которых имеется множество подданных» (مکس و باشقرد دو شهر بزرگ باقليم حفتم و صحاری و مواضع) (بسیار از توابع انجا است [HamdAllahQazvini, 1641.P.513; Хамидуллин, 2014.С.30].

В XVIII веке во время строительства в устье реки Орь крепости Оренбург (ныне г. Орск) были обнаружены остатки древних сооружений. Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов оставил загадочную запись: «...найдено старинное нагайское или прежде их бывших катаясцов жилище – земляного городка валик в том месте, где первая крепость зделана, и знатно бывало строение каменное, ибо кирпичи и образцы ценинные, также ломанная стеклянная и глиненная посуда является...» [Материалы по истории Башкортостана, 2002.С.84]. Еще более интригующую запись оставил в своем путевом дневнике участник Оренбургской экспедиции Джон Кэстль: «Весь день 16 июня я передвигался без капельки воды, пока не очутился снова на берегу реки Орь, которую опять переплыл на своей лошади. Слева на востоке остался старый монгольский город Рудера (Rudera), о котором очень много говорят» [Кэстль, 1998.С.16].

На каком основании обнаруженное городище было соотнесено с некими «катаясцами» или неизвестным «монгольским городом Рудера», неизвестно. Также неизвестна причина упадка урбанистического уклада средневековой Башкирии. Возможно, это было связано с упрощением социального устройства башкирского общества, в котором из-за давления внешних факторов шел процесс разложения протогосударственных (иерархических) структур и укрепления горизонтальной клановой организации, как это имело место в Аравии VI-VII вв. [Коротаев, Клименко, Пруссаков, 2007.С.11]. Под 1320 г. католический миссионер Иоганка Венгр, прибывший в Башкирию в поисках прародины венгров, упоминал «государя всей Баскардии», который был «заражен сарацинским заблуждением» [Аннинский, 1940.С.92]. Однако, в последующем о правителях Башкирии никаких известий. Кстати сказать, в XIV-XV вв. вся городская жизнь Золотой Орды также приходит в упадок.

Список источников и литературы

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Вып. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С.71 – 112.

Антонов И.В. Об аланском компоненте в этногенезе башкир // Проблемы истории, филологии, культуры. №1 (13). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2013. С.330 – 339.

Ахмеров Р.Б. Могильник близ г. Стерлитамака // Советская археология. XXII. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.151 – 176.

Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1892-1894 гг.» // Бартольд В. В. Сочинения. Т.VIII. М.: Наука, 1973. 723 с.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. 224 с.

Егоров Е.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / Отв. ред. В.И.Буганов. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

История башкирских родов. Бурзян. Том 31. Ч. I. / С. И. Хамидуллин, Б. А. Азнабаев, И. Р. Саитбатталов, И. З. Султанмуратов, Р. Р. Шайхеев, Р. Р. Асылгужин, С. У. Таймасов, В. Г. Волков, А. А. Каримов, А. М. Зайнуллин. Уфа: НОЦ «История башкирского народа» ИИГУ БашГУ, 2018. 943 с.

Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. 345 с.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М: Восточная литература, 2006. 328 с.

Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама (Социально-экологический и политико-антропологический контекст). Серия «Цивилизационное измерение». Т. 7. М.: ОГИ, 2007. 110 с.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого (Регистр). Алматы: Жибекжолы, 1998.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: «Китап», 1994. 360 с.

Материалы по истории Башкортостана. Т.VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. / Автор-составитель Н. Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. 768 с.

Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. Вып. I. Сост. и отв. ред. Ж.М. Тулибаева. Астана: Изд-во ГУ Национального центра археологии и источниковедения, 2011. 276 с.

Иванов В.А., Сиротин С.В. Южный Урал в освещении античной и средневековой историко-географических традиций // В центре Евразии. Сб-к научн. Трудов. Вып. II. Стерлитамак, 2003. С.59-85.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья (Поиски исторических закономерностей). М.: «Наука», 1982. 187 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд-3-е., доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Хамидуллин С.И. Прабашкиры // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию С.Н.Шитовой). Уфа, 2006. С. 74 – 78.

Хамидуллин С.И. Бурджаны в истории Евразии. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. 224 с.

Хамидуллин С.И. К вопросу о названии средневековой Уфы // Панорама Евразии. 2014. №1 (12). С.28-32.

The Geographical Part of the Nuzhat-al-qulub, composed by Hamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340). Translated by G. Le Strange. Leyden. E.J. Brill, 1919. 322 p.

Idrisi. Nuzhat al-mushtaq fi-ikhtiraq al-afaaq. Vol. II. Cairo: Maktaba al-thaqafa al-denia, 2010. 526 с.

Istakhrī. Viae Regnorum. Descriptio conditionis moslemicae auctore Abu Ishāq al-Fārisī al-Istakhrī. Ed. M. J. de Goeje. Ed. 2. // Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars I. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1927. 348 p.

Maçoudi. Les praires d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. T. II. Paris, 1863. 467 p.

Masûdî. Kitâb at-tanbîhwa'l-ishrâf. Ed. M.J. de Goeje // Bibliotheca geographorum arabicorum. Pars VIII. Leiden, 1894. 508 p.

Hamd Allah Qazvini. Kitab Nuzhat al-qulub, 1641 (نزهة القلوب كتاب) // The University of Michigan, Ann Arbor. Islamic Manuscripts, № 274.

Rashid al-Din Fazl Allah Hamadani. Jami' al-tawarikh (History of Ughuz). Tehran: Markaz-i nashr-i mirath-i maktub, 1384 (2005-2006). 205 p.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Б.А. Азнабаев

Уфа, Россия

Предпосылки создания «Общества по изучению Башкирии» в 1922 г.¹⁶

B.A. Aznabaev

Ufa, Russia

Prerequisites for the creation of the «Society for the Study of Bashkiria» in 1922

The heyday of local history movement in Soviet Russia in the 20 s. XX century should be considered in the context of state measures to introduce a new economic policy. By initiating the revival of local history societies, the proletarian state sought to expand its social base by attracting a wide section of the provincial Zemstvo intelligentsia, who was not previously inclined to cooperate directly with local councils. Being public organizations, local history structures represented the most convenient form of social contract for the Soviet government between new and old local governments in the study of the economic potential of the regions. By creating on-site public research structures, the Soviet government actually recognized its inability to organize on its own the most important thing for the state — the study of the natural economic and social potential of the province. Before the revolution, Zemstvo organizations coped with similar tasks. From the very beginning of the creation of local lore societies, the authorities restricted local lore research involving historical and political issues. Up to a certain stage only ethnographic investigations were allowed. It was assumed that ethnography is not a political science. However, in the late 20s. The accusations of ethnographers and folklorists in bourgeois nationalism and the desire to preserve the pre-revolutionary forms of culture and life begin. Thus, the phenomenon of Soviet local history of the 20s. should be considered in the discourse of the history of the introduction and subsequent collapse of the New Economic Policy. Local lore societies, the creation of which was initiated by the Soviet state to revive the pre-revolutionary experience of studying the economic potential of the regions, were doomed just like all the activities of the NEP epoch.

Keywords.local history movement, Bashkiria, Zemstvo, ethnographic investigations, new economic policy.

Фактическая история создания «Общества по изучению Башкирии» изложена в исследовании К.К. Каримова[Каримов, 1986.С. 156.].Историк установил, что первоначально эта общественная структура называлась

¹⁶ Статья написана при содействии гранта РФФИ 18-411-020025.

«Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии». Общество было создано в феврале 1922 г. в Стерлитамаке постановлением ЦИК АСРБ. Изначально общественная структура была сформирована при народном комиссариате просвещения. В сентябре 1922 г. общество было объединено с «Обществом по изучению Южного Урала» и переименовано в «Общество по изучению Башкирии». С осени 1922 г. руководство общества переводиться в Уфу.

Обратим внимание на то, что в 20-е гг. создание аналогичных краеведческих обществ в Советской России происходит повсеместно, независимо от национальной или исторической специфики каждого конкретного региона. Впрочем, в каждом конкретном случае наблюдается некоторое своеобразие организационных форм, как правило, обусловленное дореволюционным прошлым. К примеру, общество по изучению вотской культуры было создано не в Удмуртии, а в Москве, так как до революции в крае отсутствовали достаточные силы национальной интеллигенции. По этой причине общество организовали удмурты, проходившие обучение в московских вузах осенью 1922 г. [Куликов, 1993. С. 156–157.]. Общество татароведения возникает в 1923 г. на основе общества востоковедения, которое существовало с 1922 г. при Восточной академии. Академия вскоре вошла в состав Восточного педагогического института, и наиболее активная часть членов-организаторов этого общества во главе с профессором Н.Н. Фирсовым совместно с представителями Академцентра Татнаркомпроса и Всероссийской научной ассоциации востоковедения создали научное Общество татароведения. Первое заседание Общества прошло 30 мая 1923 года. В 1923-27 гг. Общество татароведения состояло при Академцентре Татнаркомпроса. [Абдрашитова, 2006. С. 45.]. Общество изучения Коми края (ОИКК) было учреждено 16 мая 1922 г. в Усть-Сысольске преподавателями Института народного образования, сотрудниками Областного отдела народного образования [Жеребцов, 2001. С. 384.]. Научно-исследовательское общество «Саха кэскилэ» («Будущее якутов») было создано в 1925 г. в качестве филиала общества по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. Основной задачей общества являлось содействие работам Якутской экспедиции Академии наук СССР (1925-1930 гг.) [Лейтнекер, 1925. С. 107].

Как отмечает С.О. Шмитт, в 20-е гг. XX в. краеведение переживало расцвет, несравнимый с каким-то другим временем. Этот период «можно назвать «золотым десятилетием» развития нашего краеведения – его признавали тогда «массовым научно-культурным достижением»», оно «было возведено в ранг государственной политики» [Шмитт, 1989. С. 14.]. Число «организованных» краеведов составляло около 68 тысяч человек [Шмитт, 1989. С. 15]. Руководящим органом российских краеведов было

Центральное бюро краеведения, сначала при Российской Академии наук, а затем при Главнауке Наркомпроса РСФСР [Ермолин, 2015.С. 101.]. После II Всероссийской конференции по краеведению, проведенной в декабре 1924 г., ЦБК отделилось от Академии наук и превратилось в самостоятельный орган, находившийся в ведении Главнауки Наркомпроса. С 1924 г. в Главнауке начались разговоры о том, что центр краеведения должен быть один — расположенный в Москве, однако эти планы еще долго оставались нереализованными. В 1930 г. ЦБК координировало деятельность более чем 2,3 тысяч краеведческих организаций и экскурсионных станций, под его руководством проходили Всероссийские краеведческие конференции и конкурсы, разрабатывались образовательные программы [Филимонов, 1992.С. 12].

До конца 20-х гг. советское государство в целом относилось к работе краеведческих обществ вполне благожелательно. Краеведческие общества и организации должны были организовывать свою деятельность в соответствии с циркуляром НКВД № 158 от 30 мая 1923 года «О порядке утверждения научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих цели извлечения прибылей», согласно которому они должны были регистрироваться в местных органах Советской власти, а точнее, в Административных отделах исполкомов — что было пока еще относительно мягким вариантом контроля по сравнению с положением других общественных организаций [Козлов, 2013.С.62].

Чем было обусловлен подобный интерес молодого советского государства к общественному движению краеведов? Следует обратить внимание на совпадение хронологических рамок Новой экономической политики и краеведческого движения. Очевидно, что два этих явления были вызваны к жизни одними процессами. Как отмечает В.С. Измозик, в ходе гражданской войны и проведения политики военного коммунизма революционная власть потеряла значительную часть своей социальной опоры, и для дальнейшего ее удержания ей потребовалась поддержка значительной части общества [Измозик, 2001.С. 84]. Обращение советской власти к широкому слою провинциальной земской интеллигенции с целью привлечения ее к исследованию хозяйственно-экономического потенциала регионов являлось одной из форм социального контракта, характерного для России периода НЭП.

Создавая на местах общественные исследовательские структуры, советская власть фактически признавалась в неспособности организовать собственными силами важнейшее для государства дело — изучение природного экономического и социального потенциала провинции. До революции с аналогичными задачами справлялись земские организации. Неслучайно, что В.И. Ленин считал земскую статистику великолепным источником для исследования хозяйства России [Ленин, 1973.С. 276.]. В

своих воспоминаниях один из виднейших деятелей краеведческого движения 20-х гг. Н.П. Анцифиров отмечает, что дореволюционные краеведческие общества существовали во многом благодаря поддержке местных земств [Анцифиров, 1992.С. 346.].

Однако иницируя возрождение краеведческих обществ, молодое государство стремилась возобновить только те направления деятельности земств, которые невозможно было в данных условиях возложить на местные советы. Проблема заключалась не только в том, что имеющиеся в регионах квалифицированные кадры ученых в большинстве своем не склонны были сотрудничать с органами власти. Сами местные советы не имели организационных форм, которые могли бы направить исследовательскую работу ученых-краеведов. Создание краеведческих структур в виде общественных организаций устраивало всех. Власти получили возможность на договорных коммерческих условиях направлять исследовательскую деятельность, в общем-то, чуждых для них представителей дореволюционной интеллигенции, а сами ученые-краеведы получили организационные формы, формально независимые от государства.

Следует отметить и еще одно обстоятельство. У дореволюционного земского краеведения имелся огромный методический опыт проведения экспедиционных хозяйственных обследований. В изучении экономического потенциала территорий земские обследования по своему качеству превзошли государственные разыскания. Министр финансов, председатель Комитета министров (1886–1895) Н.Х. Бунге писал о земской статистике: «Если бы побольше было таких материалов, может быть, легче было бы управлять Россией» [Итоги экономического исследования России по данным земской статистики, 1892.С. 208]. В 1893 г. поручив земствам все оценочное дело в России, царское правительство фактически признало неспособность официальной статистики провести качественные кадастровые исследования.

О том, что краеведческие общества были призваны возродить лучшие традиции земских исследований, говорят и их первые программные публикации. В первом номере «Башкирского краеведческого сборника» был опубликован доклад выдающегося ученого биогеографа Александра Куприяновича Носкова «Задачи краеведения (К вопросу о научном изучении Башкирии)» [Носков, 1926.С. 6–16.]. Автор доклада неоднократно указал на то, что наиболее ценные исследования по изучению Башкирии проводились под руководством Уфимского губернского земства. После него, пишет Носков, остался огромный материал по климатологии, по описанию сельскохозяйственных угодий, проектов проведения железных дорог, кустарных промыслов, добывающей промышленности, статистики медицинской, школьной и т.д. Мимо этих

работ не может пройти не один краевед [Носков, 1926.С. 11]. Носков неоднократно цитирует «План Уфимского губернского земства по организации опытного хозяйства», принятый на 38 губернском собрании 1912 г. Ученый указывает, что методология и основные направления исследовательской работы Уфимского земства не потеряли своей актуальности и в условиях советской власти. По-существу, ученый призывает подчинить краеведческую работу целям хозяйственно-экономического развития региона, что до революции являлось одной из главных задач земских организаций.

Вместе с тем, в руководстве краеведческим движением в 20-е гг. было представлено и другое направление, последователи которого были убеждены в том, что краеведы не должны сводить свою деятельность к изучению только экономического потенциала региона. Один из руководителей ленинградского краеведения Н.П. Анцифиров вспоминал: «Мы ведь так верили в нужность своего дела, в его патриотический смысл, так любили наше дело! Мы боролись с московским ЦКБ, которое стремилось свести краеведение с его широкими задачами лишь к «производственному краеведению», исключаящему из своей программы изучение прошлого края. Мы, ленинградцы, выдвигали тезис: край нужно изучать не краешком, а целокупно» [Анцифиров, 1992.С. 354.]. Однако стремление некоторых руководителей краеведческих структур распространить исследования на историю натолкнулись на жесткую позицию советских властей. Новая экономическая политика не предполагала никакого отступления в идеологической сфере. Любые исторические исследования, пусть даже краеведческого характера, квалифицировались властями как средство политической пропаганды. До определенного времени краеведам было разрешено проводить этнографические исследования, поскольку этнография считалась дисциплиной, изучающей народы, не достигших в своем развитии уровня государственных образований. Тем не менее, именно этнографы стали одними из главных жертв репрессий, обрушившихся на краеведческие общества в конце 20-гг.

Поводя итог, следует отметить, что расцвет краеведения в 20-е гг. следует рассматривать в дискурсе истории введения и последующего свертывания Новой экономической политики. Краеведческие общества, создание которых было инициировано советским государством для возрождения дореволюционного опыта исследования экономического потенциала регионов, были обречены так же, как и все мероприятия эпохи НЭП.

Список источников и литературы

Аницифиров Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., Феникс, Культурная инициатива, 1992. 512 с.

Абдрашитова И.М. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923-1930 гг.)//Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 5. 2006. С. 45–56.

Ермолин Е.А. Русское историческое краеведение как инстанция культурной памяти: история и миф // Ярославский педагогический вестник. № 2. Т. I (Культурология). 2015. С. 98–108.

Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края // Атлас Республики Коми. М., Дизайн. Информация. Картография, 2001. 552 с.

Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., Тип. А.И.Мамонтова и К°. Т. I. 1892. 600 с.

Измозик В.С. Советская власть глазами советского обывателя//Родина. № 9.2001. С. 81 – 87.

Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. № 9. 2013. С. 53–84.

Каримов К.К. Наука Башкирии в строительстве социализма. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1986. 156 с.

Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917—1937 гг. Ижевск, РАН, УрО, Удмурт.ин-т истории, яз. и лит. 1993. 277 с.

Лейтнекер Е. Научно-исследовательское общество «Саха кэскилэ». (Якутское отделение общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока) // Северная Азия. Кн. 4.1925. С. 107-108.

Ленин В.И. К вопросу о задачах земской статистики// Полное собрание сочинений. Т. 24. Второе издание. М., Издательство политической литературы, 1973. 568 с.

Носков А.К. Задачи краеведения (К вопросу о научном изучении Башкирии). Материалы общества по изучению Башкирии. Под ред. Ш.Х. Сюнчелея. Башкирский краеведческий сборник. № 1. 1926. С. 6–16.

Филимонов С.Б. Историческое краеведение в России и документальные памятники (1917—1929 гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.09. М., 1992. 21 с.

Шмидт С.О. «Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено» // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. № 1 (19). 1989. С.7–22.

А.С. АХЬЮЛОВ
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия
**Деятельность губернатора В.А. Перовского по исследованию
Оренбургского края**

A.S. Akhulov
Bashkir state University
Ufa, Russia
Activities of the Governor of the Orenburg region on research

Annotation. The article refers to the activities of the Governor V. Perovsky on the organization of the scientific study of the Orenburg region in the first half of the XIX century. The author notes the wide involvement of well-known scientists and researchers in the study of The region. Pays attention to the activities of the writer, V. I. dal, orientalist P. I. Gamezona. Refers to scientific work in the region E. A. Eversman, A. I. Lehmann, etc. Are materials on the history of writing «History of the Pugachev rebellion» Pushkin, connected with the Orenburg region. There is an active activity of V. Perovsky on the development of education in the region and training of qualified specialists.

The author comes to the conclusion that the Orenburg military Governor V. Perovsky in his activity attached great importance to the scientific study of the region. For this purpose, the Governor invited famous scientists and researchers to work. Scientific works were published, expeditions were organized. Great research value are the records of the Governor himself, in the drafting of which was attended by V. I. Dahl, Y. V. hanykov etc. V. A. perovskii was not limited to the invitation of experts. He paid much attention to training. For this purpose, new educational institutions were opened, talented young people were sent to the leading educational institutions of the country.

Keyword: governor, Orenburg region, Bashkiria, study, research, writer, scientist, history, official, report

Среди оренбургских губернаторов особо выделяется человек неординарной судьбы и энергии Василий Алексеевич Перовский (1795-1857). Регионом В. Перовский управлял дважды: в первый раз с 1833 по 1842 года он являлся военным губернатором Оренбургского края, во второй раз с 1851 по 1857 года он пребывал в крае в качестве Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. К своим важнейшим задачам В.А. Перовский относил всестороннее естественно-научное изучение Оренбургского края.

Многие историки время Перовского называют «золотым веком Оренбургского края» [Семенов,1999.С.201]. За годы правления

В.А. Перовского изменения произошли во всем и коснулись всех жителей Оренбургского края. Отмечая это, П.Л. Юдин писал: «Обширный ум его хотел объять все, и он жил только одной мечтой, как бы лучше устроить любимый им край, чтобы он был образцовым в России» [Юдин, 1896. С. 535].

Большое значение в деятельности Перовского, конечно, сыграло то, что Перовский сам был одним из образованнейших людей России. Он знал множество иностранных языков, любил поэзию, музыку. При нем было открыто второе приходское училище, в губернской канцелярии возникла богатая библиотека. Современников Перовского, прибывающих из столицы в Оренбург, поражал высокий интеллектуальный уровень его окружения, оренбургского высшего общества. Будучи образованным человеком своего времени, Перовский покровительствовал ученым и литераторам. Многие писатели и ученые работали вместе с Перовским.

В 1833-1841 гг., находясь в должности чиновника особых поручений при военном губернаторе работал В.И. Даль – писатель, лексикограф, этнограф и ученый-естествоиспытатель. Именно в годы работы в Оренбуржье окончательно определились основные направления литературной и научной деятельности Даля. Вместе с Перовским работал крупный востоковед П.И. Демезон, который исследовал и опубликовал рукопись сочинения хивинского историка XVII в. Абул-Гази Бахадурхана «Родословная тюрков» [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания, 1999. С. 139].

По поручению В.А. Перовского В.И. Даль перевел с немецкого языка на русский «Естественную историю Оренбургского края» Э.А. Эверсмана [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания, 1999. С. 140]. Русский перевод Даля был по распоряжению Перовского напечатан в 1840 году в Оренбурге, в типографии штаба отдельного Оренбургского корпуса в количестве 1320 экземпляров. [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания, 1999. С. 139]. Вторая и третья части изданы в Казани в 1850 и 1866 гг. Впервые книга переиздана в Оренбурге в 2001 году.

Также, в 1836 году по инициативе военного губернатора был опубликован первый в крае «Адрес-календарь Оренбургского Отдельного корпуса, Оренбургской губернии и управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений». Здесь представлены сведения о губернских и уездных учреждениях, о регулярных и казачьих войсках. В сборнике помещены сведения о населении, экономике и торговле в губернии.

К своим задачам В.А. Перовский в период губернаторства в крае относил всестороннее естественнонаучное изучение Оренбургского края и соседнего азиатского региона. Прибыв в Оренбург, Перовский встретил

немало единомышленников, которые увлеченно исследовали Южный Урал и зауральские степи. Крупными знатоками края в то время были путешественник Г.С. Карелин, картографы А.А. Жемчужников и Н.В. Балкашин, ориенталисты П.И. Демезон и М.И. Иванов, ссыльные поляки Н. Виткевич и Т. Зан. Все эти исследователи в новом губернаторе нашли деятельного покровителя. Труды исследователей, «были одобрены, расширены и сверх того либо непосредственно призваны еще новые деятели, либо оказано возможное пособие тем, которые приезжали по собственному побуждению» [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания, 1999. С.158] В Оренбурге при Перовском работали, пользуясь его поддержкой, такие известные ученые как В.И. Даль, Э.А. Эверсман (известный зоолог и биолог, путешественник), Г.С. Карелин, Г.П. Гильмерсон, Э.К. Гарман, А.А. Леман, Е.П. Ковалевский и др.

Известный ученый-натуралист А.И. Леман по приглашению В.А. Перовского в апреле 1839 года прибыл в Оренбург. Он в 1837 г. участвовал в Северной экспедиции академика К.М. Бэра, впервые посетившей Новую землю. В Башкирии А.И. Леман изучал растительный и животный мир. Принял участие в Хивинской экспедиции. Ученый, как и многие исследователи, собирал минералогические, ботанические коллекции, которые позже разместились в музее Оренбурга. Инициатором создания этого (второго) музея был В.А. Перовский. Он находился в здании Благородного собрания.

В отчете за 1833-1842 годы, обобщая результаты исследований «по части естественных богатств», Перовский мог выразить законное удовлетворение [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания, 1999. С. 159]. Прежде всего он останавливается на успехах картографии: «Для приведения в известность естественных богатств сделаны глазомерная съемка, доставившая довольно верную карту всего края; составлены хозяйственные карты оренбургских и казачьих земель; учреждены метеорологические наблюдения в Оренбурге, Уфе и Уральске». Далее губернатор пишет: «Поручено профессору профессору Казанского университета Эверсману составить естественно-историческое описание края, первые две части которого им уже и окончены; сверх того для подробнейших геогностических исследований командированы были знающий горный офицер и кандидат Дерптского университета Леман, а для описания южной части башкирских лесов Генерального Штаба поручик Рейхенберг; приступлено к собиранию предметов по части естественной истории и устроено особое помещение для хранения коллекций [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания, 1999. С. 159].

Особые страницы биографии В.А. Перовского – это его дружба с В.А. Жуковским и встречи с А.С. Пушкиным. По мнению пушкинистов, Пушкин был с Перовским в приятельских отношениях. По-видимому, А.С. Пушкин познакомился с В.А. Перовским в послелицейский период (1817-1818) через В.А. Жуковского, который был не только воспитателем Василия, но и его другом [История Оренбуржья,1996. С.93].

В 1833 году Пушкин приехал в Оренбург для сбора материала для своего «Истории Пугачевского бунта». Василий Алексеевич оказывал Александру Сергеевичу самое широкое содействие в собирании материалов для предполагаемой «Истории Пугачевского бунта». Я.Хамматов пишет, что Перовский так увлекся Пушкиным, что отдал ему из своей канцелярии все дела о Пугачеве и вместе с великим поэтом побывал в Бердской слободе, где когда-то находилась ставка Емельяна Пугачева [Хамматов,1992. С. 4, 5].

Во время своего второго губернаторства в Оренбургском крае Василий Алексеевич продолжал те начинания, которые были начаты им еще в 30-е гг. XIX в. Когда в 1856 году Петербургская Академия наук обратилась к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому оказать содействие в отправке научной экспедиции к Аральскому морю, сразу же получила положительный ответ [Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания,1999. С. 292]. Вообще, о снаряжении такой экспедиции Перовский хлопотал давно. Таким образом, и во время второго пребывания в Оренбургском крае Василий Алексеевич, всячески содействовал изучению флоры и фауны, истории и географии не только Оренбургского края, но и казахских степей.

В 1835-1840-х гг. усилиями В.А. Перовского около 300 башкирских юношей были отправлены в Петербург, Москву, Казань, Ижевск и Оренбург для обучения различным ремеслам. Условия учебы, конечно, были очень тяжелыми. Многие из посланных юношей не выдерживали и бежали, 97 человек умерли от различных болезней [Акьюлов,2015. С.51].

Осуществляя эти мероприятия, Перовский, таким образом, реализовал свою программу управления, в которой важное место уделялось развитию образования в крае. В 1836 г. в Оренбурге открылось училище земледелия и лесоводства, а в 1841 г. – фельдшерская школа при военном госпитале.[История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.,1999.С.452] В них будущие смотрители общественных запашек, лесничие, фельдшера и оспопрививатели получали начальное образование и некоторые специальные познания.

С целью подготовки чиновников для Башкирского войска во время губернаторства Перовского было выделено для башкир 20 вакансий в Казанской гимназии и университете, 30 – в Оренбургском кадетском

корпусе, 40 – в фельдшерской школе, 32- в батальоне военных кантонистов, 10 – в Петербургском повивальном институте [НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.10097. Л.10; Д.10855. Л. 1,4-9.].

Расходы на содержание воспитанников выделялись из Оренбургской казенной палаты. Воспитанников на принятие и обучение избирал сам оренбургский военный губернатор.

В это же время в крае возникли и другие культурно-просветительные учреждения. В 1836 г. в Уфе открылась первая в Башкирии публичная библиотека. Чуть позже была создана библиотека при канцелярии оренбургского генерал-губернатора.

Таким образом, оренбургский военный губернатор В.А. Перовский в своей деятельности придавал важное значение научному изучению края. В этих целях губернатором приглашались на работу известные ученые, исследователи. Были опубликованы научные труды, организовывались экспедиции. Большую научно-исследовательскую ценность представляют и отчеты самого губернатора, в составлении которых принимали участие В.И. Даль, Я.В. Ханыков и др. В.А. Перовский не ограничивался лишь приглашением специалистов. Он уделял много внимания и подготовке кадров. В этих целях открывались новые учебные заведения, талантливую молодежь отправляли в ведущие образовательные учреждения страны.

Список источников и литературы

Акьюлов А.С. Губернатор В.А. Перовский (1795-1857) и его роль в истории башкирского народа // Проблемы востоковедения. 2015.№4 (70).С.49-54

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа: Китап, 1999. 520 с.

История Оренбуржья (под ред. Л.И.Футорянского). Оренбург, 1996.
НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.10097. Л.10; Д.10855. Л.1,4-9.

Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 335 с.

Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

Юдин П.Л. Граф Перовский в Оренбургском крае //Русская старина. Кн.5-. Спб., 1896.

Хамматов Я. Генерал-губернатор Перовский //Истоки. №1 за январь 1992 г. С.4-5.

Ж.О. Артыкбаев
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. г. Астана, Республика Казахстан
**Алаша /реку/: сакральный символ истории тюрков (опыт
этимологического анализа)**

ZH.O. Artykbaev
ENU them. L.N. Gumilev. Astana, Republic of Kazakhstan
**Alasha /peku /: sacral symbol of the history of the Turks (the experience of
etymological analysis)**

Материалы по Алаша хану, сохранившиеся как в казахской устной традиции, так и в записях средневековых историков Востока и Запада, являются квинтэссенцией предлагаемой здесь нашей гипотезы этногенеза казахов. Вокруг этой легендарной фигуры в устной традиции казахов создана концептуальная версия древней истории Великой степи. Вместе с тем она же служит цементирующей идеологией традиционного казахского общества конца XIX-начала XX веков, как вероятно в этом качестве она служила для кочевых тюрко-монгольских народов на протяжении многих тысячелетий. Казахская поговорка «*Атамыз – Алаш, керегеміз –ағаш*» /Наш предок –Алаш, наше жилище –юрта/ однозначно свидетельствует о древности этого символа кочевого мира.

Родословная Алаша хана нам в подробностях не известна, полагаем что ее в реальности и не было, поскольку речь идет о нарицательном образе, олицетворяющем древнейшую эпоху ранних коневодов. Казахское шежире предполагает, что Алаша хан сын одного из известных правителей Средней Азии (Абдолла хан, Кызыл Арыстан хан, Абдул-Азиз хан).

Несколько интересных фрагментов легенды об Алаша хане были записаны Ч. Валихановым: «Давно, очень давно, был в Туране государь по имени Абдулла, а по другим Абдул-Азис-хан, у этого государя был прокаженный сын, названный потому Алача – пестрый. Отец его, исполняя древний обычай ... изгнал и сына своего. В то же время многие подданные, недовольные жесткостью Абдуллы и побуждаемые голодом, отправлялись в степи, лежащие на север от р. Сыр, в пески Каракум и Бурсук, и начали казачествовать. Храбрые и удалые батыры усилились до трех сотен и приобрели в скором времени известность, силу и богатство. Проходит несколько лет...степные бродяги-казаки, сделавшиеся уже благоустроенным обществом и в некотором смысле нацией (если слово это можно применить к народности кочевой), в ознаменование своей независимости, отдельности... назвали Алач или по числу сотен – Уч-Алач (три сотня). Так народ Алач сделался народом Алача, а Алача его ханом» [3, с.156-162].

Мудрому старцу Алаш казахи приписывают большое количество своих народных традиций, связанных с правилами человеколюбия и благотворительности. К этому разряду относится и обычай «конак асы», который предполагает бесплатное угощение, приют и ночлег не только званному гостю, но всякому путнику–казаху. Этот обычай был настолько обязателен в традиционном обществе, что отказ в оном наказывался айыпом (штраф) «ат-тон».

Вариант Г.Н. Потанина начинается с изложения того, что Хан-отец жил около города Туркестана, во времена, когда еще был жив Котан, родоначальник казахского народа. Родоначальником в разных сказаниях называются имена Алача, Котана и др. старцев: *«У хана не было детей от первой жены, и поэтому он взял вторую жену, девушку, которую где-то завоевал. От нее родился сын, но только пестрый. Первая жена стала завидовать и злиться. Ей удалось настроить хана против сына. Она стала говорить, что такой пестрый наследник может внести раскол в народ, и потому не будут жить в мире, не будут иметь между собою согласия. Хан согласился с доводами жены, – посадил сына в сундук, и пустил сундук в море. На другом берегу моря этот сундук с ханским сыном нашел один нищий. Он взял мальчика и воспитал. Мальчик вырос богатырем и силачем.*

Хан, его отец, узнал об этом, и захотелось ему повидать сына. Он послал за ним старшего сына Котана по имени Уйсун с сотней молодых. А они остались около ханского сына. Затем хан послал среднего сына Булата, им также понравилась привольная жизнь. И, наконец, хан послал младшего сына родоначальника Котана Алишына. Через некоторое время они решили выбрать хана, и так как пестрый богатырь, их предводитель, был ханский сын, то они решили выбрать его. Они взяли алачу, широкий полосатый тканый половик, и подняли на нем пестрого ханского сына и провозгласили его ханом. После того он стал называться Алаша-хан. От Уйсина и его молодых пошло поколение Улу жуз, т.е. старшая сотня, от Булата и его молодых пошло поколение – Орта жуз, т.е. средняя сотня, а от Алчина и его сотни молодых пошло поколение Киши жуз, т.е. меньшая сотня» [11, т.3,с.309-310].

Вышеизложенные материалы находят свое подтверждение у такого знатока шежире как Курбангали Халид. В его видении Алаша хан первый казахский хан, т.е. *«Алаша хан жалпы хандардың бабасы, татар мен моңғолдың атасы»*. В подтверждение своих выводов К.Халид приводит материалы исторического фольклора казахов [16, с. 55].

Сравнивая многочисленные образцы легенд об Алаша хане, мы находим наиболее полным вариант М.Ж. Копеева. Этот вариант шежире представляет раннюю биографию Алаша хана как царственного изгнанника, не признанного своим родным отцом и обреченного вести

бродячий образ жизни. Тогда же определяется место его обитания – правобережье Сырдарьи, предгорья Алатау и Каратау. Первоначальная отличительная черта принца его пегость, он весь родился в пятнах. В традициях сильной персонификации истории связывает начало казахского этноса с Алаша ханом. Он олицетворяет государственное начало в самосознании казахского общества [8, т.8, с.3-30].

Наиболее древнее упоминание, известное нам из письменных источников, принадлежит перу Рашид-ад-дина (сер XIV века): «...тюрки называли и продолжают называть Яфета Булджа-ханом (Абулджа ханом) и достоверно не знают, был ли этот Булджа хан (Абулджа хан) сыном Ноя или его внуком; но все они сходятся на том, что он был из его рода и близок к нему по времени. Все монголы, племена тюрков и все кочевники (буквально: обитатели степей) происходят от его рода. Подробности этого обстоятельства они передают в следующем виде.

Булджа хан (Абулджа хан) был кочевник; его летовка была в Ортаке и Казтаке, которые представляют собою чрезвычайно большие и высокие горы, в тех пределах находился город по имени Инандж. Зимнее стойбище Булджа-хана (Абулджа) было также в этих пределах, в местностях, называемых Бурсун (Бурсук – Ж.А.), Какьян и Каркорум (Каракум – Ж. А.) называют также его и Каракорум. Поблизости этих мест находятся города Талас и Кары–Сайрам...» [13, с. 80-81].

Генеалогический свод Абулгазы хана существенно дополняет Рашид-ад-дина, хотя он также как и свой предшественник изложение истории тюрков начинает с библейских сказаний, но вводит в нее значительное количество центрально-азиатских народных преданий. По Абулгазы хану Алаша хан не современник Яфета, а его потомок в шестом колене: Яфет-Тюрк-Тутук-Ильча хан, Диб-бакуй, Киюк хан – Аланча хан. Последняя интерпретация является более правдоподобной. Как бы ни было, Алаша хана от времени Великого потопа отделяет более или менее значительный отрезок времени. Абулгазы хан дает следующую характеристику мифической эпохе правления Алаша хана: «Аланча-хан много лет правил государством. Со времени Ноя - мир ему! – до времени Аланча-хана все потомки Иафета были мусульмане; при Аланче юрт уллучился, народ сделался богаче. Но, как гласит пословица узбеков – собака, если разжиреет, кусает своего хозяина. Когда у них умирал любимый кто-либо, то сын или дочь, или брат, делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших ближних. Оказывая к нему любовь, первую часть от кушанья клали перед статуей, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей. Из таковых повторяющихся действий возникло идолопоклонство.

У Аланча-хана было два сына–близнеца: старшему имя было Татар, младшему – Монгол. Аланча-хан, когда состарился, разделил свои владения

между сыновьями. Оба брата провели жизнь в благополучии и счастье, не делая друг другу худого» [1, с. 17].

Изучая казахские исторические предания, один из талантливых краеведов начала XX века, А.П. Чулошников отмечает следующее: “исторические легенды”, под которыми мы подразумеваем здесь связанные народные повествования о собственном своем происхождении ... может быть разделен на три более мелких разряда: 1) легенды и предания, вызванные определенным стремлением найти объяснение собственному национальному имени “казах”... 2) легенды и предания, непременно связывающие казак-киргизский народ с арабами и первыми прозелитами мухаммеданства... 3) наконец легенды и предания просто и бесхитростно повествующие о происхождении своего народа, не связывая его с правоверным мусульманством и не пытаясь отыскивать какого-либо особенного смысла в собственном его наименовании. Они то, по большей части упоминающие об одной и той же мифической личности Алача, первом казахском хане, и есть наиболее ранние и наиболее ценные для нас, так как в них нашла свое выражение действительно древнейшая народная традиция о своем далеком прошлом” [14, с. 218].

Наиболее сложный вопрос – определение хронологических привязок эпохи Алаша хана, первого легендарного казахского хана. Вышеизложенные легенды и исторические предания дают лишь косвенные ориентиры. Через них проскальзывает седая древность, порядок слагающийся из хаоса, государственность, формирующаяся из разрозненных групп людей. Как явствует из легенд, самостоятельное государственное начало кочевников Евразии складывается еще на заре пастушества. В те времена тюрки и монголы еще не выделились из основного массива алтайских племен. В свою очередь у алтайских, индоевропейских и других народов существуют различные параллели, свидетельствующие о существовании у них общего культа «Алаша хана». На наш взгляд, этот культ был связан с только формирующимся культом коня. Возможно, речь идет об эпохе энеолита, но канонизация этого яркого образа происходит в эпоху бронзы. Эпоха бронзы известна крупнейшими сдвигами в хозяйственно-культурном плане. Значительное место в комплексном хозяйстве племен эпохи бронзы занимала древняя металлургия. На огромнейшей территории Казахстана, и в особенности в ее северо-центральных районах добывались тысячами тонн цветные металлы, особенно медь. Речь идет о формировании в эту эпоху крупного центра металлургии, которая обеспечивала драгоценным металлом всю Евразию. Итогом этого процесса безусловно являются два результата:

– во-первых, начал функционировать крупнейший путь торговли между югом и севером. Этот меридиональный путь соединил воедино такие древние цивилизации как Индия, Китай, Иран и Греция со степной

зоной Евразии. Этот медный путь позже стали именовать Сарысуским трактом, поскольку основная часть маршрута проходит по берегам р. Сарысу, единственной водной артерией, связывающей юг и север Казахстана;

– во-вторых, подобное развитие социально-экономических процессов, не могло не привести к складыванию сильной политической системы. К этому времени относится и формирование культа Алаша хана, как олицетворение единства племен и сакральности складывающейся властной структуры. Основным строительным материалом этого культа служили легенды и предания пастушеских племен – коневодов эпохи энеолита. По мере продвижения степных племен на юг и запад культ Алаша хана, воспоминания о нем как о первопродке тюрков и монгол, и устроителя первого государства попадают в западные и восточные исторические своды. Эти материалы напрочь отменяют предположения позднейших авторов, определяющих дату жизни Алаша хана поздним средневековьем. Любые попытки отождествлять легендарного Алаша хана с поздними степными правителями - Султан Ахмадом, Хакназаром и т.д. обречены на неудачу, поскольку противоречат сообщениям ранних источников и основываются не на критических данных. Предположения Ч.Ч.Валиханова, А.П.Чулошникова и др., относивших время жизни Алаша хана ко второй половине XIV в. в свете более основательного подхода к древним источникам, оказались несостоятельными. Вероятно, многие авторы введены в заблуждение датировкой мавзолея Алаша хана, находящегося в Центральном Казахстане, в долине р. Сары кенгир. Безусловно, архитектурный стиль /прямоугольная композиция, купол, фигурные и резные плиты, глазурь/ сближает это культовое сооружение с архитектурными памятниками указанного времени. Но в нем есть и некоторые особенные детали, не встречающиеся в других подобных памятниках, это обходная галерея, встречающаяся только в царских курганах эпохи бронзы Центрального Казахстана /мы имеем ввиду кольцевые концентрические ограды в циклопических сооружениях Аксу-Аюлы, Бегазы и т.д./ По всей вероятности, мавзолей Алаша хана соорудился в период образования Казахского ханства, олицетворяя культ первого хана, направляя народ на служение государству, как объединяющая национальная идея. Возможно, этот мавзолей построен там, где раньше находилась древняя святыня /жертвенник или курган/ посвященный первому степному государю.

Таким образом, при определении даты правления и существования Алаша хана нет смысла исходить из строительной датировки мавзолея. Мы склонны искать корни и среду этого понятия в более глубоких пластах истории Великой степи. В доказательство этого тезиса мы

обратимся к этимологии и устной традиции. Например, к ряду терминов и понятий связанных с Алаша. Наши изыскания ограничиваются интерпретацией казахских слов, понятий поиском древнетюркских основ и с обращением к монгольскому:

1. «Ала» означает: пегость, пестроту, раздробленность, неорганизованность и т.д. В этом же значении применяется в монгольском языке. Например, «Алаг-ала» / өң, түс/; үзэх алалау - ала көру; алаг такь - тағы жылқы и т.д. (6, с.28). Казахское и монгольское «ала» - «алаг» восходят к древнетюркскому «Ала» - пегий, в яблоках: «ala at» - пегий конь (М.К.); ala atlijjol tanrı-бог судьбы на пегом коне (5, с.32). «Ала» в древнетюркском также означает болезнь /ложная проказа/; недобрые промыслы, козни и т.д. [5, с. 33].

2. «Алаша» — это слово на казахском языке имеет несколько значений. Во-первых, «Алаша» - название крупного рода в составе Младшего жуза, во-вторых, «алаша» - вид коврового изделия. Складывается из полос /шириной 50-60 см/, вытканых на узконабойном станке /өрмек/. Алаша застилается на пол или вешается на кереге юрты. Один из самых распространенных и доступных у кочевников вид ковра.

3. Алаша /Алаша хан / - имя первого хана казахов, а также имя родоначальника, это прежде всего общий боевой клич казахов. У монголов Алангуа – проматерь народа, у киргизов – родоначальник и боевой клич Алатай. Во многих легендах Алаша имя старца мудрого родоначальника, отца Ақарыс, Жанарыс, Бекарыс, /Уйсын, Аргын, Алшын/, основателей трех казахских жузов /см. вариант Ч.Валиханова/. Таким образом, «алаш» в той или иной степени показатель дальних степеней родства: «Алашпысың, ағайынбасың?» - «Близкий ли ты родич или алашовец?» /т.е. отдаленный/.

4. «Алашық» /лашық/ - на казахском языке обозначает легкое /походное/ жилище и имеет многочисленные параллели в других тюркских языках. Так, на западе у кумыков такие жилища называются «алаша үй», а у якутов алахз дьизэ, что безусловно, свидетельствует о древности этого жилища. Остов такой юрты состоит из жердей /уық/, согнутых в дугу. Верхние концы жердей прикрепляются в «шанырак», деревянный обруч. Близкий к казахскому «алашық», т.е. исходная форма тюркской юрты сохранилась у южных тюрков - «карлукская юрта». В конце XVIII-XIX вв. этот легкий тип казахского жилища стал называться «абылайша». В казахской среде существовало несколько разновидностей легких жилищ /қос, жолама үй и т.д./. «Алачу» - в значении легкого жилища - шатра - встречается в словаре М.Кашгарского. Например, «ер алашуланды» - мужчина поставил себе шатер [5, с. 33].

5. «Алаша ат» – часто встречающийся образ в традиционном устном казахском фольклоре. Например: «Алаш алаш болғалы, Алаша атқа мінгелі, Ала шұбар ту байлап, Алашқа ұран бергелі, Әлім еді ағасы».

6. Аламан» - на казахском языке означает своевольного, своенравного человека или группу людей, ставящих свои интересы выше общественного, определенным образом эгоистичность. Обратимся к определению, данному Х.Досмухамедовым этому характеру: «Аламан деп, тәртіпке, жолға, низамға көнбейтін, өз дегені болмаса басқаны елемейтін топты атайды. Бастықтан лұқсатсыз біреуді шабуға, олжалауға аттанған тәртіпсіз топты да аламан дейді» [4, с. 147]. В этом же значении применяется у других народов, особенно у туркмен - группа наездников, отдельные наездники, промышленяющие грабежами, в основном против персов.

7. По В.В. Радлову - «лошадь» на русском и древнеславянском языках от «алаша» - мерин в тюркском языке. В ряде языков маленькая, низкорослая лошадь и т.д. [12, с.136]. «Начало слова лошадь есть «лошя», уменьшительное от турецкого «алаша» - низкий, мелкая порода лошадей, казан, мерин» [7, с. 43]. «Русское слово лошадь, вероятно, произошло из комбинации «алаша-ат» - /мерин-лошадь/, причем первое «а» татарского оригинала отпало...» (15, с.223). «Алаша» в значении лошадь известно в финно-угорских и монгольских языках [12, с. 137]. Башкирский исследователь У.Ф.Надергулов также отмечает «наличие слова алаша в различных фоновариантах в значении «лошадь», например в татарском, чувашском, ногайском, азербайджанском, кумыкском, кабардино-балкарском языках. Из неродственных языков название алаша в аналогичном значении имеется в некоторых финно-угорских языках. «В башкирском литературном языке, как отмечает исследователь, слово алаша имеет значение «мерин» [10, с. 24].

8. Алашык /лачуга/ – на русском и других славянских языках означает летний домик из досок и лубков /Будагов/. В этом же значении существует и на иранском языке. И.А. Вуллерс писал: «Это тюркское слово заимствовано персидским языком и поныне передается с начальным [а], хотя пишущие по-арабски дают форму «лачук». В этом же значении /палатка, шатер/ встречается «алашык», в «Сокровенном сказании», предполагается, что оно заимствовано от «алажу». В дополнение к вышеизложенному, в восточно-славянских языках слова производные от «алаша» встречаются в иных сочетаниях. В.И. Даль отмечал у рязанцев «алашить» в значении – «шуметь, горланить». Вполне вероятно, что в данном контексте скрыто «алаш» – боевой клич.

Невозможно в одной статье разобрать все понятия производные от казахского «ала», имеющие прямое отношение к древним символам кочевников. В этой связи нельзя не вспомнить об «алаш мыңы», как той

субстратной основе, на которой позднее появляется казахский этнос. «Мың» в данном сочетании скорее всего указывает на союз и единство многих племен. К этой проблеме в свое время обращался Ч.Валиханов [6, с. 160-161]. Система языка требует, чтобы явления, возникшие в одно время и обусловленные той же причиной, рассматривались в тесной связи. В этой связи синхронический анализ некоторых понятий, связанных с Алаша, не прибегая ни к сравнению, ни к лингвистической географии, позволяет установить взаимосвязь между индоевропейским и алтайским праязыками, а то и иерархию /хронологическую/ между ними. Э. Бенвенист в словаре индоевропейских социальных терминов особо выделяет: реку, что означает – скот или, в более узком смысле – овца. Одновременно в этом значении или в его производных обнаруживается значение «богатство», однако компаративисты полагают, что последнее /богатство/ результат семантического расширения слова, означавшего первоначально то, что было основным богатством, т.е. скот [2, с.51]. В экономической лексике индоевропейских народов, занимавшихся скотоводством, термин «реку» представлен в трех больших диалектных ареалах: индо-иранском, италийском и германском. Итак, можно утверждать, что термин и его производные, первоначально зародились в индоевропейских прародинах и характеризуют хозяйственную специализацию, которая заключалась в скотоводстве. Э. Бенвенист, заявляя о необходимости пересмотра традиционной концепции /он считает, что «реку» означал – личное имущество/, соглашается с тем, что такое имущество в действительности заключался в скоте. В самом деле, у скотоводов слово «реку» могло осмысливаться многократно шире. Обратившись к казахским материалам, можно провести прямые аналогии между «реку» и «мал», последнее у казахов первоначально, обозначая лошадь, вышло за пределы класса животных, стало вообще обозначать скот и богатство. В лексическом процессе общий термин, означающий скот /реку/ на индоевропейском праязыке оказывается приложным к специфической реалии. «Реку» означавший скот /лошадей/, одновременно обозначает богатство, имущество. Переход «движимое богатство - скот» является типичным для скотоводов. Э.Бенвенист пишет: «Имеется новый термин, греческого образования, который существует и в современном языке, /to alogon/, получивший специальное значение «лошадь» уже в папирусах в самом начале нашей эры. Необходимо считать эту форму «to alogon» сингулятивным от «to alogo» – «животное», «неразумные» – о животных самых привычных, самых полезных, т.е. о лошадях [2, с. 46]. Вероятно, в этой связи следует изучить и другие термины в той или иной степени связанные с животными, так и их имущественным характером /«анимал» – животное, «толанта» – единица денег, сумма денег/. Именно в греческой мифологии мы встречаем это слово в другой ипостаси – в образе

крылатого коня. Пегас, как плод связи Горгоны Медузы с Посейдоном, появился из капель крови Медузы, когда ее убил Персей. В греческих мифах Пегас вознесся на Олимп и доставляет там громы и молнии Зевсу [9, с. 482].

Мы находим много общего между понятиями «алаша» в значении пегий /пестрый/, с его эквивалентами на индоевропейском «реки» и т.д. /в этом плане предстоит, конечно же, большая работа/. Вероятно, следует проработать и параллели другого рода. Тот небольшой, сравнительно-исторический языковой материал позволяет нам гипотетически помешать соответственно индоевропейские и алтайские прародины в пределах довольно ограниченной территории Великой степи. Одним словом, я бы хотел сказать, что границы первоначального действия слов, берущих начало от «алаша» охватывают ареалы раннего коневодства. В первую очередь, это степная территория Казахстана, Восточно-Европейская равнина, Передний Кавказ и Северное Причерноморье. Вероятно, носители ностратического праязыка обитали в пределах довольно обширной территории /включая и Ближний Восток/, но индоевропейцы и алтайцы до дисперсной фазы /до VI-V тыс. до н.э./, жили где-то рядом в срединной части Евразийской степной зоны.

Список источников и литературы

Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. /Пер. и предисловие Г.С.Саблукова, с послеслов. и прим. Н.Ф.Катанова. Казань, 1906.

Бенвенист Эмиль. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Собр. соч. в 5 т. -. Алма-Ата, 1985. Т.2. С.148-166.

Досмұхамедұлы Х. Аламан. /Құраст., алғы сөзі және түсінік Ғ.Әнесов, А.Мектепов, Ш.Керімов. Алматы, 1991.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Қазақша–моңғолша сөздік. Өлгий, 1997.

Корш Ф.Е. Древнейший народный стих турецких племен // ВОИРАО, Вып.1. СПб., 1909.

Көпейұлы М.Ж. Шығармалары. 1-20 томдар. Бас редакторы Е.М.Арын. Павлодар, 2013.

Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М.Мелетинский. М., 1991.

Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа, 2000.

Потанин Г.Н. Собрание сочинений в 3-томах. Т.1-3. Павлодар, 2005. Ответ. ред. Ж.О. Артыкбаев.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий Т.1. СПб., 1893.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. / Пер. с персидского Л.А. Хетагурова и О.И. Смирновой. Ред. и прим. проф. А.А. Семёнова. Ввод. Статья И.П. Петрушевского. Т.1. Кн.1-2. М.-Л., 1946.

Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими судьбами других тюркских племен. Ч.1. Оренбург, 1924.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

Халид К. Тауарих хамса шархи /шығыстың бес тарихы/. Алматы, 1992.

Р.Р. Газизов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет»

г.Уфа, Российская Федерация

К вопросу о создании Союза башкирской молодежи

R.R. Gazizov

Bashkir State University

Ufa, Russia

On the issue of creating a Union of bashkir youth

The article discusses the history of the creation of the youth-Bashkir public organization Union of Bashkir Youth, which emerged in the early 1990s. The reasons for its formation were identified. The goal and tasks, its organizational structure, the main activity vectors are shown. The creation of this organization is a direct proof of the rather high ethno-political development of the Bashkir people, who, in a difficult internal political situation, tried to find an independent vector of nation-building.

Keyword: Youth organizations, national organizations, Union of Bashkir Youth, nation-building, GMS.

В конце 80 – х годов XX века в Советском Союзе, в результате системного кризиса, были активизированы многие этнические процессы в национальных регионах. Не исключением стал и БАССР. Национальные элиты, сформированные в основном из образовательной среды, становились основными идеологами современного башкирского национального движения. Созданные ими общественные и политические организации задавали тон в национально-государственном строительстве Башкортостана в начале 1990-х. Неотставала от них и башкирская молодежь, образовав свою общественную организацию «Союз башкирской молодёжи». был создан. На учредительном съезде летом 1990 года присутствовало 430 делегатов из 29 районов Башкортостана, где были избраны Центральный Совет из 9 человек, а также первый председатель

СБМ. По большинству набранных голосов им стал студент V курса Уфимского государственного института искусств Р. Баимов. В Уфе, где был сосредоточен костяк организации, где 40% членов являлись студентами БашГУ, в основном из гуманитарных факультетов, 30% - студенты БГАУ, 10% - БГПУ [Кульчик, 1992. С.20]. Согласно уставу СБМ является «экстерриториальным объединением независимых общественно-политических национальных молодежных организаций, консолидирующих в своих рядах башкирскую молодежь и направляющих её деятельность на возрождение и дальнейшее развитие башкирского народа... СБМ создается на основе добровольного объединения молодых людей башкирской национальности независимо от социального и имущественного положения, образования, вероисповедания и места проживания и функционирует, руководствуясь принципами гласности, выборности органов, уважения к человеку, максимального учета мнений всех его членов, в соответствии с Декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских правах, итоговыми документами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» [Кульчик, 1992. С.20]. Его первостепенной целью, указанной в уставе, была защита «экономических, политических, юридических, социальных и других прав и национальных интересов башкирского народа, особенно его молодежи». Для достижения этой цели СБМ определил несколько векторов своей деятельности:

- пробуждение и активизация самосознания башкир, особенно её молодежи;

- организация и предоставление социальной защищенности лицам башкирской национальности, особенно её молодежи, особенно в условиях рыночных отношений в экономике;

- организация башкирских молодежных клубов, центров досуга с целью сближения башкирской молодежи;

- создание условий для образования, укрепления и количественного роста полноценных башкирских семей;

- возрождение и развитие родного языка среди башкирского населения, пропаганда и способствование изучению башкирского языка среди лиц башкирской национальности;

- способствование воспитанию, выдвижению, подбору и расстановке кадров из числа лиц башкирской национальности. Предоставление возможности башкирской молодежи для реализации своих духовных, экономических, научных и интеллектуальных потенциалов¹⁷.

Высшим органом Союза башкирской молодежи является Курултай (Съезд), который заслушивает отчет Центрального Совета СБМ, избирает прямым открытым голосованием Председателя, принимает Устав и

¹⁷ Там же.

Программу и вносит в них изменения, утверждает бюджет СБМ и принимает отчет о его выполнении, определяет перспективы деятельности на предстоящий период, рассматривает другие вопросы, касающиеся деятельности Союза. Курултай должен созываться не реже раза в два года. Внеочередной съезд может быть созван по требованию Центрального Совета или Председателя СБМ.

Высшим органом Союза башкирской молодежи в период между съездами является Центральный Совет. Пленум ЦС СБМ созывается его правлением не реже двух раз в год. Центральный Совет составляется из представителей ассоциированных членов СБМ, делегированных в ЦС в установленном порядке. Он осуществляет контроль над выполнением решений съезда, координирует деятельность региональных организаций, обращается и делает заявления от имени СБМ. А также рассматривает и утверждает перспективные и текущие планы по основным направлениям деятельности, созывает Съезд СБМ, утверждает подготовленные правлением материалы съезда и рассматривает другие вопросы, связанные с деятельностью организации [Кульчик, 1992. С.20].

Между Пленумами Центрального Совета деятельность Союза башкирской молодежи координирует Правление, которое набирается Председателем по своему усмотрению из членов СБМ в количестве, «необходимом для нормального функционирования». Функции Правления заключаются в утверждении в должности и освобождении от обязанностей штатных работников СБМ, решении других вопросов, относящихся к деятельности Союза [Воля. - 1991.- 4 сентября].

Широкими полномочиями обладал Председатель Союза башкирской молодежи. Он избирался прямым открытым или тайным голосованием на Курултае не более чем на два срока подряд, формировал правление СБМ и координировал его работу. Также ему принадлежало право подписи политических, финансовых, юридических и других документов.

Свое политическое кредо лидеры СБМ отразили в принятой на учредительном съезде резолюции «о текущем моменте», а также опубликованном позднее «Заявлении группы молодых башкирских националистов», в подзаголовке обозначенной «национальной программой СБМ».

В принятой на I съезде Резолюции говорится, что в области политики Союз башкирской молодежи выступает за «плюрализм всех течений и идеологий в рамках законности». В области экономики провозглашалась поддержка рыночных отношений, а в области духовной жизни - свободы вероисповеданий и реабилитации ислама на территории республики, а также экономическое и культурное развитие всех народов РБ.

В последнем документе подчеркивается, что «кроме классовых, половозрастных, религиозных, узкоколлективистских интересов,

существуют еще интересы национальные, которые начинают играть все большую роль на современном этапе развития нашего общества. И в любой сфере нашей деятельности... мы будем исходить, прежде всего, из интересов своей нации» [Кульчик, 1992. С.21]. Была выражена приверженность к курсу на достижение сначала экономической самостоятельности, а затем политической независимости республики.

По языковой проблеме отношение СБМ было следующим: государственным должен быть башкирский язык, оставляя при этом русскому языку право быть общегосударственным и языком межнационального общения, а татарскому и другим языкам Башкортостана предоставить юридические гарантии и реальные возможности свободного развития на всей территории республики.

Таким образом, можно констатировать, что данная общественная молодежная организация была четко структурирована, а в своей деятельности пыталась охватить достаточно широкий круг вопросов, касающихся не только башкирской молодежи, но и башкирского общества в целом.

Список источников и литературы

Воля.- 1991.- 4 сентября

Кульчик Ю.Г. Этнополитические процессы в Башкортостане: информационно-аналитический обзор.- М., 1992.

Ш.Н. Исянгулов

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской
академии наук
Уфа, Россия

Погребальный обряд в устном народном творчестве башкир

Sh.N. Isyangulov

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia

The funeral ceremony in the Oral folklore of the Bashkirs

Abstract. The article deals with the reflection of the burial rite in the oral folklore of the Bashkirs, especially in epics, tales and legends. An attempt to compare data with the funeral rites of the mediaeval archaeological cultures of the Ural-Volga region has been made. So, in one fairy tale the heroine hides the body of her dead brother in the hollow of a tree. Perhaps in the Bashkir fairy tale they reflected air burial, which could be practiced by the ancestors of the Bashkirs, primarily in relation to children. Analysis of a number of folklore

works shows that they reflect the different ways of burial, typical for the ancestors of the Bashkirs in different historical periods. This air burial, leaving corpses on the surface of the earth, cremation, underground burial: earthen and stone mounds on top of a mountain, ground graves on a river bank, etc. In Bashkir folklore there are also descriptions of the main character's horse burials. Some descriptions of funeral and memorial ceremonies testify to the ethnic ties of the Bashkirs with the ancient Turks, other tribes of Siberia and the Central Asia. In particular, the description of the burial rites in the epic Kuz Kurpas (after T. Belyaev) has an amazing parallel with the funeral rite of the ancient Turks, known from Chinese sources. Obviously, the preservation of information about the different characteristics of the funeral rite was due to the complexity of ethnogenesis and ethnic history, and as a result, the tribal structure of the Bashkirs.

Key words: funeral ceremony, the Bashkirs, mound, the Middle ages, folklore.

Устное народное творчество башкир чрезвычайно богато и немалое место в нем занимает и описания различных форм погребальной обрядности. Произведения устного народного творчества в контексте обозначенной темы неоднократно анализировались. Данный вопрос изучался в работах Н.А. Мажитова, Н.В. Бикбулатова, Ф.Ф. Фатыховой, Р.М. Юсупова, Р.А. Султангареевой и др. В то же время определенная часть фольклорных произведений остается неизученной. Здесь же хотелось бы затронуть вопрос об историчности описаний погребального обряда в устном народном творчестве башкир. В качестве объекта исследования взяты эпические произведения, предания и легенды. Сказки, несомненно, должны стать объектом самостоятельного изучения.

В башкирском фольклоре получили отражение различные приемы обращения с умершим. Так, в одной сказке сестра тело брата Килтя Мэргэна «спрятала в дупле растущего поблизости дерева» [Башкирское народное творчество, 1988. С. 369; Хусаинова, 2014. С. 158]. Возможно, в башкирской сказке нашло отражение воздушное погребение, которое могло практиковаться предками башкир, прежде всего, в отношении детей. По словам Ибн Фадлана, у волжских булгар существовало две формы погребения, в том числе воздушная [Ковалевский, 1956. С. 137, 138]. Она могло существовать и у соседей булгар – башкир. Исследователи обратили внимание, что детские погребения для периода средневековья, как и более ранних эпох, редки [Мажитов, 1977. С. 107]. Предполагается, что детей хоронили не способом ингумации, а каким-то другим, прежде всего, воздушным. Воздушное погребение еще в недалеком прошлом практиковалось у многих народов Севера и Сибири: манси, хантов, сибирских татар, хакасов, шорцев, якутов, тувинцев-тоджинцев,

тофаларов, кетов, нганасан, ненцев, эвенков, эвенов и др. [Семейная обрядность народов Сибири, 1980. С. 109, 122, 124, 130, 145, 149, 160, 167; Алексеев, 1980. С. 173, 188, 205, 208, 215, 216, 222–223]. Погребения на дереве для Южной Сибири известны с древних времен и по письменным источникам. Так, китайский источник «Таншу» о трех племенах Дубо сообщает, что они «покойников полагали в гробах и ставили в горах, или привязывали на деревьях» [Бичурин, 195. С. 348]. О воздушном погребении у кыргызов сообщал турецкий автор XVI в. Сейфи Челеби [Вэлиди, 1997. С. 90].

Н.А. Мажитов сюжет о жертвоприношениях девушек в стране Катила в эпосе «Урал-батыр» связал с обрядом выставления трупов, наземными захоронениями, характерными, в частности, для древнего населения Средней Азии. Он полагал, что для раннесредневекового населения Южного Урала также было характерно наземные захоронения, выставление трупов на вершинах холмов и т. д. [Мажитов, 1977. С. 84–93]. Сохранились фольклорные сведения об уходе или оставлении пожилых людей перед смертью на горе, в лесу. Трупы их не хоронили, а оставляли лежать на поверхности земли [Башкорт халык ижады, 1995. С. 358–359; Башкирское народное творчество, 2000. С. 320–321; Султангареева, 2005. С. 181–182].

Кроме того, в том же эпосе «Урал-батыр» описано о погребении главного героя на горе. Отметим также, что на горе захоронены Заятуляк и Хыухылу [Башкорт халык ижады, 1998. С. 122, 186, 199, 214]. Убийца Бабсак-бия Каракулумбет не дал землю, чтобы похоронить его. Родичи Бабсака вынуждены были привести землю издалека. В результате, над могилой образовалась целая гора [Башкорт халык ижады, 1999. С. 335, 346]. В 1962 г. М.М. Сагитовым в д. Новомусятово Бурзянского района был записан один из вариантов эпоса, в котором подробно описаны похороны Бабсака: «[Умершего] Бабсака со всем вооружением посадили на коня, поставили в центре поляны и начали засыпать землей. Землю сыпали, утрамбовывали до тех пор, пока не образовалась гора. Над могилой поставили камень, на камне написали его имя, и про его подвиги» [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 553. Л. 32]. М.М. Сагитов предполагал, что здесь получил отражение кипчакский погребальный обряд IX–XII вв. [Сәғитов, 1993. С. 120]. Очевидно, могила Бабсака должна была представлять собой курган.

Однако раскопки Н.А. Мажитовым кургана Бабсак-бия в Бурзянском районе в 1965 г. дали несколько иные результаты. Выяснилось, что холм имел естественное происхождение, на вершине которого, на глубине 80–90 см были обнаружены человеческие кости, лежавшие в куче в одном месте. Очертание могильной ямы было прослежено плохо [НА УФИЦ РАН. Ф. 3.

Оп. 2. Д. 659. Л. 24–25]. Как сказано в эпосе, что стрела Каракулумбета попала в позвоночник Бабсаку, вследствие чего его тело раздвоилось. Первоначально, труп находился на земле и лишь через некоторое время был предан земле. По нашему мнению, описание захоронения Бабсака в эпосе совпадает с археологическими материалами. В то же время, следует отметить, что могила не была исследована до конца. Не вызывает сомнения одно: курганные захоронения на вершине холмов были характерны для средневекового населения Южного Урала – башкир.

Захоронение умерших на вершине горы долгое время практиковалось башкирами. В одном предании говорится, что батыра, погибшего в сражении, похоронили на правом берегу р. Уршак на горе. Стены могилы были обложены камнями. Местные жители нередко находили на вершине горы медные наконечники стрел, копий, сабли [Башкорт халык ижады, 1997. С. 74]. По мнению Ф.А. Надршиной, это предание может отражать события времен Едигея [Башкорт халык ижады, 1997. С. 360].

Возле д. Дюртюли современного Давлекановского района РБ есть гора Ярыштау (буквально: «гора, на которой проводятся состязания»), на вершине которой похоронен святой (авлия). Поэтому и гора считается святой. Проходя мимо горы, раньше башкиры оставляли «хаир» (пожертвование). В прошлом также проводили состязания: с горы Балкантау в сторону Ярыштау (расстояние между ними 30 верст) стреляли из лука [Башкорт халык ижады, 1997. С. 71]. Информатор уже толком не знал, почему проводились состязания по стрельбе из лука. Вполне возможно, что они составляли часть поминальных обрядов в честь упомянутого святого. Возможно, нечто подобное происходило и возле горы Уклыкая в современном Гафурийском районе РБ. В юго-западной и западной части склона этой горы археологами обнаружено множество наконечников стрел, датируемых X–XI вв. Исследователи связывают данный обычай с почитанием гор у башкир [Гарустович, 2011. С. 405; Котов, 2001. С. 68; Котов, 2011. С. 135].

Н.А. Мажитов также обратил внимание, что описание погребального обряда в эпосе «Куз-Курпяч» (в варианте Т. Беляева) имеет удивительную параллель с погребальным обрядом тюрков-тукю, известным по китайским источникам [Мажитов, Гайнуллин, 1992. С. 109–113; Мажитов, Султанова, 1994. С. 174–176; Мажитов, Султанова, 2009. С. 260–262]. Однако данное сравнение осталось вне поля зрения специалистов. Между тем, описание обряда в эпосе, как и его параллели в письменных источниках, требуют, несомненно, самого пристального внимания. Оба описания объединяют следующие моменты: 1) громкий плач участников похорон, как мужчин, так и женщин. 2) кремация; 3) поминальные скачки вокруг могилы

[Башкирское народное творчество, 1987. С. 285–286; Бичурин, 1950. С. 230].

Похоронный плач был также характерен для древних уйгуров [Бичурин, 1950. С. 216], половцев. Еврейский автор XII в. Петахия Регенсбургский пишет о кедарцах (половцах, кипчаках) следующее: «Там существует обычай, что женщины день и ночь оплакивают с причитаниями своих умерших отцов и матерей, и это продолжается у них до тех пор, пока не умрет кто-нибудь из сыновей или дочерей или один из родни; тогда остальные члены семейства начинают оплакивать своих умерших братьев или сестер. Матери учат плачевным песням своих дочерей, и они принимаются по ночам стонать и причитать, а собаки вторят им своим лаем» [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2009. С. 209]. Вполне возможно, что и башкиры до принятия ислама практиковали ритуальный похоронный плач. Об этом свидетельствует то, что в устном народном творчестве сохранились некоторые примеры похоронного плача после смерти известных лиц [БашКорт халык ижады, 1995. С. 368; БашКорт халык ижады, 2000. С. 220; Башкирское народное творчество, 1999. С. 239; Башкирское народное творчество, 2010. С. 337–338].

Под Пярием, скорее всего, следует иметь в виду какие-то враждебные башкирам племена. Заметим, что кремация – характерный погребальный обряд в Южной Сибири и Монголии именно для тюрков-тукю, а также кыргызов, в Приуралье и Поволжье – для населения так называемой именьковской археологической культуры. Единичные случаи трупосожжения отмечены также в турбаслинских могильниках VI–VII вв. в центральном Башкортостане (Кушнаренково, Уфа). Считается, что турбаслинцы и бахмутинцы активно контактировали с именьковцами. На территории Среднего Поволжья у именьковцев обнаружена керамика кушнаренковского типа [Мажитов, Султанова, 2009. С. 300–305]. Сами же башкиры, как показано в эпосе, хоронят способом ингумации (трупоположения) на горе. В то же время нельзя исключать и того, что в прошлом часть башкир могла практиковать трупосожжение. В пользу данного мнения, возможно, говорит широкое бытование в современном башкирском языке фразеологизма «көлөндө күккә осорам» (что буквально означает: «пущу прах твой по ветру»). Во всяком случае, он свидетельствует о том, что башкирам обычай трупосожжения был известен. По свидетельству арабских авторов Идриси, Ибн Саида, Абульфида, покойников сжигали этнически близкие к башкирам печенеги. Ибн Саид и Абульфида при этом уточняют, что они сжигали не только тела родичей, но и пленных (чужаков) [Коновалова, 2006. С. 128; Коновалова, 2009. С. 34, 118]. В эпосе также сжигают труп Пярия, то есть врага.

Древние уйгуры также практиковали похоронные и поминальные скачки [Бичурин, 1950. С. 216].

По нашему мнению, эпос «Куз-Курпяч» свидетельствует, во-первых, о том, что в этногенезе башкир приняли участие собственно тюрки-тукю, а также подчиненные им роды теле (уйгуры); во-вторых, о противостоянии башкир с племенами, практиковавшими кремацию. Здесь можно предполагать либо тех же тюрков-тукю, либо именьковцев.

Привлекает внимание и описание поминок в честь Карабая, устроенные его сыном: «У них такое было обыкновение, чтобы на поминках делать все те потехи, которые умерший любил в своей жизни. Куз-Курпяч, как бы по приказанию отца своего, расстановил вокруг могилы его семь ставок, одну от другой неподалеку, в награду состязующихся на конях». В ставках находились 7 наград для победителей. Были устроены конные скачки, позже – борьба. Победители получили ценные призы [Башкирское народное творчество, 1987. С. 290–295].

В эпосе также описаны похороны лошади главного героя. Лошадь была растерзана хищными зверями – чародеями: «Долго тужил он о нем, но пособить было нечем; вырыл глубокую яму и, собрав все его разбросанные по сторонам части, положил в оную и вместе с ним зарыл седельный убор и оружие, кроме сабли своей. Сию, положа в ножны, заплакав, сказал: «Ты мне остался один друг и товарищ. Прости, мой добрый конь! Я никогда тебя не забуду!» [Башкирское народное творчество, 1987. С. 315].

О захоронении лошади рядом с умершим рассказывается в одном из вариантов предания «Иргиз». У хана рода калмык была дочь по имени Айстан, которую никто не мог победить в единоличной борьбе. Однажды хан устроил йыйын, в котором приняли участие батыры калмыков, башкир и ногайцев. Однако ханскую дочь ни один из них не смог одалеть в борьбе. Затаив обиду, женихи предательски убили Айстан. Ее похоронили в дорогой одежде, с золотыми браслетами, нагрудными украшениями из жемчуга, серебряной саблей, медным горшком. Над могилой насыпали каменный курган. Рядом же похоронили ее лошадь с серебряной уздечкой, золотым седлом. Над этой могилой также поставили камень [Башкорт халык ижады, 1997. С. 79–80]. Конечно же, данный обряд не имеет ничего общего с калмыцким погребальным обрядом, для которого, как известно, были характерны кремация и оставление трупов на поверхности земли [См.: Бакунин, 1995. С. 145; Дуброва, 1898. С. 63]. Медные горшки, в частности, встречаются в могильниках периода Золотой Орды в степной части Урало-Поволжья. Металлическую посуду исследователи связывают с кипчакским кочевым миром [Иванов, Кригер, 1988. С. 16]. В кургане 21 Мрясимовского могильника (Караидельский район РБ, XI–XII вв.)

Н.А. Мажитовым к северу от могилы был раскопан полный скелет оседланной и обузданной лошади [Мажитов, 1977. С. 117; Мажитов, 1981. С. 155]. Захоронения с конем практиковали кипчаки в степной части Урало-Поволжья [Иванов, Кригер, 1988. С. 47].

В эпосе «Узак-Тузак – потомки балабашняков» следующим образом описаны похороны Янузака: «Неподалеку от крутояра, над рекой, на возвышенном месте рядом с могилой матери вырыл Узак могилу и похоронил отца головой к истоку реки» [Башкирское народное творчество, 1987. С. 243]. В переводе на русский язык упущен один важный момент. В оригинале отмечено, что Узак могилу отца вырыл параллельно реке [Башкорт халык ижады, 1999. С. 284]. Учитывая то, что родители Узака были балабашняками (печенегами), мы должны бы наблюдать печенежский погребальный обряд, описанный в работах С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова, Г.Н. Гарустовича, В.А. Иванова и др. [Плетнева, 1958. С. 153–161; Федоров-Давыдов, 1966. С. 120–142; Гарустович, Иванов, 2001. С. 66–96 и др.]. Однако никакого совпадения с печенежским погребальным обрядом нет. Более того, описание, наоборот, очень напоминает погребальный обряд так называемой чияликской археологической культуры X–XIV вв. [Казаков, 1978. С. 49–93; Казаков, 2007. С. 59–65; Гарустович, 2015. С. 181–198]. Для примера возьмем наиболее характерный для чияликцев (а чияликцы идентифицируются всеми исследователями как башкиры) памятник – Горново (Чишминский район РБ). Здесь поселение XIII–XIV вв. находилось ниже по течению р. Дема, а могильник – выше. Могилы находились на достаточно близком расстоянии (в нескольких метрах) от берега реки.

В одном из эпосов рассказывается о том, что во время набега казахов на башкирские земли состоялась дуэль между предводителями обеих сторон Карасом и Акшой, в результате чего казахский батыр погиб. Остальные угонщики отступили, оставив тело вождя. Башкиры похоронили Акшу тут же на месте его гибели. Над могилой соорудили курган из камня, а в изголовье вонзили стрелу. После чего возле могилы Карас пропел кубаир [Башкорт халык ижады, 2000. С. 217–220; Башкирское народное творчество, 1999. С. 236–239]. Как известно, в землю вокруг могилы стрелы вонзали монголы, одну стрелу – половцы (кипчаки) [Золотая Орда в источниках, 2009. С. 84; Низами Гянджеви, 1986. С. 366]. По свидетельству Н.П. Рычкова, данный обычай был характерен и для казахов в XVIII в.: «на иных (могилах – И.Ш.) были воткнуты копейные древки и калчаны со стрелами, что было знаком храбрости умершего» [Рычков, 1772. С. 16]. Н.Т. Зарипов считал, что такой обычай имелся и у башкир [Башкирское народное творчество, 1999. С. 372].

В предании «Мурзагул» отмечается, что герой завещал похоронить себя в том месте, где погибнет и обложить могилу камнями. В другом варианте этого же предания говорится о том, что дочери Мурзагула, похоронив отца, огородили могилу со всех сторон камнями [БашКорт халык ижады, 1997. С. 192, 393; Башкирские исторические предания и легенды, 2015. С. 150–152].

В предании «Бэндэбикэ и Ерэнсэ-сэсэн» рассказывается, что у героини был кирпичный дом. После смерти, по ее завещанию, она была в нем похоронена [БашКорт халык ижады, 1997. С. 176–178; Башкирские исторические предания и легенды, 2015. 139–141]. В 1968–1969 гг. близ д. Максютово Кугарчинского района РБ мавзолеем Бэндэбикэ был раскопан Н.А. Мажитовым. Раскопки показали, что мавзолеем, скорее всего, был построен до смерти погребенной [Мажитов, 1973. С. 176–179].

Таким образом, анализ ряда фольклорных произведений показывает, что в них получили отражение различные способы погребений, характерные для предков башкир в различные исторические периоды. Это и воздушное погребение, оставление трупов на поверхности земли, кремация, подземные захоронения: земляные и каменные курганы на вершине горы, грунтовые могилы и др. Отдельные описания погребальных и поминальных обрядов свидетельствуют об этнических связях башкир с древними тюрками, другими племенами Сибири и Центральной Азии. Очевидно, сохранение сведений о разнохарактерности погребального обряда было обусловлено сложностью этногенеза и этнической истории, а в результате и родоплеменной структуры башкир.

Список источников и литературы

БашКорт халык ижады. Беренсе том. Йола фольклоры. Өфө: Китап, 1995. 560 б.

БашКорт халык ижады. Икенсе том. Риүэйәттәр, легендалар. Өфө: Китап, 1997. 440 б.

БашКорт халык ижады. Өсөнсө том. Эпос. Өфө: Китап, 1998. 448 б.

БашКорт халык ижады. Дүртенсе том. Эпос. Өфө: Китап, 1999. 400 б.

БашКорт халык ижады. 5-се том. Тарихи Кобайырзар, хикәйәттәр (иртәктәр). Өфө: Китап, 2000. 392 б.

Вәлиди Туған Ә. Ибн Фазлан юльязмаһы // Ватандаш. 1997. № 8. 67–94 б.

Сәғитов М. Ғүмерлеккә калған яра: хикәйәләр, юльязмалар, фәнни-популяр мәкәләләр. Өфө: Китап, 1993. 128 б.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / Вступ. ст. М.М. Батмаева; Предисл. В. Разумовской. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1995. 153 с.

Башкирские исторические предания и легенды / авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. 528 с.

Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 544 с.

Башкирское народное творчество. Т. III. Богатырские сказки. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. 448 с.

Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. Уфа: Китап, 1999. 392 с.

Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Гарустович Г.Н. Проявление оролатрии у башкир в этнографическом и археологическом контекстах // Духовная культура народов России: материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной 75-летию доктора филологических наук Ф.А. Надршиной. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. С. 401–408.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. Уфа, 2015. С. 181–198.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. Сост. части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.

Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань, 1898. 239 с.

Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. 336 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XI–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 93 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 348 с.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2006. 328 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2009. 223 с.

Котов В.Г. Культ гор на Южном Урале // Ядкяр. 2001. № 1. С. 66–70.

Котов В.Г. Реликты культа гор у башкир по данным фольклора, этнографии и археологии // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Р.М. Юсупова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 131–136.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мажитов Н.А. Тайны Древнего Урала. Археология. Ученые. Открытия. Гипотезы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 184 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 238 с.

Мажитов Н.А., Гайнуллин Д. О некоторых древнетюркских и башкирских параллелях // Материалы по археологии Южного Урала: Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1992. С. 109–113.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.

Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее – НА УФИЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 553. Л. 32.

НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 659. Л. 24–25.

Низами Гянджеви. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. Искендер-наме. В 2 кн. / Пер. с фарси К. Липскерова; Коммент. и словарь Р. Алиева. М.: Худож. лит., 1986. 782 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 151–226.

Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-кайсацкой степь, 1771 году. СПб., 1772. 104 с.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. 240 с.

Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа: Гилем, 2005. 344 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 275 с.

Хусаинова Г.Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. 216 с.

Г.Д. Султанова

ГАНУ Институт стратегических исследований РБ

г. Уфа, Россия

Исторический контекст приобщения башкир к алкогольным напиткам

G. D. Sultanova

Institute of Strategic researches of Republic of Bashkortostan

Ufa, Russia

Historical context of bashkir's inclusion to drinking habits

Annotation: Alcohol abuse is one of the key factors of high mortality in Russia. This article demonstrates the situation with alcohol consumption among Russians and the inclusion to drinking habits of Bashkirs in 17-19th century. The main idea is that Bashkirs were one of the sober nations in Russia until the end of 19th century. In 17th century historians found data about penetration of alcohol beverages into bashkirs society, but the scope wasn't big. Integration processes of Bashkirs into Russian society in 19th century, participation of Bashkir's troops in Russian wars, the establishment of Canton system of administration in Bashkiria had result in dissemination of alcohol culture among some groups of Bashkir population. At the same time Russian government coped with alcohol abuse among Russians. The advent of kabaks and «bred wine» in 16th century had led to the growth of alcohol consumption among Russians. Russian government made attempts to control the situation by imposing government monopoly on alcohol but by the 18th century in Russia «northern type» of alcohol consumption was established. The end of the 19th century is characterized by even greater growth in alcohol consumption in Russia. Attempts are being made to solve the problem by reducing the number of kabaks and resolving retail.

Key words: Bashkirs, Russians, alcohol consumption, history, Ufa province.

Злоупотребление алкоголем является одним из основных факторов высокой смертности и низкого уровня благосостояния всего населения России, возможно, за исключением отдельных народов Северного Кавказа. Уровень потребления алкоголя башкирского населения на сегодняшний день не отличается от других народов России. Несмотря на то, что отсутствуют данные по смертности в разрезе национальности, об этом можно судить по показателям районов, в которых компактно проживает башкирское население. Так, в 2013-2017 гг., в Уральском субрегионе наблюдался наибольший показатель смертности от причин смерти, обусловленных алкоголем (рис. 1)

Рис. 1. Стандартизованный коэффициент смертности от причин смерти, обусловленных алкоголем, на 100 тыс. человек.

Источник: *рассчитано по данным Башкортостанстата*

Алкоголь не всегда представлял угрозу здоровью башкирского населения, и приобщение башкирского этноса к спиртным напиткам происходило в течение нескольких веков. Одним из факторов был тот исторический фон, в рамках которого он существовал.

Итак, если обратиться к истории, согласно сведениям этнографов о пище башкир, то «кормля их (башкир) мед, зверь и рыба». [9, с.73] Однако как отмечают исследователи, в этом источнике не упомянуто о молочных продуктах, в то время как башкиры были народом, с полукошевым скотоводческим укладом хозяйства. Но уже к концу XVIII века сведений об этом роде пищи становится достаточными. По словам Лепехина, летом башкиры питались исключительно молоком, «вся провизия башкирцев в дороге состояла в небольших кусках сыра (крут) и турсуках с кумысом, который имел каждый по одному. С сего они были по просту сказать сыты и пьяны». [9, с.73] Кумыс был достаточно распространен среди башкирского населения и является традиционным напитком, который

употребляется довольно часто. Попов про пермских башкир начала XIX столетия писал, что они – «кроме мяса едят частию хлеб; летом пьют кумыз, а зимою из того молока делаемые брагу и ирень» (вероятно айран). [9, с.73]. Сам Руденко С.И. в начале XX века писал, что «из кобыльего молока на значительной территории и поныне еще готовится *кумыс*, а из коровьего, кроме выше перечисленных продуктов – *айран*. [9, с.75]. Содержание спирта в составе кумыса невысокое, и различают три вида кумыса исходя из этого показателя: слабый (1°), средний (1,5°) и крепкий (3°).[6, с.49]

Другим известным спиртным напитком является *асе-бал*, о котором есть сведения у авторов XIX века. «Продают мед от 5-10 р. за пуд, и часть оставляют у себя для приготовления напитка, под названием «кислушки» (род нашего меда). Приготавливается этот напиток так: на ведро кипяченой воды в кадке кладут от 5-7 ф. меда и затем прибавляют дрожжей или закваски (из пшена, ячменя) ковшом два и плотно закупоривают. Дня через два или даже три напиток уже готов. Пьют его как кумыс и, по большей части, только зимой. Кислушка более хмельный напиток, чем кумыс. Водку башкиры дома совсем не пьют, а если и случается кому-нибудь из них выпить, то или в городе, или в русском селении; но таких людей мало. Выпивший страшно боится встретиться с муллой, который может подвергнуть виновника тяжелому наказанию. (7, с. 11-12). Руденко пишет, что *асе-бал* – напиток не повседневный; готовится он зимой и главным образом во время свадьбы. Известна кислушка среди башкир повсюду, где занимаются пчеловодством. В зауральской, степной Башкирии, там, где пчеловодством не занимаются и не готовят *асе-бал*, его заменяет другой спиртной напиток – *буза*. *Буза* – делается из ячменя или пшеницы; проросшие зерна сушат и мелют на ручных жерновах (кул тирмян); полученный таким образом солод заваривают горячей водой, заквашивают и оставляют бродить дня два, три. [9, с.83]. Исследователи отмечают, что общественное мнение неодобрительно относилось к алкоголю, но разрешалось употребление кумыса, бузы, медовки. [4, с.14]. А.З. Валиди в своих воспоминаниях пишет, медовуха была популярным напитком среди башкир. [1, с.53] Он отмечает, что «заквашивали из меда в немалом количестве и медовуху. Не запрещенный исламом этот напиток пили даже некоторые башкирские имамы. [1, с.55]. Таким образом, этнографические данные показывают, что до начала XX века у башкир были распространены слабоалкогольные напитки.

Что касается русских и других славянских народов, то, несмотря на широко распространенное в обществе мнение об издревле сильно пьющем русском народе, большинство ученых считают, что у русских до XIV века алкогольные напитки употреблялись лишь по праздникам, и только в определенные дни. Славяне также традиционно пили слабоалкогольные

напитки как медовуха, брага и пиво. Продавались алкогольные напитки в специально существующих для этого частных питейных заведениях, называемые «корчмами» [14, с.91] Русская корчма отличалась от других славянских заведений такого типа тем, что в нем не только пили, но и ели. Как отмечает Попов, «до XIV века проблема повального пьянства как острая социальная проблема в на Руси не была известна» [11, с.59]. Появление повального пьянства авторы относят именно к этому периоду и связывают с внедрением Иваном IV так называемых «кабаков». Там то и началась продажа вместе с медом и пиво хлебного вина. По мнению историка В.Н. Татищева, первый кабак был построен в Москве для «опричнины» [14, с.93]. Но первым оригинальным документом, где есть свидетельства о существовании в русском государстве кабака является Весьегонская таможенная грамота, в котором фигурирует дата 1563 год [14, с.94]. Появление кабаков и хлебного вина привело к росту употребления спиртных напитков, что повлекло за собой необходимость государственного упорядочивания продажи и потребления. После «кабацких бунтов» 1648 года, в состав «Соборного Уложения» 1649 года вошел «Указ о корчмах», где было введено наказание за нелегальное производство и продажу спиртных напитков. Это означало установление государственной монополии в алкогольном рынке. Она укрепилась дальше, после созыва Земского Собора в 1652 года, который так и назывался «Собор о кабаках» [15, с.6-7]. Но 100% монополия установилась в 1681 году, когда корчмы были полностью закрыты, монастырям запрещалось продажа алкогольных напитков, также как и частное производство и потребление алкоголя [15, с.7.]. Все это привело к тому, что с закрытием местных корчма в пользу кабаков, потребление легкого алкоголя с закуской в ритуальной манере было замещено прямым потреблением крепких спиртных напитков без закуски. Кроме того, с основанием кабаков, преобладающая культура питья легкого алкоголя за столом или в корчмах был изменен в форму чрезмерного пьянства в кружевных дворах [15, с.7.]. Положение еще более усугубилось в XVIII веке. Во время правления Петра I государственная монополия была отменена и частное производство было обложено высокими налогами. Фактически в это время и появилась откупная система. Как отмечает историк И. Такала, с 1716 по 1861 гг., отмена и установление государственной монополии на алкоголь имела флуктуационный характер [13]. Именно в период Петра I произошло расширение и распространение питейных заведений по всей России. Учитывая, что в конце века были подняты налоги на продажу пива, частные распивочные лавки закрылись, то окончательно установился «северный стиль» потребления.

К XVIII веку же относятся первые документальные упоминания об употреблении башкирами спиртных напитков. Один из них описывают

сцену насильственного спаивания башкира в 1705 г. полковником Сергеевым, руководителем карательного войска [5], а в другом говорится о добровольном употреблении алкоголя башкирскими представителями на йыйыне в 1730 г. [5]. К этим же временам относятся и описания «беспробудного пьяницы из башкир, старшины Каршинской волости Шарыпа Мрякова» [5].

Первая половина XIX века характеризуется усилением и распространением потребления алкоголя в Российском государстве. Можно сказать, что в это время государство абсолютно не контролировало алкогольный рынок. Откупщики в гонку за обогащением, расширяли сети питейных заведений. И хотя при Александре I на некоторое время было введен государственный контроль, то при Николае II откупная система вновь расцвела. К середине века злоупотребление спиртными напитками достигло чрезвычайных размеров, что стали возникать трезвеннические движения и недовольство населения. Все это вызвало необходимость урегулирования алкогольного рынка, что произошло при Александре III. Приняв «Правила о раздробительной (розничной) продаже напитков» принятому в 1885 году, государство предприняло меры для уменьшения вредных последствий потребления алкоголя. Были ликвидированы кабаки и питейные заведения и разрешалось лишь продажа на вынос, в которых алкоголь продавался без закуски, в связи с чем государство пыталось изменить культуру чрезмерного потребления, попытавшись вернуть культурное домашнее питье за столом в домах. Однако эффект был другим – спиртное стали потреблять в общественных местах и в быту, на улицах. Согласно Прыжову, в начале XIX века потребление алкоголя на душу населения было 4,9 литра [12]. Примерно такой же уровень сохранялся и в середине века – 4,3 литра, но акцизная система и реформы второй половины века, которые были направлены на сокращение кабаков и винных лавок привели к тому, что часть алкоголя ушло в подпольное потребление. Немаловажно упомянуть, что 90% всех потребляемых спиртных напитков составляла водка.

Данная ситуация отразилась и на башкирском населении, которое к XIX веку все более интегрировалась в состав русского государства. По мнению Т.Г. Мухтарова, участие башкир в Отечественной войне 1812 г, а также введение кантонного управления в Башкирии усилило проникновение питейной культуры в военно-феодалные круги башкирского населения в XIX в.[5]. В башкирском фольклоре также упоминаются образы башкирских и татарских имамов, которые также могли себе позволить выпить. Привычка к выпивке проникала и в рабочие слои башкирского населения, о чем свидетельствует песня зимагоров, и в ряды отслуживших в русской армии [5]. В это же время в медресах на территории Башкирии начинают открываться русские классы. Несмотря на

положительный эффект в виде распространения русского языка среди шакирдов, это оборачивается и тем, что «эта открытость привела к таким пагубным явлениям, как увлечение спиртным, азартными играми и т.д.» [2, с.61].

К концу XIX в. в Уфимской губернии начинают формироваться попечительства о народной трезвости, которые распространяли в губернии сети народных домов и чайных-читален, которые должны были способствовать снижению пьянства на территории губернии [10, с.162]. Попечительство о народной трезвости пропагандировало здоровый образ жизни и вело политику отвлечения населения от питейных заведений. Главным образом деятельность Попечительства на территории Уфимской губернии сосредоточилась на устройстве чайных, которых в 1895 г. было открыто 16 [3, с.58]. К 1900 г. в Уфимской губернии было организовано 62 чайных, 63 пункта, в которых было проведено 914 народных чтений, 85 библиотек и читален [8, с.41]. Показатель среднедушевого потребления алкоголя в Уфимской губернии составлял ок. 4 л. водки, что было в 2 раза меньше, чем по России. [8, с.40]. Однако автор отмечает, что среди населения было широко распространено домашнее изготовление спиртных напитков. Так, в одном из периодических изданий начала XX в. отмечалось, что «в Уфимской губернии кислушки выпивается едва ли не больше, чем водки» [8, с.40]. Причем башкирское население также готовило кислушку для своих праздников. В целом в исследованиях отмечается, что мусульманское население губернии менее подвержено пьянству и злоупотреблению алкоголем.

Таким образом, до начала XX века башкирское население в целом употребляли свои традиционные хмельные напитки, хотя и уже в городах и селениях при заводах приобщались к общероссийской питьевой культуре. Военно-феодалная верхушка населения, солдаты, а также рабочие были наиболее уязвимыми группами населения, в силу своей большей интегрированности в русское общество. Соответственно кардинальные изменения в культуре питья у башкир наблюдается в течение XX в., которая включала в себя две мировые войны, глубокие перемены в жизни населения в результате процессов индустриализации и коллективизации и интенсивную интеграцию башкир в состав СССР.

Список источников и литературы

Валиди А.З. Воспоминания. Книга 1. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1994. 400 с.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. С. 56-62.

Еркеева Ю.В. Исторический опыт партнерства государства и общественных организаций в борьбе за народную трезвость // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 6. №6, Часть 1, 2014. С. 56-62.

Мигранова Э.В. Традиционная система питания башкир: На материалах юго-западных и юго-восточных районов Республики Башкортостан. [Текст]: дис.... канд. ист. наук (07.00.07) / Мигранова Эльза Венеровна. – Уфа, 2003 – 282 с.

Мухтаров Т.Г. Алкоголизация башкирского общества в XVIII-XIX вв. // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 45-50.

Назарова Е.Н., Калашников И.А. Кумыс и его лечебные свойства // Зоотехния. 2015. №1 (38). С. 46-50.

Никольский Д.П. Из поездки к лесным башкирам. М., 1985

Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №1 (216). История. Вып. 43. С. 39-45.

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Часть II. Быт башкир. Л., 1925. 333 с.

Пельков Д.Е. Первые народные дома в Уфимской губернии (1895-1897 гг.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012/3 (31). С. 160-163.

Попов Н.П. Сколько мы пьем и почему? [Электронный ресурс]// Мир измерений. М., 2008. Режим доступа: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/Popov/SkilkoPyem.htm>

Прыжов И. История кабаков в России. М.: Ид «Дейч». 2006. 446 с.

Такала И.Р. «Веселие Руси». История алкогольной проблемы в России. СПб: Издательство «Журнал Ева». 2002. 336 с.

Травер П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре // История и современность, № 1, 2013. С. 90–109.

Yashkin, Arseniy Pavlovich. The Dynamics of Alcohol Consumption in the Russian Federation: Implications of Using Price Related Policies to Control Alcohol Use (2013). Graduate Theses and Dissertations. URL: <https://scholarcommons.usf.edu/etd/4968>

З.Ф. Хасанова
Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева УФИЦ
РАН,
г. Уфа, Российская Федерация
**Этническая история башкир-катайцев на территории инзерского
бассейна**

Z.F. Khasanova
R.G. Kuzeev Institute of Ethnological studies,
Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
Ethnic history of the Bashkir Katai in the Inzeri basin

The article deals with the history of the formation of the Bashkir tribe Katai consisting of six clans: Inzer, Kuzgun, Idel-Katai, Ulu-, Bala- and Yalan-Katai, in the formation of which different clan divisions took part, has a long history of development. R.G. Kuzeev associated the origin of the tribe group Katai (Kytai, Ktai) with the tribes of Mongolian origin Kara-China, or Khitan, known from the III – IV centuries.

Keywords: Bashkirs, Katais, Inzer basin, ethnic history.

Этническое ядро башкир инзерского бассейна составило одно из крупнейших северо-восточных племен *катай* (*kamai*), состоящее из шести родов: инзер-, кузгун-, идель-катай (западные, или горно-лесные, катайцы), улу-, бала- и ялан-катай (восточные, или зауральские, катайцы). Данное родоплеменное объединение, в формировании которого участвовали разные, в том числе и неродственные родовые подразделения, имеет многовековую историю развития.

Р.Г. Кузеев происхождение родоплеменной группы катай (кытай, ктай) связал с племенами монгольского происхождения кара-китаями, или киданями, известными с III–IV вв. до монгольских завоеваний и позже, доказывая это положение анализом «катайских» тамг в составе разных народовогромной территории от Алтая до Урала (башкиры, киргизы, узбеки, каракалпаки, ногаи) [Кузеев, 2010. С. 213]. Киданьские племена жили на юго-востоке современной территории Внутренней Монголии вплоть до X в., контактировали с Тюркским каганатом, гуннами, однако, по словам Р.Г. Кузеева, этнические смешения не изменили их монгольского облика [Кузеев, 2010. С. 214].

В X в. возникает государство киданей (Ляо), которое просуществовало до XII в. после падения которого большая часть населения, стремясь восстановить на другой территории былую мощь империи, направилась на запад, в Семиречье, где стала называться кара-

киданиями, или кара-китаями. Здесь с центром в Баласагуне они создали государство Си Ляо (Западное Ляо). Их империя просуществовала до начала XIII в. и была завоевана Чингисханом. Часть кара-китаев, очевидно, влилась в армию монголов, остальные бежали в степи [Янгузин, 1998. Б. 78].

В этническом формировании катаяцев участвовали и найманы, происхождение которых до сих пор остается дискуссионным. Найманы не позднее XI в. расселились по Хангайскому нагорью и в долине Черного Иртыша, однако в XII в. были разбиты Чингисханом, бежали на запад к кара-китаем. Произошло их смешение, о чем свидетельствуют одинаковые *тамги* (родовые знаки); в XII – начале XIII вв. процесс тюркизации кара-китаев завершился. Кроме того, в этот период в этнической истории киданей (кара-китаев) на их новой родине, на территории Средней Азии заметную роль сыграло тюркоязычное племя аз (кочевники, которые в начале VIII в. были расселены на Алтае и Саянах) [Кузеев, 2010. С. 216].

Кыпчакское влияние на кара-китаев происходило в несколько этапов. Сила кыпчакского влияния заметно возрастает с переселением в начале и середине XIII в. уже тюркизированных кара-китаев в Дешт-и-Кыпчакские степи. Таким образом, этническая история кара-китаев, по крайней мере начиная с первой четверти XII в., связана с тюркской средой, в которой преобладали найманы, азы, кыпчаки, хотя значительным могло быть и влияние уйгуров и карлуков. В этнической характеристике башкир-катыцев, особенно в хозяйственной деятельности, до настоящего времени отчетливо прослеживаются черты, связывающие их с Алтаем, Южной Сибирью, Средней Азией (кочевое скотоводство, таежный метод охоты, архаичные способы рыболовства, традиции собирательства и т.д.). В прикладном искусстве наблюдаются одинаковые рогообразные и спиралевидные фигуры, бегущие волны и производные мотивы [Шитова, 1976. С. 57].

Этногенетические связи башкирского народа с современной территорией Монголии, Сибири, Алтая, Казахстана не оставили без внимания антропологов [Руденко, 1916; Акимова, 1971. С. 42–43; Юсупов, 1989; Бикбулатов, Юсупов, Шитова, Фатыхова, 2002. С. 22–46], археологов [Мажитов, Султанова, 2009. С. 252], лингвистов [Ураксин, Ишбердин, 1971. С. 275–277].

С XII в. судьба кара-китаев и найманов была тесно связана с салджиутами монгольского происхождения, которые вместе с племенами татар, дурбан и катакин выступили против Чингисхана. После нового разгрома монголами салджиуты вместе с наймано-катыскими племенами, в недрах которых они подверглись тюркизации, ушли из Семиречья в Дешт-и-Кыпчак. Таким образом, в XII в. происходит смешение кара-китаев

и найманов с салджиутами монгольского происхождения, в результате чего последние растворились в общей тюркской среде.

До миграции в Башкирию предки катаяцев и сальютов (этнически восходят непосредственно к салджиутам) кочевали вблизи Кавказа, по рекам Волга и Дон [Кузеев, 2010. С. 218]. В предании, которое записал в конце XIX в. Л. Берхгольц у инзер-катаяцев, говорится, что «...лет около тысяч тому назад башкиры вышли в Россию откуда-то из-за Кавказа, причем часть приплыла на судах, часть шла берегом. Сначала (несколько столетий) они жили на юге, по рр. Волге и Дону и в степях до Крыма, ходили несколько раз под Москву». Он также говорит, что «...когда же башкиры стали теснить, они перешли за Волгу и понемногу отступали на восток, по рр. Каме и Белой, до мест настоящего пребывания. По переходе Волги они разделились на роды. Каждый род управлялся своим царьком-ханом. Таких родов или ханств было гораздо больше ста» [Берхгольц, 1893. С. 75–76].

На территории Башкирии предки катаяцев и сальютов могли поселиться не ранее начала второй половины XIII в. в общем потоке движения кыпчакских кочевников. В области среднего течения р. Белой и низовьев р. Инзер часть катаяцев и сальютов появились в конце XIV в. во время их массовой миграции с Приуралья в период «большой войны» Тохтамыша и Тимура. Основная часть катаяцев кочевала на севере в районе р. Быстрый Танып, с последующим их перемещением в Зауралье.

Позднее катаяцы со среднего течения р. Белой и низовьев р. Инзер были оттеснены табынцами на среднее и верхнее течения р. Инзер и вышли оттуда к верховьям р. Белой, где произошел контакт с древнебашкирскими племенами, которые в дальнейшем были ассимилированы ими. Некоторые роды катаяцев (роды кузгун и идель), осевшие в верховьях р. Белой, в последующем сильно смешались с северными тамьянцами и зауральскими табынцами. Кроме того, к кузгун-катаяцам присоединились группы тюркоязычных кочевников, пришедших из Западной Сибири и Казахстана. Этим объясняется бытование среди части кузгун-катаяцев (д. Нижнее Серменево Белорецкого района*) преданий о приходе их предков с востока, с Иртыша, с сибирских просторов. В целом смешение кузгун- и идель-катаяцев с зауральским табыно-тамьянским и другим населением заметно сказалось на языке и культуре. Эта часть катаяцев по этноязыковым признакам ближе стоит к своим восточным соседям, чем к сородичам на Инзере, которые сохранили многие архаичные черты в этнической характеристике, прежде всего фонетические особенности в языке [Кузеев, 2010. С. 224].

*В разное время населенные пункты на изучаемой территории назывались то селами, то деревнями.

По Р.Г. Кузееву, катаяцы, пришедшие в конце XIV в. и обосновавшиеся в среднем и верхнем течении Инзера и верховьях Белой, оставались на данной территории и в последующем [Кузеев, 2010. С. 225].

Наиболее ранние сведения о родовом делении племени катая содержатся в работе П.И. Рычкова, где автор племя делит на идель-, кашен-, инзер-, кузгун-катаяцев [Рычков, 1762. С. 96]. Однако, по мнению Р.Г. Кузеева, кашен в действительности – это родовое подразделение рода кузгун-катай.

Родоплеменная структура инзерских башкир, как и многих других тюрко-монгольских народов, является многоступенчатой. Башкирские племена (*кэбилэ*) состояли из родов (*ырыу, аймак*), а те, в свою очередь, из более мелких родовых подразделений (*ара, аймак*) [Кузеев, 2009. С. 131].

По всей катаяской группе зафиксировано 160 названий родовых подразделений, при этом подавляющее большинство (132) – катаяские по происхождению. Основные родовые подразделения родов: инзер-катай, идель-катай, кузгун-катай: ассы, баймиш, мамипан, калмак, аю, туркмен, доувар, урюк, табан, харыста, юанбляк, салбыр, буртэн, куян, кукбаш, карга, карып, харыста, шукэй, шабида [Кузеев, 1957. С. 53].

Выражением единства рода у башкир в прошлом являлась общеродовая тамга. Характерная их черта у башкир – наследственность. Исходя из тамги рода менялись знаки родовых подразделений, точно так же, как семейные. Среди катаяских башкир зафиксировано 155 тамг, у собственно катаяцев – 116, у салбютов – 19 [Кузеев, 2010. С. 212]. Господствующими тамгами у инзер-катаяцев являлись Г, Т (схематическое изображение инструмента *балга* для выдалбливания бортей) [Асфандияров, 2009. С. 80].

Сыновья наследовали тамгу отца, но так как она служила знаком семейной собственности, то выделившиеся из семьи сыновья несколько изменяли ее. Младший сын, обычно остававшийся в доме отца, наследовал отцовский знак без изменения, так же, как и его имущество. По Д.И. Соколову, у башкир существовало 5 способов изменения тамги [Соколов, 1904. С. 21]. Для башкир-катаяцев характерен в основном диакритический способ – самый обычный, когда на наследственную тамгу добавляется черточка, которая может присоединяться к любой ее части (верхней, нижней или по центру).

В прошлом башкиры инзерского бассейна пользовались тамгами для таврения скота, бортовых деревьев; некоторые башкиры ставили ее вместо подписи [Кузеев, 1957. С. 76–77]. В архивных документах ЦИА РБ начала и середины XIX в. сохранились родовые тамги многих деревень инзер-катаяцев, кузгун-катаяцев, идель-катаяцев, которые ставили тамги вместо подписи [ЦИА РБ И-99. Оп. 1. Д. 15; И-99. Оп. 1. Д. 24.]. Родовые тамги, по словам информаторов, вышли из употребления в 20–30-е годы XX в.,

однако многие старожилы до сих пор помнят их начертание [Хасанова, 2014, С. 24].

У башкир-катайцев кроме родовой тамги к родоплеменной символике относились: боевой клич *оран*, тотемное дерево и птица, которые, по преданиям, были пожалованы Чингисханом [Соколов, 1904. С. 25].

На южно-уральских землях катайцы вступили во взаимодействие с тамьянцами – одним из наиболее древних башкирских племен. Истоки истории тамьян уходят в сложный этногенетический мир Алтайско-Саянского края. Тамьянцы являются этническими наследниками древних монгольских племен. По преданиям тамьянцев, их предки жили в Приуралье в верховьях Демы. Отсюда они примерно в конце XII в. переместились на южную излучину р. Белой. Большинство тамьянцев в XIV в. углубилось в горно-лесную зону Урала по соседству с катайцами. Остальные закрепились на старых местах, а именно на южной излучине Белой, в устье Нугуша. Эта часть тамьянцев подверглась сильной кыпчакизации.

В XV–XVI вв. из горно-лесной части Урала тамьянцы выходят в Зауралье. В XVI–XVIII вв. образуется обратный тамьянский поток эмиграций на Нугуш, Дему, Уршак и далее на юг. Вернувшиеся на земли предков тамьянцы еще в прошлом веке активно общались с зауральскими соплеменниками, ездили за сотни километров друг к другу в гости; некоторые группы вновь переселились в Зауралье к сородичам, так как на р. Деме, например, они оказались на положении припущенников [Кузеев, 1957. С. 112].

В XVII–XIX вв. тамьянцы в этнографическом отношении подразделялись на южных и северных. Южные тамьянцы жили по среднему течению р. Белой и в низовьях р. Нугуш, северные – в верховьях р. Белой и в Зауралье. В эпоху Средневековья племя тамьян являлось одним из наиболее мощных и многочисленных объединений башкир. Кузгун-катайцы и идель-катайцы тесно контактировали с северными тамьянцами. Племя тамьян делится на роды: куян, милит, масагут, тамьян [Камалов, 1997. С. 208–244].

Назовем населенные пункты указанного района, в которых живут в настоящее время потомки племени катай: Арышпарово, Габдюково, Зуяково, Ассы, Инзер, Усмангали, Азикеево, Кузгун-Ахмерово, Азналкино, Новохасаново, Татлы, Нукат, Манышта, Суир-Аисово, Колмас, Сафаргулово, Бирештамак, Бриш, Бердагулово, Картале, Кадыш, Верхнее и Нижнее Серменево, Гадельша, Реветь. Населенные пункты, в которых расселены потомки племени тамьян: Кагарманово, Мухаматово, Шигаево, часть Уткалева, Серменево, Азнагулово, Хусаиново, Узьянбаш, часть Азналкино, Исмакаево. В деревне Уткалево Белорецкого района родовая принадлежность до сих пор четко прослеживается, и в данном населенном пункте существуют два кладбища: одно для катайцев, а другое для

тамьянцев. В деревнях Мулдакаево и Искушта живут потомки племени кудей (*кәҙәй*), в с. Абзаково потомки племени табын (*табын*). В населенных пунктах Бакиево, Хайбулла (*һаралы*), Уметбаево (*мүскә*) – потомки племени кипчак (*кыпчак*).

Список источников и литературы

Акимова М.С. Этногенез башкир по данным антропологии // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 38–43.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.

Берхгольц Л. Горные башкиры-китайцы // Этнографическое обозрение. М., 1893. № 3. С. 74–84.

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура: монография Уфа: Башк. энцикл., 2002. 248 с.

Камалов А.А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: Китап, 1997. 384 с.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Китап, 2009. 264 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2010. 560 с: ил.

Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 183 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 1994. 360 с.: ил.

Хасанова З.Ф. Традиционные хозяйственные занятия башкир инзерского бассейна (середина XIX – начало XXI в.). Санкт-Петербург: ООО «Свое издательство», 2014. 186 с.

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. I. Физический тип башкир. Пг., 1916.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1. СПб.: Акад. наук, 1762. 332 с.

Соколов Д.Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 13. Т. 3. Оренбург, 1904. С. 1–93.

Ураксин З.Г., Ишбердин Э.Ф. Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 275–277.

ЦИА РБ И-99. Оп. 1. Д. 15; И-99. Оп. 1. Д. 24.

Шитова С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир в XIX – начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 49–96.

Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л., 1989. 198 с.

Янгузин Р.З. Башкорт кәбиләләре. Кыскаса тарихи-этнографик очерктар. Өфө, 1998. 95 бит.

Г.Р. Шагапова
Институт истории и государственного управления БашГУ
Уфа, Россия
**Альчики: археологические и этнографические материалы
Южного Урала**

G.R. Shagapova
Institute of History and Public Administration BSU
Ufa, Russia
**Alchiki: archaeological and ethnographic materials of the Southern
Urals**

Annotation. The report examines toys made of bones. They are known as aichiki. The game was popular half a century ago. In the materials of the excavations they are recorded from the Bronze Age. The author comes to the conclusion that the games of alchika appeared in human culture long before the appearance of the peoples of the Turkic and Altai language family.

Keywords. The game, aichiki, bronze age, Turks, Mongols.

Аннотация. В докладе рассматриваются игрушки из костей. Они известны как альчики. Игра в полевых была популярной еще полстолетия назад. В материалах раскопок они фиксируются с эпохи бронзы. Автор приходит к выводу, что игры альчики появились в человеческой культуре задолго до появления народов тюркской и алтайской языковой семьи.

Ключевые слова. Игра, альчики, бронзовый век, тюрки, монголы.

В рамках доклада ограничимся обзором археологических и этнографических материалов Южного Урала по широко распространенной игре тюркских и монгольских мальчиков в кости, более известная как альчики или ашык. В мировой и отечественной литературе имеется большое количество работ, посвященных играм в кости. Доказано культовое происхождение игры, неплохо описаны материалы археологических находок. Много внимания ей уделяла индианистика, так как письменные источники по Древней Индии оставили подробное описание игр. Самое древнее свидетельство костей, являющихся прообразами современных кубиков, датируется третьим тысячелетием до нашей эры и встречается в царской гробнице шумерской династии Ур. XX веком до н. э. датируются аналогичные находки в гробнице Рамзеса II, упоминаются они в «Ригведе» и «Махабхарате» [Морозов, 1992. С. 61-66]. Таким образом, игра в кости известна человечеству как минимум пять тысячелетий

Приведем описание игры в альчики, опираясь на полевые и опубликованные материалы. Развлекались ею исключительно мальчики в

возрасте от 5-6 лет до 12-13 лет. Как правило, использовали кости мелкого рогатого скота. Суставные кости тщательно очищали, отмывали, практически отполировывая их. Чаще всего они были первозданного белого цвета, но эпизодически встречается информация о раскрашивании костей. Что означали цветные кости – не ясно. Но главную фигуру – биты – могли красить сажей в черный цвет. Ее и изготавливали особо, делая в кости маленькую дырочку для заливки свинца. Тяжелая, она наверняка сбивала кости при ударе. Впрочем, имеются сведения, что использование таких бит в игре не поощрялось окружающими.

В альчиках четыре стороны: и каждая из них имеет свою «стоимость»: самое выгодное положение – верхняя боковая вогнутая сторона косточки (как правило, во многих тюркских языках обозначается словом *алсы*); противоположная положению кости – тыльная сторона *бук*, противоположная положению кости «бук», наименее выгодная сторона впаляя, именуемая *сик*, *шикё*, противоположная положению алсы сторона – *туй* (туй). Наши полевые материалы по башкирам и татарам РБ свидетельствуют, что еще в послевоенное время игра была чрезвычайно популярна среди мальчиков. «Шили специальные мешочки для ашых, нередко прятали их, плакали, когда они терялись. А сколько было обиды и досады, когда проигрывались!» Мы записали аналогичные игры у русских, марийцев и удмуртов РБ. [Полевые материалы автора...] Таким образом, однозначно можно сделать вывод, что не далее, как в середине XX века альчики еще фиксировались у народов Урала и Поволжья.

Фольклорные материалы тюрков свидетельствуют, что удачные игроки отмечались как бы печатью небес. Например, у башкир есть пословица: «У него альчики всегда алсы», - что означало: «Ему всегда везет, фортуна к нему благосклонна». У каракалпаков есть пожелание: «Пусть всегда твой альчик примет стойку алшы» [Нурмухамедов, 1983. С. 55].

Обратимся к материалам региональной археологии. Археологические публикации последних десяти лет лишь в одном случае уверенно говорят о детских игрушках альчиках. На Южном Урале находили в погребениях кости животных, явно значимые для погребенных при жизни. Статья докт. ист.н. Ю.А. Морозова, в которой он рассматривает некрополь срубной культуры, уделяет внимание астрагалам, найденным в захоронениях. «В серию костяных изделий мы включили астрагалы, используемые, вероятно, для игр в кости. В кургане 90 в погребениях были найдены три альчика около сосуда, расположенного у северо-восточной стенки. В пятом погребении 106 кургана астрагалы в один ряд располагались вдоль южной стенки могил. А в погребении девятом этого же кургана обнаружено 5 астрагалов, лежащих между сосудами у северной стенки.

Игры с астрагалами, как отмечают многие исследователи, имели особое ритуально-магическое направление. Эти игры могли дать обилие молочных продуктов, корма для скота, увеличить поголовье скота, обеспечить здоровье людей. Подобные игры с альчиками были особенно распространены у скотоводов. Нахождение их в погребальном инвентаре связано с тем, что по представлениям населения срубной общности, человек, как служитель культа, занимавшийся при жизни манипуляциями с астрагалами, должен это делать и в загробном мире. В нашем случае астрагалы обнаружены в трех детских захоронениях.» [Морозов, 2009. С. 75]

Второй зафиксированный факт относится к позднебронзовому времени «Особой категорией находок являются астрагалы крупного рогатого скота со следами обработки. В кв.Д-16 (колодец №4) был обнаружен астрагал со сквозным отверстием в одном крае...Еще один астрагал со сквозным отверстием найден в кв. И-15 (горизонт 3). Отверстие располагалось в центре кости... Наиболее интересной находкой из данной серии является орнаментированный астрагал, происходящий из кв. Е-18. Орнамент состоит из ряда заштрихованных треугольников проходят две параллельные линии. Орнамент выполнен аккуратно, с соблюдением композиции. Способ нанесения орнамента резной. Следует обратить внимание, что данный орнамент в точности повторяет орнаментальные композиции, присутствующие на сосудах раннеалакульской (петровской) и алакульской культур...Прямых аналогий описываемому астрагалу не найдено». [Сунгатов, Бахшиев, 2008.С. 55-56].

В личной беседе археологи отмечают, что игрушки надо отнести к крайне редким находкам, поскольку редкими являются детские захоронения, а если таковые имеются, то сопроводительный инвентарь крайне беден.

Пожалуй, описанные два примера и есть находки и игрушек на Южном Урале вообще, и альчиков в частности. Но, тем не менее, можно сделать два наблюдения.

Во-первых, игра в кости появилась задолго до оформления алтайской языковой семьи, куда входят тюрки и монголы. По-видимому, ритуал, имея прямое отношение к скотоводству, появляется в культуре во время доместикации человечеством мелкого рогатого скота. Со временем ритуал изживает себя, переходит в разряд игры, но устойчиво сохраняется в детской культуре. Тюрки и монголы, будучи скотоводами, включают игру в свой репертуар, сохранив понимание сакральности действий.

Во-вторых, игра, будучи чрезвычайно популярной и азартной, сохранилась у многих народов Южного Урала вплоть до 50-60-х годов XX века, о чем однозначно свидетельствуют полевые материалы.

В-третьих. Благодаря усилиям археологов второй половины XX века археология Южного Урала чрезвычайно хорошо изучена. (Нельзя не отметить, что огромная заслуга здесь принадлежала доктору исторических наук, академику Н.А. Мажитову). Отсутствие в огромном массиве материалов археологических раскопок игрушек древних жителей Южного Урала свидетельствует о том, что и в дальнейшем их число будет невелико. Тем большее значение приобретает даже эпизодические находки подобного рода.

Список литературы

Морозов И. А. Кости игральные: история, культурология, символизм, виды игр // Апокриф, 1992, №2. – С. 61-66.

Морозов Ю.А. Отражение социальной дифференциации в погребальном обряде срубного Старо-Ябалаклинского курганного могильника. / Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – С.75.

Нурмухамедов М.К. Игры в альчики у каракалпаков. // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. – Нукус. - №1 (9) - 1983. – С. 54 – 60.

Полевые материалы автора 2010, 2016гг., Шагапов А.И., 1934 г.р., Чекмагушевский р-н РБ; Полевые материалы автора 2013 г., д. Арлан, д. Можары краснокамского р-на РБ; Полевые материалы автора 2010г., д.Арибашево Татышлинского р-на РБ.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи бронзы Олаир / Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. II. – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008 .

Р.З.Ширгазин
Уфа, Россия

История создания Общества по изучению Башкирии¹⁸

R.Z. Shirgazin
Ufa, Russia

History of the creation of the Society for the Study of Bashkiria

Abstract. Due to the lack of specialists in natural science specialties in the national intelligentsia, voluntary local history societies were given priority development as the most expedient forms of association for solving urgent problems in the field of education and national culture. The Society for the Study

¹⁸ Статья написана при содействии гранта РФФИ 18-411-020025.

of Bashkortostan aimed to study the life, culture and history of Bashkortostan and to involve in this work the best scientific forces of the republic, as well as experts of the region and history of Bashrepublic, who are outside the BASSR. The training of personnel, the cultivation of scientific forces, mainly from among the youth and, first of all, from the national personnel in our conditions was one of the priorities of society. Local history, in its essence, should have been developed by people who grew up in this area, who sometimes knew the fine features of this region - in a word, possessing such information that people from other regions could not have. It was necessary to organize them, to interest, to put in normal material, moral and social conditions. They could not immediately give first-class works, but they presented materials for scientific generalizations, an atmosphere, without which it was impossible to interest the broad masses in this or that work.

Keywords: regional studies, the Society for the Study of Bashkiria, scientific national personnel, publications in the Bashkir language.

Еще с прошлых времен ученые - исследователи живо интересовались судьбой и положением нашего края. В течение многих столетий и десятилетий накопился огромный материал по изучению Башкирии. Однако для полного и всестороннего освещения жизни требуется непрерывность исследования наиболее важных жизненных источников и ресурсов края [Носков, 1926. С. 10]. Для того времени были характерны поиски новых форм организации науки, ее связь с развитием экономики и культуры Башкирии. Ввиду отсутствия в составе национальной интеллигенции специалистов по естественно-научным специальностям преимущественное развитие получили добровольные краеведческие общества, как наиболее целесообразные формы объединения для решения неотложных задач в сфере образования и национальной культуры. В этих целях 16 февраля 1922 года постановлением ЦИК БАССР при научном отделе Наркомпроса было учреждено Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии [НА РБ. Ф. 394. Оп.1. Д. 37. Л.1]. Общество ставило целью изучение быта, культуры и истории Башкирии, и привлечение к этой работе лучших научных сил республики, а также знатоков края и истории Башреспублики, находящихся вне БАССР.

Аналогичные общества создавались и в других регионах России. Так, 30 ноября 1922 года начинает свою работу Общество по изучению удмуртской культуры. Выражалось это в призыве к изучению истории, культуры и быта удмуртов, постановке этих материалов на научную основу, поскольку никакого подобного учреждения в Удмуртии ни в царское, ни в первые годы советской власти не было. Научное изучение удмуртов было в основном уделом энтузиастов [Куликов, 1990. С. 97]

Общество изучения местного края (Чувашия) было создано 12 февраля 1921 года в Чебоксарах при Чувашском центральном музее объединения краеведов Чувашии для изучения местного края, распространения научных сведений о нем, ознакомления чувашского населения с жизнью и культурой народов страны. Потребность во всестороннем изучении многополесных проблем молодой Чувашской автономии при отсутствии научных учреждений определило широкий диапазон исследований краеведческого общества [Краткая чувашская энциклопедия, 2001. С. 12]

Подготовка кадров, выращивание научных сил, главным образом, из среды молодежи и, в первую очередь, из национальных кадров в наших условиях являлось одной из первоочередных задач общества. Так, немногочисленный состав заинтересованных сил, который вел повседневную незаметную работу в области изучения края, был слишком разрозненным и не имел единого руководства. Использование этого немногочисленного количества сотрудников, главным образом, работников просвещения, врачей, агрономов и т. д., и вовлечение широких слоев, трудящихся в активную краеведческую работу явилось другой, не менее важной задачей Общества [Сюнчелей, 1927. С. 3]. Необходимо было также подготовить кадры местных исследователей. Краеведение, по своей сути, должно было разрабатываться людьми, выросшими в этой местности, хорошо знающими порой мелкие особенности данного края — словом, обладающими такими сведениями, каковых не могло быть у людей из других регионов. Нужно было их организовать, заинтересовать, поставить в нормальные материальные, моральные и общественные условия. Они не могли дать сразу первоклассных работ, но представляли материалы для научных обобщений, атмосферу, без которого невозможно было заинтересовать в той или другой работе широкие массы [Носков, 1926. С.9]

Всестороннее изучение нашего края, равного по своей территории трем прибалтийским государствам, требует и большое количество научных сил, знающих местную жизнь, местную природу, язык народностей, населяющих его. Издание и распространение научной и научно-популярной литературы, освещающей природу, быт и историю многонациональной республики, и содействие к созданию башкирской художественной литературы, с одной стороны, и собиранию народного творчества - с другой, а также изучение башкирского языка, имеющего в практическом применении своем несколько наречий с богатым лексиконом и красотой оборота речи, являлось также важной и не последней задачей. Общество издает периодические сборники - «Башкорт аймагы» (на башкирском языке) и «Башкирский краеведческий сборник» (на русском языке). Изучение края сводится к следующему: во-первых, сбор

практического материала, освещающего деятельность Общества и других краеведческих исследовательских организаций, а также отдельных краеведов, и фиксирующих достижения в области изучения Башкирии; во-вторых, сбор всего краеведческого материала (очерки, программы, инструктируемые письма, библиографии и т. д.), способствующего начинающим молодым краеведам ориентироваться в работе по изучению местного края. Любому научному исследованию какой-либо местности должно было предшествовать изучение материала, который был ранее собран. Какова бы ни была работа — индивидуальная или коллективная, в основу ее должна быть положена предварительная литературная подготовка. Необходимо было способствовать дальнейшему изучению того, что уже сделано раньше (описание флоры, фауны, климата, почв, добывающей и обрабатывающей промышленности, современного состояния населения, изменений поселений во времени и пространстве).

Ясно, что всестороннее изучение даже одной народности, населяющей АБССР, как пример башкир (коренных жителей), занимающихся в народном хозяйстве (по районам), различное экономическое положение — от кочевого скотоводства до культурного ведения сельского хозяйства, даже изучения одних их, как производственной силы, представляет большой интерес [Сюнчелей, 1927. С.3.].

В сентябре 1922 года научный отдел Наркомпроса БАССР был реорганизован в Академический центр. В круг его обязанностей входило: а) разработка программ и методика преподавания, относительно к местным условиям; б) составление учебников и пособий для школ; в) организация научных экспедиций, созыв научных конференций; г) руководство научными обществами и создание новых. Для организации поставленных задач Академцентр объединил вокруг себя лучших преподавателей национальной интеллигенции. Для того времени были характерны поиски новых форм организации науки, ее связи с развитием экономики и культуры республики. Значительная заслуга Академцентра и Общества по изучению Башкирии заключалась в консолидации имеющихся в республике национальных научных и культурных сил для решения первоначальных задач народного образования и культурного строительства [НА РБ. Ф. 394. Оп.1. Д. 37. Л. 2]

Бюджет Общества формировался из следующих источников: а) госсубсидий, б) поступлений от продаж изданий Общества; в) членских взносов. Разумеется, первое место в числе этих источников занимала государственная субсидия. Так, в бюджете Общества за 1927-1928 годы госсубсидия составила 99,4% из общей суммы прихода в 10287 рублей, поступления от продаж изданий 0,3% и членские взносы 0,3% из той же суммы [Сюнчелей, 1930. С. 100].

Первоначально в Обществе состояли математик и педагог Г. Сулейманов, выдающийся ученый востоковед Р. Фахретдинов, этнографы и фольклористы М. Бурангулов, Х. Габитов, С. Мрясов, члены коллегии Наркомпроса А. Юмагузин, и Дж. Амиров. Почетными членами Общества являлись поэт М. Гафури, артист и режиссер В. Муртазин, ученые-востоковеды В.В. Бартольд и А.А. Диваев, этнограф С.И. Руденко. Плотно сотрудничали лучшие культурные силы республики — журналисты и писатели, преподаватели учебных заведений, учителя [НА РБ. Ф. 394. Оп.1. Д. 37. Л. 4].

В первые годы своего существования Общество, не имея необходимых средств к осуществлению намеченных им планов, занималось собиранием материалов по краеведению и изданию их при материальной поддержке различных организаций. Культурно-просветительская работа Общества выразилась в организации ряда докладов на различные темы, освещении истории, быта и природных богатств края, а также по изучению языка и литературы. В 1923 годах при Обществе начали функционировать естественно-географические и историко-этнографические секции и тюркологическая комиссия [Сюнчелей, 1927. С. 80].

Таким образом, Общество по изучению Башкирии было создано в результате естественного желания умов Башкирии, стремившихся обратить внимание на коренные народы России. Основной целью этой политики являлась стратегическая задача по ускорению социально-экономического развития колониально угнетенных народов. Общество сознавало трудность этой работы, но вполне надеялось, что совместными усилиями немногочисленных кадров ученых сил местных краеведов и широких слоев, трудящихся деревни и города, при материальной поддержке общественных и государственных организаций АБССР, задачи, стоящие будут успешно выполнены [Сюнчелей, 1927. С. 3.].

Список источников и литературы

Вахитов Г.Н. О средствах общества// Материалы общества по изучению Башкирии. Под ред. Ш.Х. Сюнчелея. Башкирский краеведческий сборник № 4, 1930. С. 87–121.

Краткая чувашская энциклопедия. Редкол.: А.А.Трофимов и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 525 с. с. 12.

Куликов К. И. Удмуртская автономия: этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, Удмуртия, 1990. 205 с. 97 стр

Национальный архив Республики Башкортостан. (НА РБ). Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 1

Носков А.К. Задачи краеведения (К вопросу о научном изучении Башкирии). Материалы общества по изучению Башкирии. Под ред. Ш.Х. Сюнчелея. Башкирский краеведческий сборник. № 1. 1926. С. 6–16.

Сюнчелей Ш.Х. Наши задачи// Материалы общества по изучению Башкирии. Под ред. Ш.Х. Сюнчелея. Башкирский краеведческий сборник. № 2, 1927. С. 2–90.

У.Р. Шнанов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан

Историческое значение тамги как символа тюркских народов

U.R. Shnanov

Eurasian National University n. L.N. Gumilev
Astana Kazakhstan

In this paper, along with different variants of the word «tanba», it is said about the territory of their distribution, the opinion about common signs of symbols for the Turkic peoples. Research rodo-tribal marks also gives the opportunity to trace the history relations, relations between the two brotherly peoples.

The article gives conclusions about the relationship between the signs - symbols Bashkir and Kazakh peoples, based on the research of scientists R. G. Kuzeyeva, Aristova, M. Tynyshpaeva. Finds confirmation of the hypothesis N.A. Aristova, with S. A. Yatsenko, that the history of the birth of tribal signs-symbols associated with the emergence of private property and religious and mythological concepts.

Key words: tamga, sign, turkic peoples, genus, symbol, private property, mythology, bashkir, kazakh, legend.

Родо-племенные знаки являются общими для тюркских и монгольских народов символами. География распространения символов довольно широка. Родо-племенные знаки (тамга) нашли широкое распространение у казахов, киргизов, башкир, карачайцев, балкар, осетинов, ингушей и других. Н.А. Аристов, в XIX веке исследовавший знаки-символы, в своих трудах отметил их сходство с тату молодежи Северной и Южной Америки, Калифорнии.

Понятие «знаки» обозначает особенный символ, дающий определенную информацию о мироощущений тюркских народов. С историко-филологической точки зрения научно полно обоснован тот факт, что слово «тамга» тюркско-монгольского происхождения. В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова слову «тамга» дается следующее

толкование: «Тамга» (тюркско-монгольское)... 1) знак собственности, имевший распространение у монгольских скотоводов. Ставился на деревьях, оружии, на коже (шкурах) животных и др... 2) Денежный налог, взимающийся с торговли, ремесла, различных промыслов в некоторых странах Востока и в России после монгольского нашествия XIII в. Существовал до XVI- XVII вв. Ученый здесь же высказывает мнение, что появление этого понятия исторически связано с появлением частной собственности. У слова «тамга», берущей истоки из тюркского и монгольского языков, есть своя собственная многовековая история формирования и глубокое значение. Ученый-филолог Ш. Бекмагамбетов дает следующее пояснение этому термину: «Символ, обладающий собственной генеалогической основой», предметно говоря, определенно характерный для народа, обозначающий общее для человечества считающееся священным, святым понятие, обычно имеющий подтекст, многоплановое понятие, символический образ». [3.11-12]. Исследование родо-племенных знаков проливает свет не только на историю казахского народа но и историко-родственные связи тюркских народов.

Н.А. Аристов в своих исследованиях доказал, что говоря о значении истории родо-племенных символов, можно проследить историческую связь между тюркоязычными народами. Об этом он писал так: «... тамги, особенно когда они будут собраны и изучены у возможно большого числа тюркских племен и народностей, сохраняющих кочевой образ жизни и родовой быт, – могут служить весьма важными указателями этнического состава племен и родов» [4.181].

В начале XX века среди алашевцев, защищавших национальные интересы, М. Тынышпаев обратил внимание на необходимость исследования истории родо-племенных знаков (тамга). Он приводит доказательства похожести знаков между киргизскими (казахскими) и татарскими, киргизскими и башкирскими, кыпчакскими. Взгляд М. Тынышпаева в данном вопросе по отношению к мнению предыдущих ученых всегда отличался критичностью. Например, возражая мнению Н.А. Аристова, что у якутов не встречаются знаки-символы, цитирует слова Качнека «у якутов изредка встречается такой феномен». М. Тынышпаев пытается доказать это. «Из слов Аристова следует, что у якутов тамг нет; обстоятельство нас несколько смущающее; утверждение Качнева, что ему лично приходилось видеть тамги □, [, ○, С, хотя оговаривается, что их вообще мало» подтверждает правоту взглядов М. Тынышпаева. М. Тынышпаев утверждая, что «Народ утративший письменность, конечно, утратит и родовые тамги» указывает на одну из причин исчезновения тамги у якутов [5.12].

У многих племен казахов очень часто встречается знак круглая луна, как и у якутов. Похожесть символов у казахов и якут наводит на мысль о

возможной исторической связи между народами. Историк – этнограф Ж.О. Артыкбаев, исследовавший лирическую поэму «Козы-Корпеш – Баян сулу» с исторической точки зрения, имя главного героя «Баян» связывает со словом «байана» и приходит к следующему заключению: «Этнографические источники доказывают, что образ «байана» широкое распространение получил не только у телеутов, но и челкарцев, кумандицев, шорцев, якутов, бурят, калмыков, монголов. В казахском языке понятие «бәйтерек», «бәйшешек», «байғыз», «бәйтөбет», и другие тесно взаимосвязаны с сакральным значением слова «бай» («байана»). Поэма подтверждает мнение о тесной исторической связи казахов с якутами и другими народами [6.2]. О значении знаков племен и петроглифов в исследовании истории тюркских народов А.Е. Рогожинский писал:»они аутентичны, многочисленны, географически широко распространены, разнообразны, сопряжены в контексте с иными памятниками археологии и эпиграфики, потенциально являются наиболее информативным ресурсом по ряду проблем средневековой истории тюркских народов» [7.81] Таңбалытас, найденный на казахской земле, вдоль Енисея, Тамгабел в Киргизии, древние тамги во многочисленных областях, совпадения рисунков, выточенных на памятниках, указывают на историческую связь. Районы, где встречаются знаки-символы, говорят об обширном территориальном расселении тюркских народов, и о их проживании в этих районах. Известный археолог С.В. Кисилев также придерживается мнения, что памятники письменности и тамги тесно взаимосвязаны.

Р.Г. Кузеев – исследователь тамги башкир тоже говорит о том, что исследование истории тамги ясно свидетельствует об исторической связи тюркских народов. «Особенный интерес для нашей темы представляют этнические роды и родовые подразделения. В башкирской этнонимии отложились наименования тех народов и племен, которые в той или иной степени приняли участие в формировании этнического состава башкир (например, роды ногай-юрматы, мишар-юрматы, сарт-калмак, туркменкудей; родовые подразделения казах, киргиз, каракалпак, кызылбаш, тажик, узбек, татар, чуваш, мокша, черемис, ар и т.д. К этой же группе относятся племенные названия родовых подразделений; они возникли в результате взаимного смешения тюркских или позднее башкирских племен (тугус, тау, аргын, ун, бурзян, кыпчак, канглы и т.д.) [8. 81]. Связь между знаками – свидетельство связи между народами. Автор говорит об особенностях отделения башкирского народа и о особенностях самостоятельного? Обладая частными особенностями родо-племенные символы однако сохранили оригинальный вид. «Устойчивая преемственность тюркских тамг создает возможность для первоначальных или древних начертаний родо-племенных тамг знаков и соответственно для сравнительных сопоставлений, которые в пределах одного или

соседних этносов довольно часто проводятся» Судя по почерку тиснения (гравировке) можно определить, какому народу принадлежит тамга [9.69]. У башкиров часто встречаются названия племен, похожие на казахские, например, кыпшак, табын, қаңлы и др. Так племенной знак, входящего в состав младшего жуза, рода каракесек – два богатыря, (босага танба – знак на жилище) – П, у племени младшего жуза – Тилеу – Х, у жағалбайлы – Т. Эти родовые знаки и названия казахских родов племен младшего джуза схожи с башкирскими. Этот факт подтверждает историческое родство башкирского народа с племенами казахов младшего жуза. Например, вышеназванный символ рода П два богатыря и само название рода каракесек – есть и у башкир. В свою очередь и среди казахских племен можно усмотреть родственную связь благодаря символам и родовым знакам. Например в старшем джузе, у племен кипчак, П родо-племенной знак такой же, как и у каракесек – П (босага танба) и конырат (средний жуз). Такие символы как луна С (Ай танба), ашамай танба Х, часто встречаются у киргизских племен. Символы и знаки кавказских народов встречаются у древних сарматов и среди племен казахов. К примеру, знак Т можно встретить у карачаев, осетин, балкар. Сохраняя изначальную основу знаков, племена дополняли их, так появлялись родственные (похожие знаки) племена. Судя по основному знаку, можно определить связь между племенами. Н.А. Аристов об этом высказал такое мнение: «Так как вследствие исторических обстоятельств многовековой жизни тюркских кочевников чистокровных племен и родов нету, и преобладают союзы разного происхождения, состоящие из частиц различных родов, то в одном и том же, не только племена, встречаются теперь деление и различными тамгами, причем часто имя подразделения обнаруживает, что оно действительно происходит из этого рода или племени, которой принадлежит основная тамга». [9. С.182-183]. Например: ○ круг можно отнести к группе солнцеподобных знаков ♀, ☿. О происхождении родовых знаков в народе есть легенды (несколько версий).

Очень важные сведения о происхождении родо-племенных знаков можно почеркнуть из трудов Н.А. Аристова, В.В. Радлова, Д.Н. Соколова, В.В. Бартольда, Р.Г. Кузеева, Р. Керейтова, Н.А. Баскакова, Г.Н. Лебедева, С.И. Вайнштейн, М. Тынышпаева и др. В.В. Радлов основываясь на легендах о знаках, связывает их происхождение с временами Огуз хана. «По смерти Огуза согласно завещанию его, сел на трон Кун-хан и властвовал семьдесят лет. У отца его был наместник по имени Игит-Иркыл-Коджа, и был советником, министром и администратором Кун-хана. Однажды он сказал Кун-хану: Огуз был великий государь и взял он страны лица земли и имел казну, добро и четвероногий скот без числа и это все вам, сыновьям оставил. Укаждого из вас родилось с помощью господина по четыре способных сына, избави Бог, если потом эти дети из-за

добра и собственности затеют распри и вражду. Благо имя и прозвище каждого в отдельности были и определены и утверждены, и каждому был свой знак и тамги, чтобы тем знаком и тамгой отмечали приказы, казну, табуны и стада дабы ни ни один не мог приходить спора и препирательств с другими и дети и потомки из них знали бы свое имя, прозвище и положение, чтобы было это в продолжительности доброславия их. Кун-хан одобрил это слова, и Игит-Иркыл-Коджа занялся устройством того [10. 231]. В этих сведениях говорится, что наряду с тамгой каждому отдельно из сыновей раздал хан особый знак в виде птицы. Помимо тамги в качестве священных вещей были розданы охотничьи птицы и девизы. В родословной Ш. Кудайбердиева говорится: подобно старому слову казахов: Это было в старину, когда монголы и татары и представители белой кости всех племен, проживавших в окрестности гор с восточной стороны озера Карауыл на берегу озера Хан провозгласили Чингиза великим ханом и подняли на белой кошме. Майқы би был там как представитель старшего джуза. Это о нем гласит народная мудрость: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы - Майқы би». Коньрат Сангеле би из среднего жуза. Именно тогда Шынғыс бекам раздавал девизы, құс ағаш символы родов. Для старшего джуза- Майқы бию - сүргі, яғни молатемір болсын. Птица- орел, дерево – карағашпусть будет» -,сказал хан. Среднему джузу Сангеле бию: девиз- коңырат, птица-сокол, дерево-яблоня, знаком пусть будет- еда. Знак луны - С [11. 63]. Л. Мейер о знаках: «Тамга – знак для метки животных. Он пишет, что во времена Тауке хана казахи были поделены на роды и племена» [12]. Н.А. Аристов об истории появления тамги и его отношении к частной собственности говорит: «тамга не есть знак собственности, а знак родовой», справедливо лишь в том отношении, что тамга есть знак собственной родовой. И это значение слова «тамга» указывает на чрезвычайную древность употребления тамг, когда личной и семейной собственности не существовало, а только, а была только собственность». [13.123]. Есть мнение о связи родо-племенных знаков с религиозными понятиями.

С.А. Яценко в исследованиях показывает, что у некоторых из тюркских народов до сегодняшнего дня существует семейное поверье, что родовой знак напрямую связан с духами предков, которые питают жизненными силами семью. [14.69]. У уйгуров тоже сложилась вера в магическую силу тамги. Н. Аристов. разносторонне исследовавший историю тамги, указывает на их религиозные истоки: «весьма вероятно, что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания» [15.183].

Исследуя природу происхождения родо-племенных знаков – символов (тамга) тюркских народов, обнаруживаем явное доказательство их исторической взаимосвязи. Для реализации существующего сейчас мнения о необходимости написать общую историю тюркоязычных народов, значение исследования истории происхождения общих знаков-символов занимает особое место. Начиная со времен формирования частной собственности, обнаруженные родо-племенные знаки огузов, саков, гун сохранились у современных тюркоязычных народов.

Список источников и литературы

1. Г.Мухтарова Запад и восток: диалог искусств. // Поиск (Издание) 1997 №1. С.84-88
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энц. ОГИЗ; Гос. изд-во инос. и нац. слов. 1935-1940. (4 т.)
3. Ш. Бекмағамбетов Тілдік белгі және тілдік таңба туралы мәселелердің ара қатынасы жөнінде // А.Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің хабаршысы №4-5(72-73). 2010 11-12 бб
4. Н.А. Аристов Этногенез и этническая история казахского народа. Астана. 2007 181б.
5. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Алматы «Алтын Орда 12б.
6. «Козы-Корпеш Баян Сулу» – идея поиска бога в эпосе <http://ehistory.kz/ru/books/library/read/1300#scontent//©ehistory.kz>. 05 Января.2014
7. Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014.
8. Р.Г. Кузеев Происхождение башкирского народа М. «Наука» 1974г.
9. Н.А. Аристов Этногенез и этническая история казахского народа А. 2007 с.182
10. В.В. Радлов Труды по казахской этнографии под.ред. Ж.О. Артыкбаева Павлодар. «Эко» 2005. 231б.
11. Ш. Құдайбердіұлы Түрік, қырғыз, һәм хандар шежіресі. Орынбор Павлодар. «ЭКО» 2007 231б.
12. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России собранным офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомство. Составил генерального штаба подполковник Л.Мейер СПб. 1865.
13. Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек. 2003 с. 61
14. Яценко С.А. О некоторых проблемах изучения знаков-тамг Центральной Азии // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов научно-практич. семинара. Алматы, 2012. 69б
15. Аристов Н.А. Этногенез и этническая история казахского народа. Астана, 2007. С.181-182.

**«ГОРОДИЩЕ УФА-II»: НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ И
ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

О.С. Белявская (Крапачева)¹, А.С. Проценко²

¹Ордена Знака Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии
наук

Уфа, Российская Федерация

²Государственное бюджетное учреждение
Республиканский историко-культурный музей-заповедник
«Древняя Уфа»

Уфа, Российская Федерация

**Керамический комплекс городища Уфа-II как отражение
этнокультурных процессов в эпоху средневековья (по материалам
раскопок 2017 года)**

O.S. Belyavskaya (Krapacheva)¹, A.S. Protchenko²

¹Order of the Bunge of Honor The Institution of History, Language and
Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Scienc
Ufa, Russian Federation

²State Budget Institution Republic Historical and Cultural Preserve
Museum «Ancient Ufa»

Ufa, Russian Federation

**Ancient settlement ceramic Complex Ufa-II as a reflection of ethno-
cultural processes in the era of Middle Ages (according to the excavations in
2017)**

The present article is dedicated to the study of ethno-cultural processes in the era of Middle Ages on the ancient settlement Ufa-II ceramics analysis taken in the excavation process in 2017. The literature analyses on the mentioned topic showed a high level of topicality of such kinds of research. The source of this work is 1803 fragments of ceramics applicable for cultural attribution.

Having analyzed the given material the authors have come to the conclusion that this local area of the ancient settlement firstly was inhabited by mazunino-bahmutinsky population. Hereafter in the long period of time (IV-VII cc.) life in the settlement was directly connected to turbaslinsky, romanovsko-imenkovsky and bahmutinsky cultures under prevalence of the latter.

It is worth mentioning that on the lower layers (the layers of XIX-XVI cc.) of the research area the specific frequency of every mentioned culture-bearers' emergence hasn't been defined. In our opinion it is connected to the fact the archeological excavation, situated in the western part of the settlement was at the close proximity to M-earthwork as well as a wide and deep moat. At the

ancient times a cultural layer of the given area could be used many times for updates of defense works, therefore it is in a re-deposited form. Besides, on the level of the horizons (layers of the XV-XIII cc. and XI-X cc.) the total number of ceramics is substantially lower. In our opinion it is connected to specific pauses in population habitation on the investigated area what is proved by the mentioned layers data planography.

The next stage of life (VII- first half of IX c.) on this area is connected with the tribes taking their origin in Western-Siberian, particularly, Kushnarenkovsky ceramics bearers, coming to the Southern piedmont of the Ural Mountains. So, from the VIII to I layers the emergence and later number increase of this cultural group is defined clearly. Starting from the VI-layer Bahmutinskaya ceramics loses its ground. Turbaslinskaya group takes the main place from the V to I layers. It is necessary to mention that there are romanovsko-imenkovsky ceramics bearers at the whole period on this area which testify active contacts of all enumerated population groups.

Specific findings of nevolin, bakal and pottery import containers and ceramics with netlike ornament, in our opinion, are the ancient settlement Ufa-II active cultural contacts traces, certifying significance of this memorial in the system of trade ways in the Southern Ural at the period of VII– IX cc.

Key words: ceramics complex, cultural group, the ancient settlement, ethno cultural contacts, the Southern Ural.

Уфимский полуостров, образованный слиянием р. Белой и р. Уфы, занимает историческую часть современной столицы Республики Башкортостан. Данная территория сильно пересечена оврагами, руслами рек – Сутолоки и Шугуровки – и ручьями, образующими хорошо защищенные естественным путем мысы [Иванов, 2007а. С. 64; 2007б]. Здесь выявлены многочисленные археологические памятники, среди которых городище Уфа-II – опорный памятник для археологии Южного Урала– выделяется своими масштабами и степенью изученности.

С началом планомерного изучения городища Уфа-II ведется активная полемика о его статусе и времени функционирования. Многолетние исследования дали возможность Н.А. Мажитову и его последователям предположить, чтоуказанный памятник археологии являлся центром большого средневекового города. Городище Уфа-II, – или «город Башкорт», в интерпретации Н.А. Мажитова, – объединяло целый ряд примыкающих к нему городищ, населенных родственными племенами [Мажитов и др., 2008]. Данная гипотеза вызвала критику ряда ученых во главе с В.А. Ивановым [Иванов, 2012; Иванов, Антонов, 2013].

В свою очередь, отметим, что сведения, полученные в ходе изучения Уфы-II, позволяют судить о городище как о памятнике со сложной стратиграфической и планиграфической ситуацией и разнообразным

массовым и индивидуальным археологическим материалом. Так, в различных пластах залегания было выявлено большое количество глиняных (прясла, тигли, сопло, грузила и др.), костяных (наконечники стрел, накладки на лук, проколки, амулеты, иглы, игольницы и др.), каменных (оселки, терки, песты, жернова, бусы и др.), металлических (ременная гарнитура, фибулы, подвески, накладки, серьги и др.) и стеклянных (перстни, бусины) изделий.

Особый интерес для изучения представляет керамика. Связано это с тем, что керамический комплекс является наиболее массовым материалом в системе материальной культуры древних обществ и цивилизаций. Имея свои специфические особенности морфологического, технологического и идеологического характера [Любчанский, 2005. С. 125], керамика, наряду с деталями погребального обряда и погребальных сооружений, является надежным источником для этнических интерпретаций и выделения археологических культур [Ковалевская, 1979. С. 5].

Неудивительно, что начиная уже с первых исследований городища Уфа-II в 1957 и 1958 гг. авторы раскопок – П.Ф. Ищериков и Н.А. Мажитов – уделили пристальное внимание обнаруженной керамике. Так, в одной из публикаций, посвященных городищу, исследователи на основе анализа орнаментации и форм керамики выделяют семь типов сосудов, два из которых выделены из подъемного материала. В своей работе авторы подчеркивают, что «небольшие размеры наших раскопок, а также то обстоятельство, что значительная часть публикуемого материала происходит из случайных сборов при земляных работах, не позволяют нам уделить должное внимание *стратиграфическому залеганию* (выд. автор.) каждого из этих типов, связанных, по-видимому, с различными периодами существования памятника» [Ищериков, Мажитов, 1962. С. 141-143].

Последующие исследователи городища (М.Х. Садыкова, Н.Г. Рутто), проводившие небольшие разведочные работы, керамический комплекс Уфы-IIв своих научных трудах не затрагивали.

Ситуация меняется лишь в 1990 г., когда археологической экспедицией Национального музея Республики Башкортостан под руководством В.В. Овсянникова были проведены раскопки на восточной стрелке городища. В публикации материалов В.В. Овсянников выделяет шесть типов лепной керамики. Самая многочисленная группа сосудов (296 экз.), отнесена автором раскопок к романовскому типу, а 229 экз. – к бахмутинской керамике. Также В.В. Овсянников выделил керамику имендьяшевской (7 экз.), турбаслинской (52 экз.), кушнарниковской (17 экз.) и караякуповской (12 экз.) культур. Кроме того, был реконструирован гончарный сосуд, происхождение которого автор связывает с торговыми контактами с населением Терско-Сулакского междуречья. Опираясь на стратиграфические наблюдения и размещение материала по горизонтам,

В.В. Овсянников выделяет 3 этапа существования городища. Первый связан с бахмутинскими племенами, второй – с притоком новых групп населения (носителей имендяшевской и турбаслинской керамики), а завершающий этап жизни городища связан с носителями керамики романовского типа и немногочисленным бахмутинским и кушнареновско-караякуповским населением [Овсянников, 1992].

В 2004 г. В.В. Овсянников и Ф.А. Сунгатов публикуют материалы Бажинского городища (Каменная гора). В работе авторы останавливаются на характере взаимоотношения турбаслинских, романовских и кушнареновских групп населения, привлекая для аналогий материалы городища Уфа-II. На основе стратиграфических наблюдений (по раскопкам 1990 г.) исследователями была выявлена следующая картина. В нижнем горизонте прослеживалось совместное залегание бахмутинской, турбаслинской и имендяшевской керамики. Бахмутинский горизонт перекрыт мощными золисто-углистыми прослойками, поверх которых залегает горизонт, насыщенный керамикой романовского типа. Данные наблюдения позволили авторам предположить, что близ устья р. Уфы в результате военного нападения гибнет бахмутинское укрепленное поселение. Виновниками этого события можно считать носителей керамики романовского типа. После военного столкновения бахмутинское население уходит с Уфимского полуострова и на месте городища Уфа-II возникает укрепленное поселение романовского типа [Овсянников, Сунгатов, 2004.С. 230-237].

В 2012 г. В.А. Иванов обращается к керамическому комплексу, полученному в ходе исследований 2006-2009 гг. Проведя источниковедческий анализ опубликованных материалов вышеуказанных годов раскопок, автору удалось составить таблицу относительных значений распространения того или иного типа керамики по горизонтам культурного слоя городища. Основную массу керамики на городище Уфа-II составляют фрагменты сосудов бахмутинской, турбаслинской и кушнареновской культур (в общей сложности 92,2% всего керамического комплекса памятника). Распределение типов керамики по стратиграфическим горизонтам (штыкам) также показывает следующую картину: пики концентрации бахмутинской керамики приходятся на 8-й и 5-й штыки; турбаслинской – на 6-й и 5-й; кушнареновской – на 4-й; караякуповской – на 3-й. На 2-м и 1-м штыках все эти типы керамики представлены минимальным количеством (по сравнению с общим количеством того или иного типа в слоях культурного слоя). В то же время «прочая» керамика, среди которой исследователи городища Уфа-II выделяют «раннебулгарскую», чияликскую, «импортную гончарную», именно в этих слоях представлена экземплярами, составляющими более чем 30% от общего количества данной керамики. Автором также отмечено,

что на 2-м и 1-м штыках насыщенность культурного слоя городища керамическим материалом резко снижается. Исходя из полученных результатов В.А. Иванов определяют основное время существования городища Уфа-II бахмутинским, турбаслинским, кушнаренковско-караякуповским временем, то есть V–перв. пол. IX вв. [Иванов, 2012. С. 410].

Помимо всего, в своей работе В.А. Иванов проводит стратиграфическую статистику типов керамики по штыкам культурного слоя, составленную по данным публикации В.В. Овсянникова [1992]. Полученные результаты аналогичны приведенным выше выводам: основную массу керамики составляют фрагменты бахмутинских и турбаслинских сосудов (93,7%), что, по мнению автора, указывает на бахмутинское – турбаслинское время существования памятника, которое на уровне 3-го штыка заканчивается появлением кушнаренковской, а затем и кара-якуповской керамики. На уровне 1-го горизонта все перечисленные типы керамики сходят на нет [Иванов, 2012. С. 411; табл. 2]. В то же время вызывает вопросы тот факт, что В.А. Иванов не выделяет в отдельную группу романовский тип керамики, несмотря на ее присутствие в исходной таблице в работе В.В. Овсянникова.

В 2017 г. В.В. Овсянников рассматривает комплекс романовского типа (варианта) именьковской культуры Среднего Поволжья, присутствующего в материалах городища Уфа-II. Наряду с публикацией хозяйственных комплексов (раскопки 1990 г.), автор заостряет свое внимание на стратиграфических позициях романовской керамики. По наблюдениям исследователя, более половины фрагментов керамики романовского типа содержалась в 1-3 горизонтах, а следом за ней залегала бахмутинская группа. В.В. Овсянников также отмечает некорректную идентификацию керамических комплексов городища Уфа-II в публикациях последнего периода (издания материалов исследований 2006-2009, 2014 гг.), в которых в группу «турбаслинской» и «турбаслинско-бахмутинской» посуды были включены как собственно турбаслинская, так и романовско-именьковская керамика [Овсянников, 2017. С. 33; С. 35-36].

В том же году А.Г. Колонских обращается к материалам раскопок городища Уфа-II в 1958 г. и проводит классификацию керамики с последующим анализом особенностей ее залегания. Автор, как и предыдущие исследователи, выделяет аналогичные группы керамики, солидаризируясь, таким образом, с выводами В.А. Иванова и В.В. Овсянникова. Опираясь на анализ морфологических признаков (формы, орнамент), состав теста и обработка поверхности, А.Г. Колонских выделяет 10 культурных групп [Колонских, 2017]. Несмотря на скрупулезный анализ материала, выделение отдельных подгрупп исследователем, на наш взгляд, вызывает сомнения.

Результаты широкого научного изучения памятника археологической экспедицией БашГУ под руководством Н.А. Мажитова (раскопки 2006-2011 гг.), а впоследствии – археологической экспедицией музея-заповедника «Древняя Уфа» (раскопки 2012-2014 гг.), нашли отражение в монографических трудах отчетного характера. Несмотря на неоспоримую ценность данных изданий, связанную, в первую очередь, с введением в научный оборот целого корпуса новых источников, стоит отметить, что керамические комплексы не были проанализированы исследователями с точки зрения культурной стратиграфии. Авторами лишь констатировалось, что планиграфический анализ распределения керамики по горизонтам культурного слоя в пределах раскопа не выявил какой-либо закономерности ее залегания [Мажитов и др., 2009. С. 110; Мажитов и др., 2012. С. 46; Шамсутдинов и др., 2015. С. 85].

Отдельно стоит отметить коллективную монографию, посвященную публикации материалов раскопок 2015 г. [Русланов и др., 2016]. На основании анализа 2492 фр. керамики авторы приходят к выводу, что преобладающей культурной группой на исследованном участке являлась бахмутинская (71,1%), на втором месте – романовско-именьковская (15,5%), а на третьем – турбаслинская (10,5%). К имендьяшевскому типу было отнесено 1,2% керамики, к мазунинской, кушнарниковской и караякуповской культурам – менее 2% от общего количества керамики. Прочие группы керамики (раннеболгарского и/или хазаро-болгарского облика, импортная круговая керамика, неволинская, бакальская) представлены единичными образцами [Русланов и др., 2016. С. 45-55].

Проведенный анализ работ, посвященных изучению керамики городища Уфа-II, позволил нам, в свою очередь, определить основное направление исследования. Целью настоящей статьи является выяснение особенностей этнокультурных контактов на основе изучения керамического комплекса, полученного в ходе исследования городища Уфа-II в 2017 г. Научные (охранные) раскопки были проведены под руководством Белявской (Крапачевой) Ольги Сергеевны. Работы проводились на средства музея-заповедника «Древняя Уфа». Раскоп общей площадью 24 кв.м., вплотную примыкающий к раскопам 2008 г. и 2013 г., был заложен на западной окраине городища Уфа-II. Мощность культурного слоя на данном участке городища составляет 3 м.

Всего на исследованной площади зафиксировано 9520 фрагментов керамики, подавляющее большинство из которых являлись обломками лепных сосудов. Из этого числа было выделено 1803 фрагмента, пригодных для культурной атрибуции. Отметим, что 47 фрагментов гончарной керамики этнографического времени также были исключены из базы исследования, т.к. анализ данной посуды, на наш взгляд, должен быть проведен в рамках отдельной работы.

Весь выделенный массив керамики был рассмотрен по единой схеме и объединен в культурные группы. Каждая из культурных групп (далее – КГ) представляет собой совокупность сосудов, составляющих керамический комплекс одной археологической культуры либо одного археологического типа [Русланов и др., 2016. С. 45]. Ниже приводится их описание.

Бахмутинская КГ (рис. 2¹⁹) состоит из грубо обработанных сосудов горшковидной формы, с примесью дресвы и гальки, с округлым дном, край венчика обычно округлый с небольшим наплывом во внешнюю сторону. Сосуды орнаментированы округлыми ямочными вдавлениями, беспорядочно расположенными по всему тулову, а внешний край венчика украшен наклонным продавленным орнаментом, оттисками клиновидной формы или резными насечками. Цвет сосудов ввиду неравномерного обжига варьируется от ярко-оранжевого до темно-серого [Шмидт, 1929. С. 24-25; Генинг, 1972; Овсянников, 1992. С. 67; Матвеева, Никитина, 2015. С. 68].

В 2017 г. на городище Уфа-II было обнаружено 826 экз. керамики бахмутинского типа, что составляет 45,8% от общего числа керамики.

Мазунинская КГ (рис. 5, 12) представлена лепными сосудами чашевидной формы, с округлым дном, изредка с пояском круглых ямок по шейке и насечками по венчику; с примесью песка и мелкотолченой раковины, поверхность шероховатая, серого цвета [Генинг, 1971. С. 46, 1972. С. 239-240].

В 2017 г. на городище Уфа-II было обнаружено 11 экз. керамикимазунинского типа, что составляет менее 0,6% от общего числа керамики.

Имендяшевская КГ (рис. 5, 9) впервые была выделена Г.И. Матвеевой по материалам, полученным в ходе раскопок Имендяшевского городища на р. Зилим в современном Гафурийском районе Республики Башкортостан [Матвеева, 1967]. Рассматриваемый тип керамики представлен низкогогорлыми и широкогорлыми сосудами с короткой прямой или слабо отогнутой шейкой, с примесью мелкого песка и мелкой дресвы в тесте, с орнаментом виде продолговатых и подтреугольных вдавлений, чаще расположенных параллельно, в два ряда, по поверхности плеча, зачастую по плечу идет уступчик, а по краю венчика – валик [Матвеева, 1967. С. 54-55; Васюткин, 1968. С. 59; Генинг, 1972; Овсянников, 1992. С. 67]. Отметим, что вопрос о выделении самостоятельной имендяшевской культуры на сегодняшний день остается одним из наиболее интересных и дискуссионных в урало-поволжской археологии, в связи с чем попытаемся осветить его более подробно. Основной проблемой при его решении является практически полное

¹⁹ Авторы выражают благодарность художникам ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» Сагитовой Люции Раилевне и Тагировой Резеде Шакировне за помощь в подготовке иллюстраций.

отсутствие погребальных комплексов с сосудами имендьяшевского типа. Распространение имендьяшевской керамики локализовано исследователями на правобережье среднего течения р. Белой и по ее притокам – р. Зилим и р. Сим (Имендьяшевское, Кузнецовское городище, Устиновское, Кумырлинское, Беисовское, Ихтисатовское, Таш-Башском селища и др.) [Матвеева, 1967. С. 54; Васюткин, 1968. С. 59-60; Генинг, 1972], а происхождение самих носителей данного типа керамики ученые связывают с поздними сарматами, осевшими на кара-абызских поселениях [Матвеева, 1967. С. 54] либо с потомками угров-убаларцев [Шиманский, 2012. С. 13]. Теория об угорских истоках имендьяшевской керамики получила развитие в работах В.Ф. Генинга [Генинг, 1971, 1972]. По мнению исследователя, рассматриваемый тип как по форме, так и по орнаментации, обнаруживает сильное сходство с убаларской керамикой, а также с бахмутинской керамикой, особенно это проявляется в наличии рядов насечек-уголков по плечикам. В.Ф. Генинг выступил против выделения отдельной имендьяшевской культуры и предложил рассматривать имендьяшевские памятники в рамках бахмутинской культуры, истоки которой следует искать на территории Южной Башкирии, в убаларской культуре, декларируя, таким образом, наличие непрерывной линии развития населения в регионе с IV–III вв. до н.э. по V–VII вв. н.э. [Генинг, 1971. С. 47; 1972. С. 244-245]. По мнению Г.И. Матвеевой, памятники имендьяшевского типа, генетически связанные с убаларцами, могут принадлежать к мазунинской культуре, т.к. имеют с ней ряд общих черт [Матвеева, 1971. С. 129].

В 2017 г. на городище Уфа-II было обнаружено всего 3 экз. керамики имендьяшевской культурной группы, что составляет менее 0,16% от общего числа керамики.

Турбаслинская КГ (рис. 3) представлена сосудами как с высоким горлом, так и средней высоты, с тщательно выровненной и зачастую залощенной поверхностью. Дно у сосудов чаще круглое, реже – уплощенное, в тесте – примесь мелкого песка и мелкого шамота. Отличительной особенностью некоторых сосудов этой группы является наличие уступчика при переходе от горла к тулову. Большинство сосудов поселенческой турбаслинской посуды являются неорнаментированными [Матвеева, 1971. С. 131; Генинг, 1972. С. 274-275; Овсянников, 1992. С. 67, 2017. С. 35-36; Матвеева, Никитина, 2015. С. 69].

В 2017 г. на городище Уфа-II было обнаружено 547 фр. турбаслинской КГ, что составляет от 30,3% общего числа исследованной керамики.

Романовско-именьковская КГ (рис. 4) включает в себя толстостенные, плоскодонные горшки с примесью песка и дресвы в глине, с грубо обработанной, иногда залощенной поверхностью и редким

орнаментом в виде насечек или зашипом по краю венчика [Сальников, 1964; Матвеева, Никитина, 2015; Колонских, 2017; Овсянников, 2017].

В 2017 г. на городище Уфа-Пбыло обнаружено 312 фр. романовской КГ, что составляет 17,3 % от общего числа исследованной керамики.

Кушнарниковская КГ (рис. 5, 1-8) представлена круглодонными сосудами с прямой шейкой, украшенными сложным, изящным орнаментом. Глиняное тесто хорошо отмучено, большинство сосудов – тонкостенные, с тщательно заглаженной поверхностью. Декор сосудов состоит из тонких горизонтальных резных линий, пересекающихся коротких линий, и серповидных отпечатков гребенчатого штампа [Васюткин, 1968. С. 59; Генинг, 1972; Овсянников, 1992. С. 67; Матвеева, Никитина, 2015].

В 2017 г. на городище Уфа-П было обнаружено 22 фр. керамики кушнарниковской КГ, что составляет 1,2% от общего числа исследованной керамики.

Гончарная импортная керамика представлена фрагментами ручек (рис. 5, 10) и венчика от отдельных сосудов (рис. 5, 11), а также развалом сосуда, состоящего из 86 неорнаментированных стенок, венчиков, ручек и дниц. Его форму удалось полностью восстановить (рис. 7). Данный сосуд был обнаружен при вскрытии пласта VIII. Он имел широкое вытянутое тулово, сужающееся к низу, отогнутое горлышко и плоское дно, в средней части сосуда крепились две ручки ленточной формы, а на венчике имелось круглое сквозное отверстие. Цвет сосуда – светло-коричневый, на одной стороне изделия четко фиксируется темно-серое, практически черное пятно, судя по всему – след от нагара. Аналогичные сосуды на территории Уфимского полуострова ранее были обнаружены в погребении на ул. Карла Маркса (г. Уфа) в 1929 г., а также в ходе раскопок городища Уфа-П в 1990 г. Данный тип керамической посуды за пределами Приуралья встречается на археологических памятниках Терско-Сулакского междуречья VII–Xвв. [Овсянников, 1992. С. 68].

Керамике с сетчатым орнаментом (рис. 6, 9), представленной 2 фр., нами были обнаружены аналогии на территории Северного Кавказа, в катакомбах могильника Мокрая Балка, датируемых VII–VIII вв. [Афанасьев, Рунич, 2001. С. 89, рис. 34, 2; С. 167, рис. 92, 1; С. 210, рис. 135, 5]. На городище Уфа-Пв 2017 г. данная керамика зафиксирована на пласту Пи среди подъемного материала.

Некоторые фрагменты керамики (рис. 6, 1, 5, 6, 7, 10), на наш взгляд, близки по внешнему облику керамике **бакальской культуры** с территории Западной Сибири [Матвеева, 2016. С. 140, рис. 140, 7; С. 141, рис. 82, 10]. Данная керамика встречается на пластах II, VII и среди подъемного материала.

Отдельным экземплярам керамики в настоящее время прямых аналогий не обнаружено (рис. 6, 2, 3, 4, 8, 11, 12).

Анализ керамического материала (табл. 1, табл. 2, рис. 1) показал, что в течение продолжительного времени (IV–VII вв.) жизнедеятельность на локальном участке, исследованном в 2017 г., напрямую была связана с племена мазунинской, имендяшевской, турбаслинской, романовско-именьковской и бахмутинской культур, при доминанте последней. При этом стоит отметить, что определенную последовательность появления носителей каждой из указанных культур на нижних пластах (XIX–XVI) зафиксировать не удалось. По нашему мнению, это связано с тем, что исследованный участок городища находился в непосредственной близости от М-образного вала и широкого глубокого рва. В древности культурный слой с данной территории мог быть неоднократно использован для обновления оборонительных сооружений, поэтому до наших дней он дошел в переотложенном виде. Кроме того, на уровне ряда пластов (XV–XIII и XI–X) общее количество керамики существенно снижается. Это связано, судя по всему, с определенными паузами в проживании населения на месте раскопа 2017 г., что подтверждается и планиграфической ситуацией на указанных пластах. Следующий этап (VII–первая пол. IX в.) связан с приходом в Южное Приуралье племен западносибирского происхождения, а именно носителей кушнарниковской керамики. Так, с VIII по I пласты четко фиксируется появление, а впоследствии и увеличение количества данной культурной группы (с 1,7% до 5%). Начиная с VI пласта бахмутинская керамика утрачивает свои позиции (с 49,1% до 13%), а с V по I пласты количественно преобладает уже турбаслинская культурная группа (с 50,3% до 54,8%). Необходимо отметить, что на протяжении всего периода на данном участке фиксируется и романовско-именьковская керамика, доминирование которой ни на одном из пластов не зафиксировано.

Исходя из полученных данных, мы предполагаем, что начало угасания жизни на городище может быть напрямую связано с какими-либо действиями военизированных племен кушнарниковской культуры. Материалы, полученные в ходе раскопок 2017 г., не подтверждают выводов В.В. Овсянникова и Ф.А. Сунгатова о том, что бахмутинское население погибло в результате военного нападения носителей керамики романовского типа [Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 230]. На наш взгляд, бахмутинцы уходят с городища только после появления кушнарниковского населения, данная гипотеза подтверждается процентным соотношением культурных групп.

В заключение отметим, что находки отдельных фрагментов бакальской керамики, гончарных импортных сосудов и керамики с сетчатым орнаментом являются следами активных этнокультурных

контактов населения городища Уфа-II и в очередной раз подтверждают первостепенное значение данного памятника в системе торговых путей на Южном Урале в период VII–IX вв.

Список источников и литературы

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.

Васюткин С.М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // СА. №1. 1968. С. 56-72.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. 1967. Вып. 7. С. 7-85.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 44-54.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: (Проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221-295.

Иванов В.А. Средневековые поселения «Уфимского полуострова» // От древности к Новому времени (проблемы истории и археологии). Сборник научных работ. Вып. X. Уфа, РИЦ БашГУ, 2007а. С. 93-102.

Иванов В.А. Население «Уфимского полуострова» в эпоху раннего средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. 2007б. С. 68-69.

Иванов В.А. Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху золотой орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. 2012. С. 404-414.

Иванов В.А., Антонов И.В. «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. Уфа, 2013. С. 111-132.

Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа-II // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1962. С. 140-150.

Колонских А.Г. Коллекция керамики городища Уфа-II из раскопок Н.А. Мажитова 1958 года // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 10. 2017. С. 9-24.

Любчанский И.Э. Керамический комплекс и формально-статистические методы его обработки // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2005. №1 (17). С. 125-135.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т. III. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. 368 с.

Мажитов Н.А., Тамимдарова Р.Р., Шамсутдинов М.Р., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И., Амекачев Т.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 г. Т. V, Ч. I. Уфа: Инеш, 2012. 184 с.

Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения памятников I тыс. н.э. в Центральной Башкирии // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар: изд-во «Коми», 1967. С. 54-55.

Матвеева Г.И. Памятники левобережья р. Белой I тыс. н.э. // АЭБ. Уфа, 1968а. Т. III. С. 113-121.

Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н.э. // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV.

Матвеева Г.И., Никитина А.В. Особенности памятников романовского типа эпохи Великого переселения народов на примере материалов исследования селища Романовка-II 1989 года // Вояджер: мир и человек. Теоретический и научно-методический журнал. №6. Самара: Изд-во СамГТУ, 2015. С. 52-77.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников): монография/Н.П.Матвеева; отв. ред. Р.Д. Голдина. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.

Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. 2004. С. 218-240.

Овсянников В.В. Раскопки городища Уфа-II в 1990 г. // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 1992. С. 56-80.

Овсянников В.В.К вопросу об именьковском компоненте в материальной культуре городища Уфа-II// Вояджер: мир и человек. №9. 2017. С. 32-42.

Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», 2016. 266 с.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Уфа: АН СССР, 1964. С. 7-15.

Шиманский Е.О. Динамика взаимодействия населения степной и лесостепной зон в первой половине I тыс. н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 34 (288). История. Вып. 53. С. 10-14.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8-9. С. 16-27.

Список использованных сокращений

- АЭБ – Археология и этнография Башкирии
ВАУ – Вестник археологии Урала
ИИЯЛ БФ АН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук
СА – Советская археология
УАС – Уральское археологическое совещание

Табл.1. Количественная характеристика керамического комплекса городища Уфа-II, полученного в ходе раскопок в 2017 г.

№№ пласта	Стенки лепные неорнамен.	Стенки лепные орнамен.	Венчики лепные неорнам.	Венчики лепные орнамен.	Днища лепные неорнам.	Стенки гончарные неорнам.	Стенки гончарные орнамен.	Венчики гончарные неорнам.	Днища гончарные неорнам.	Ручки гончарные неорнамен.	ВСЕГО
I	59	4	18	4	7	3	1	-	-	1	97
II	171	25	34	15	12	11	-	-	2	-	270
III	121	31	50	31	16	3	1	-	1	-	254
IV	108	15	41	8	14	7	-	-	1	-	194
V	189	30	71	10	10	2	1	-	-	1	314
VI	18	29	19	9	2	2	-	-	-	1	80
VII	114	73	28	28	14	5	1	1	2	1	268
VIII	30	102	49	59	17	61	-	7	9	8	342
IX	57	33	8	10	-	-	-	-	-	-	108
X	103	16	28	22	9	2	-	-	-	-	180
XI	195	31	36	33	10	-	-	-	-	-	305
XII	9	3	2	1	-	-	-	-	-	-	15
XIII	43	10	7	2	6	-	-	-	-	-	68
XIV	25	10	7	1	1	-	-	-	-	-	44
XV	37	19	11	7	4	-	-	-	-	-	78
XVI	77	34	5	6	3	-	-	-	-	-	125
XVII	83	66	34	20	16	-	-	-	-	-	219
XVIII	78	56	25	11	15	-	-	-	-	-	185
XIX	39	67	40	10	17	-	-	-	-	-	173
хоз.яма	120	53	24	23	18	-	-	-	-	-	238
ВСЕГО	1707	723	550	313	194	97	4	8	15	12	3557

Табл. 2. Процентное соотношение культурных групп по материалам раскопок городища Уфа-Пв 2017 г.

КГ	х/я	XIX	XVIII	XVII	XVI	XV	XIV	XIII	XII	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I
Мазун-я	3,5	-	-	0,7	2,5	4,1	-	-	-	-	1,4	-	-	-	-	-	-	0,8	1,2	-
Бахмут-я	61,5	47,5	59,4	57,8	57,5	71,5	56,25	43,5	41,9	66,7	31,1	74	65,3	66,4	49,1	29,4	15,6	21,5	24,7	13
Турб-я	29	32,4	22,7	26	27,5	12,2	37,5	26,1	32,7	33,3	35,1	16	23,7	21,7	32,2	50,3	53,2	40,5	40,7	54,8
Роман-я	6	20,1	16	15,5	12,5	12,2	6,25	30,4	25,4	-	32,4	10	9,3	11,5	13,6	17,5	27,3	32,2	28,4	32,2
Имендяш-я	-	-	1,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	-	-	1,3	-	-	-
Кушнарен-я	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,7	-	5,1	2,8	2,6	5	5	-
КГ	х/я	XIX	XVIII	XVII	XVI	XV	XIV	XIII	XII	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I
Мазун-я	3,5	-	-	0,7	2,5	4,1	-	-	-	-	1,4	-	-	-	-	-	-	0,8	1,2	-
Бахмут-я	61,5	47,5	59,4	57,8	57,5	71,5	56,25	43,5	41,9	66,7	31,1	74	65,3	66,4	49,1	29,4	15,6	21,5	24,7	13
Турб-я	29	32,4	22,7	26	27,5	12,2	37,5	26,1	32,7	33,3	35,1	16	23,7	21,7	32,2	50,3	53,2	40,5	40,7	54,8
Роман-я	6	20,1	16	15,5	12,5	12,2	6,25	30,4	25,4	-	32,4	10	9,3	11,5	13,6	17,5	27,3	32,2	28,4	32,2
Имендяш-я	-	-	1,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	-	-	1,3	-	-	-
Кушнарен-я	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,7	-	5,1	2,8	2,6	5	5	-

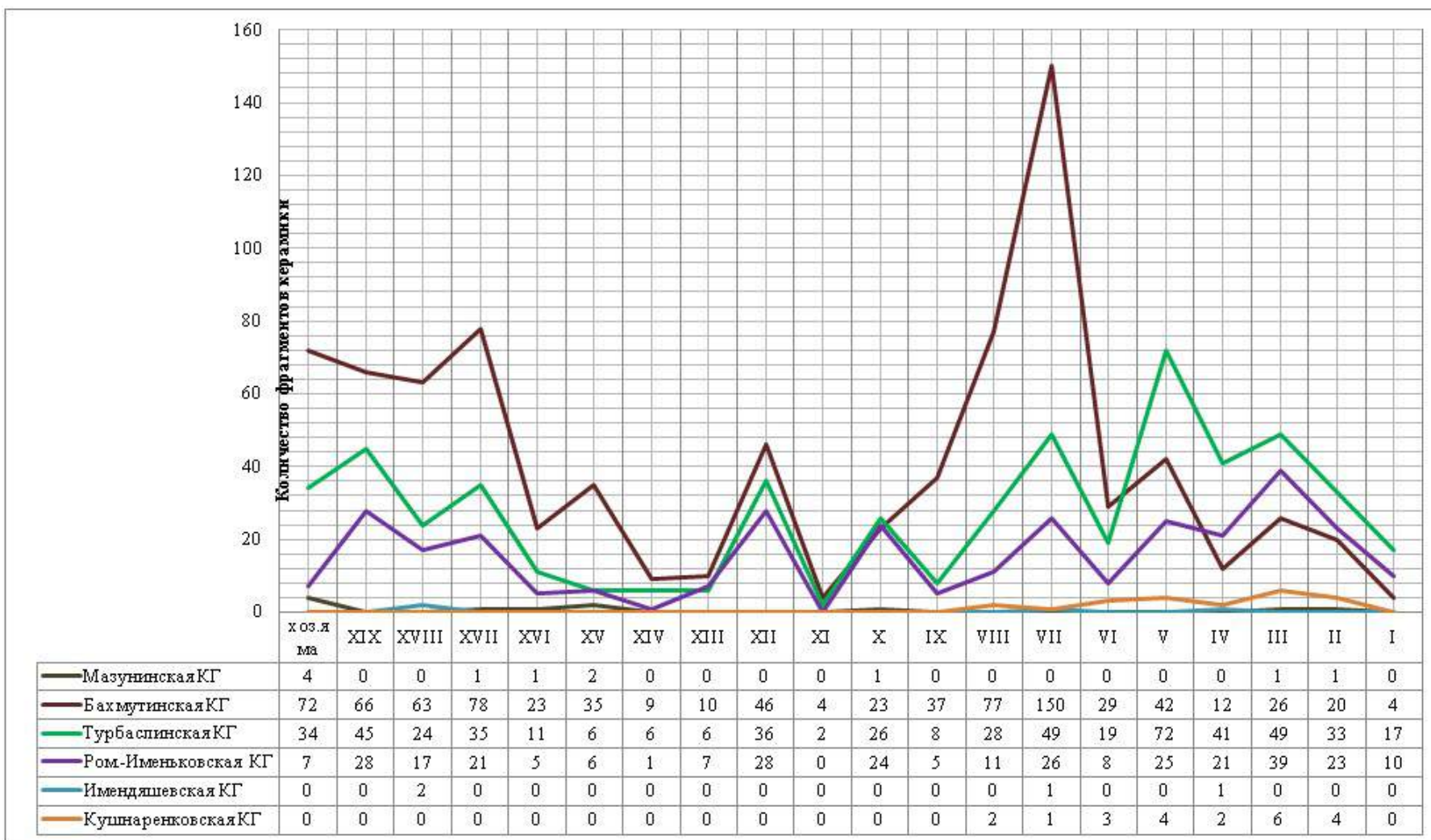

Рис.1. Количественная характеристика культурных групп, выделенных по керамическому материалу городища Уфа-II в 2017 г.

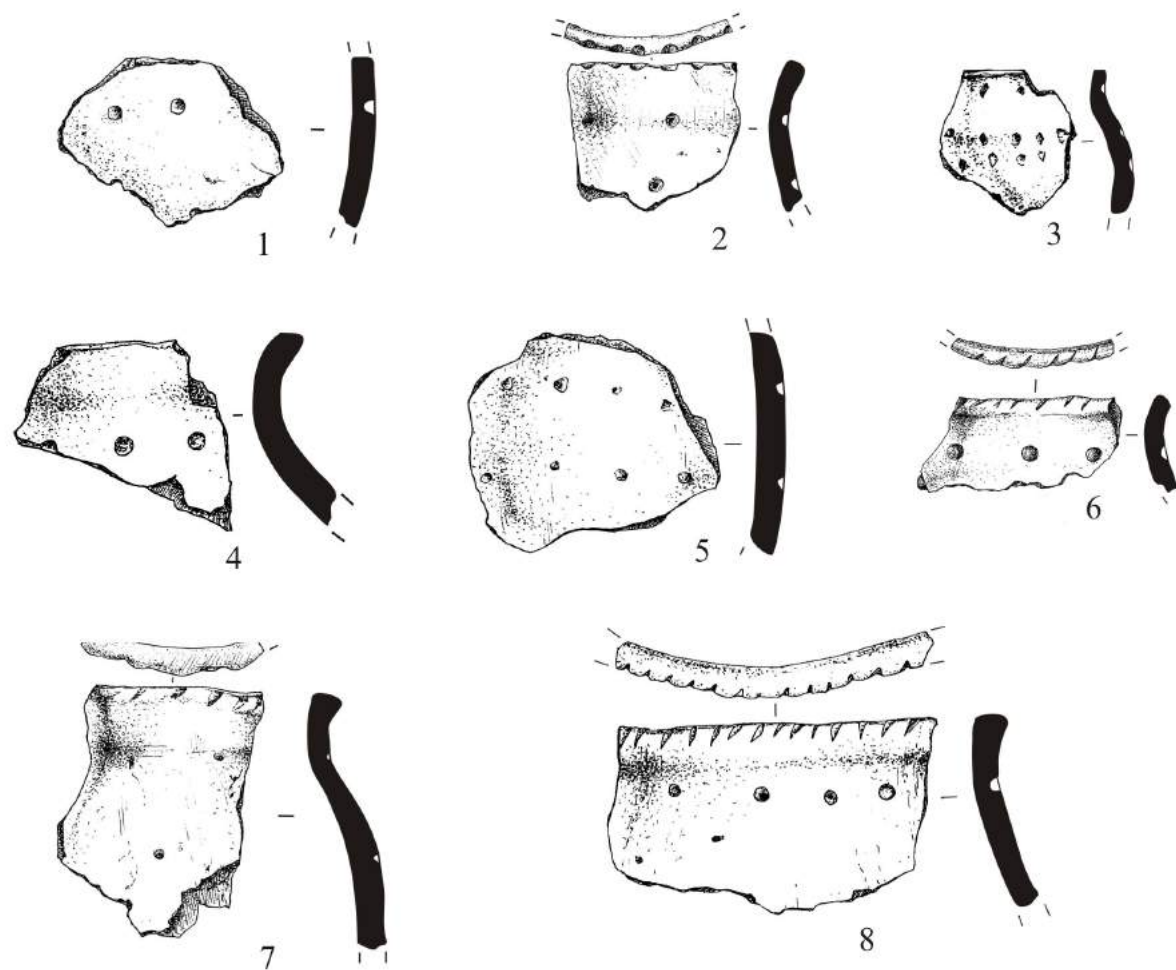

Рис. 2. Бахмутинская культурная группа

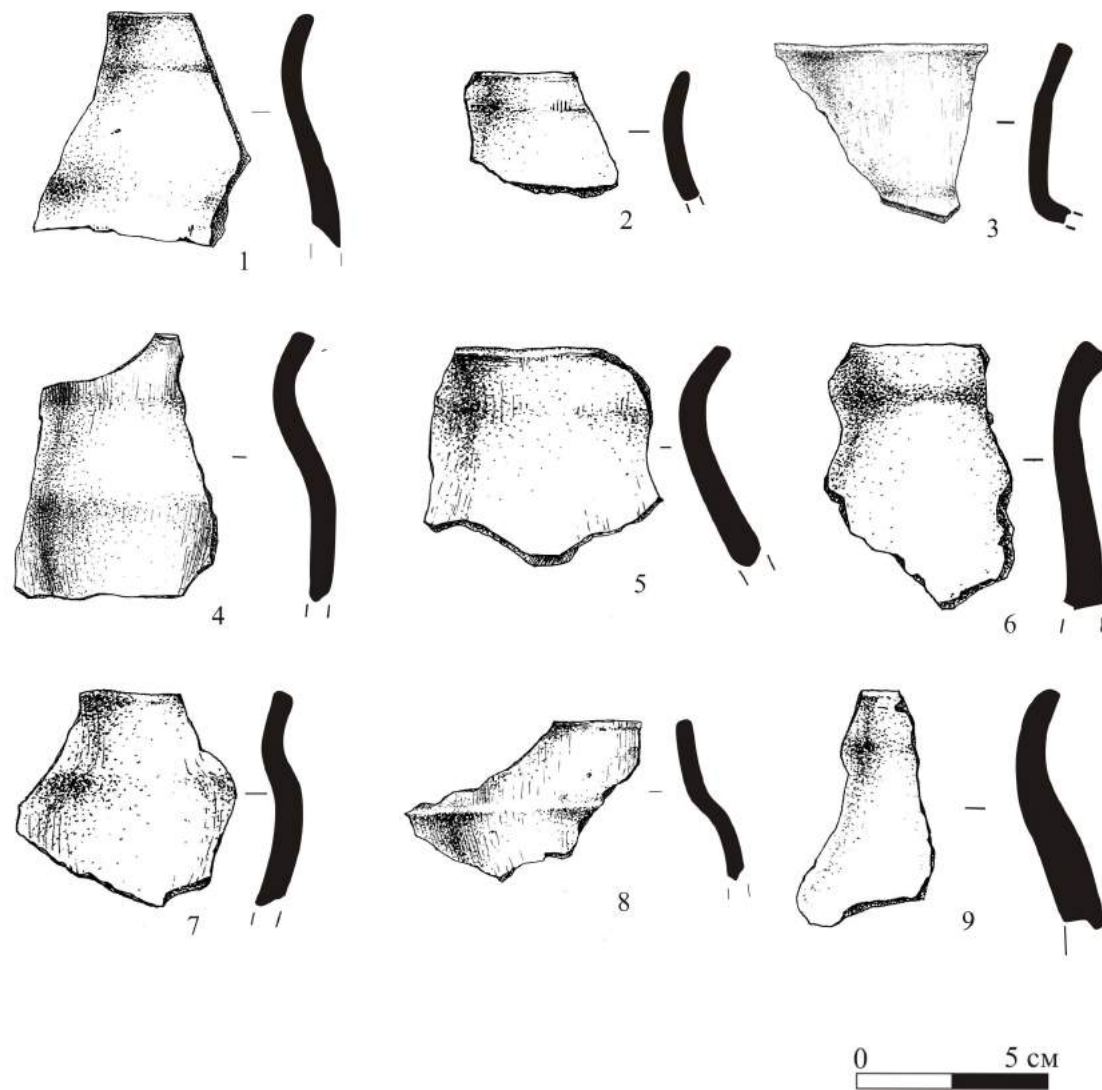

Рис. 3. Турбаслинская культурная группа

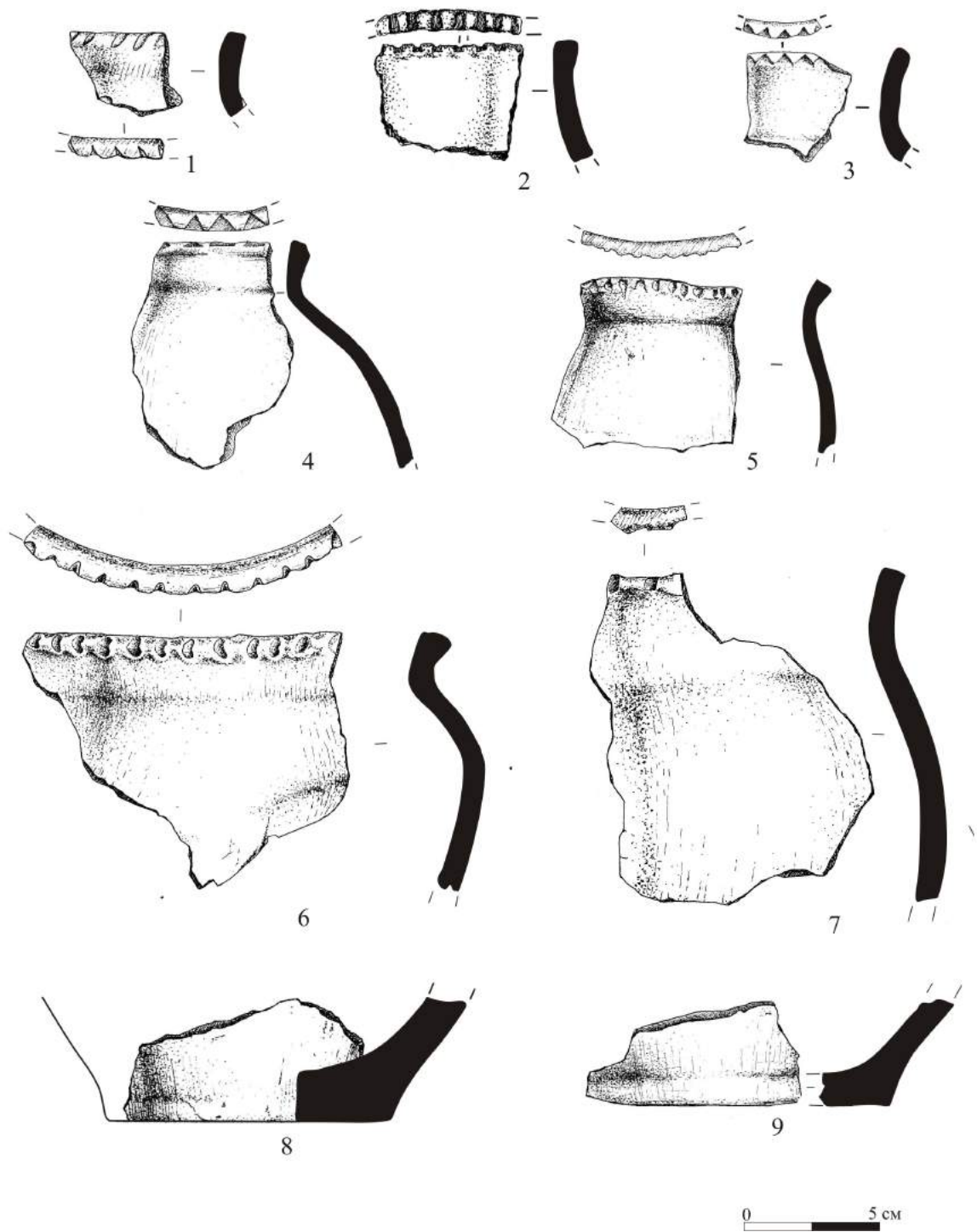

Рис. 4. Романовско-именьковская культурная группа

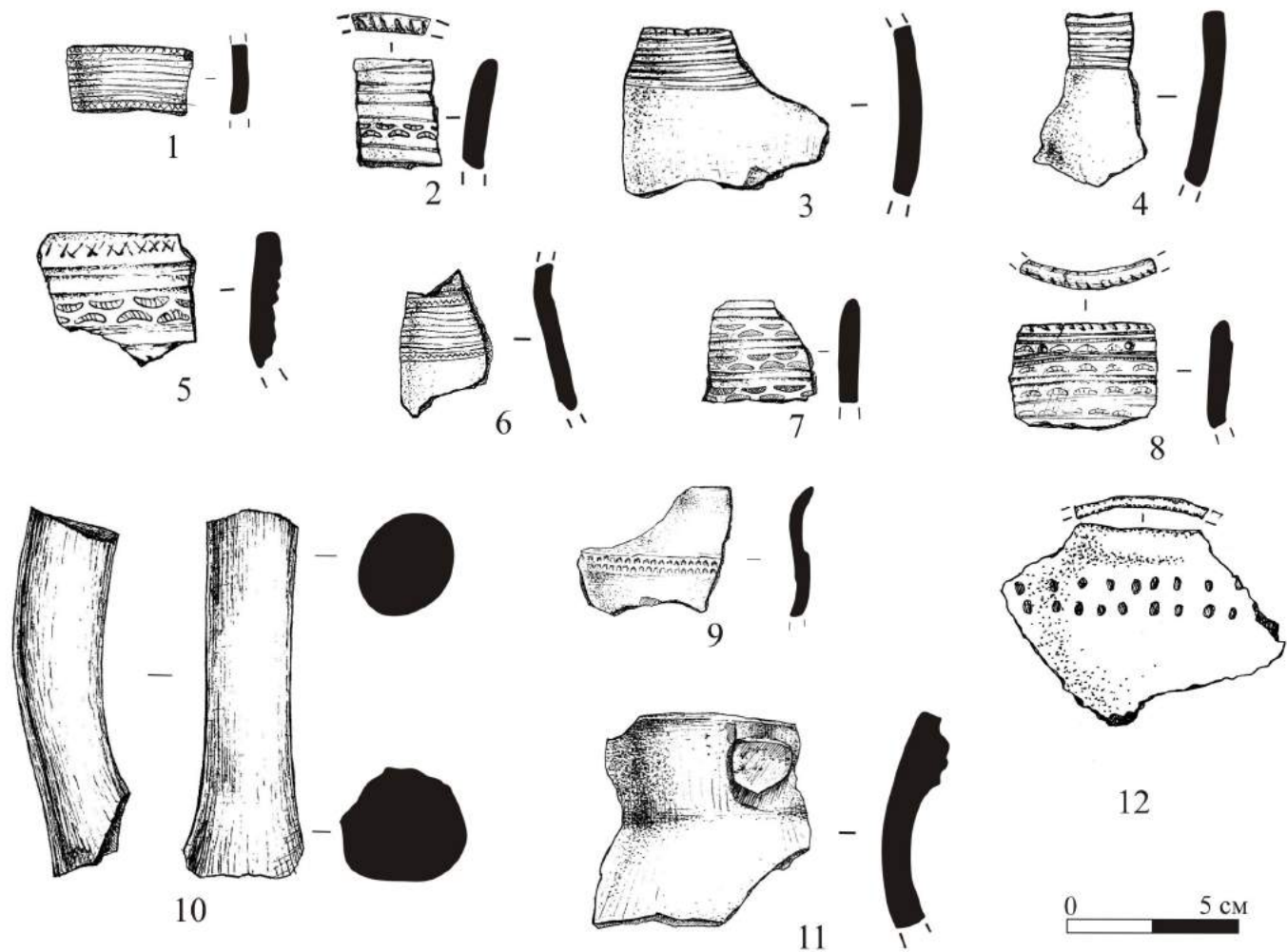

Рис. 5. Керамика, обнаруженная на городище Уфа-II в 2017 г.

Рис. 6. Керамика, обнаруженная на городище Уфа-II в 2017 г.

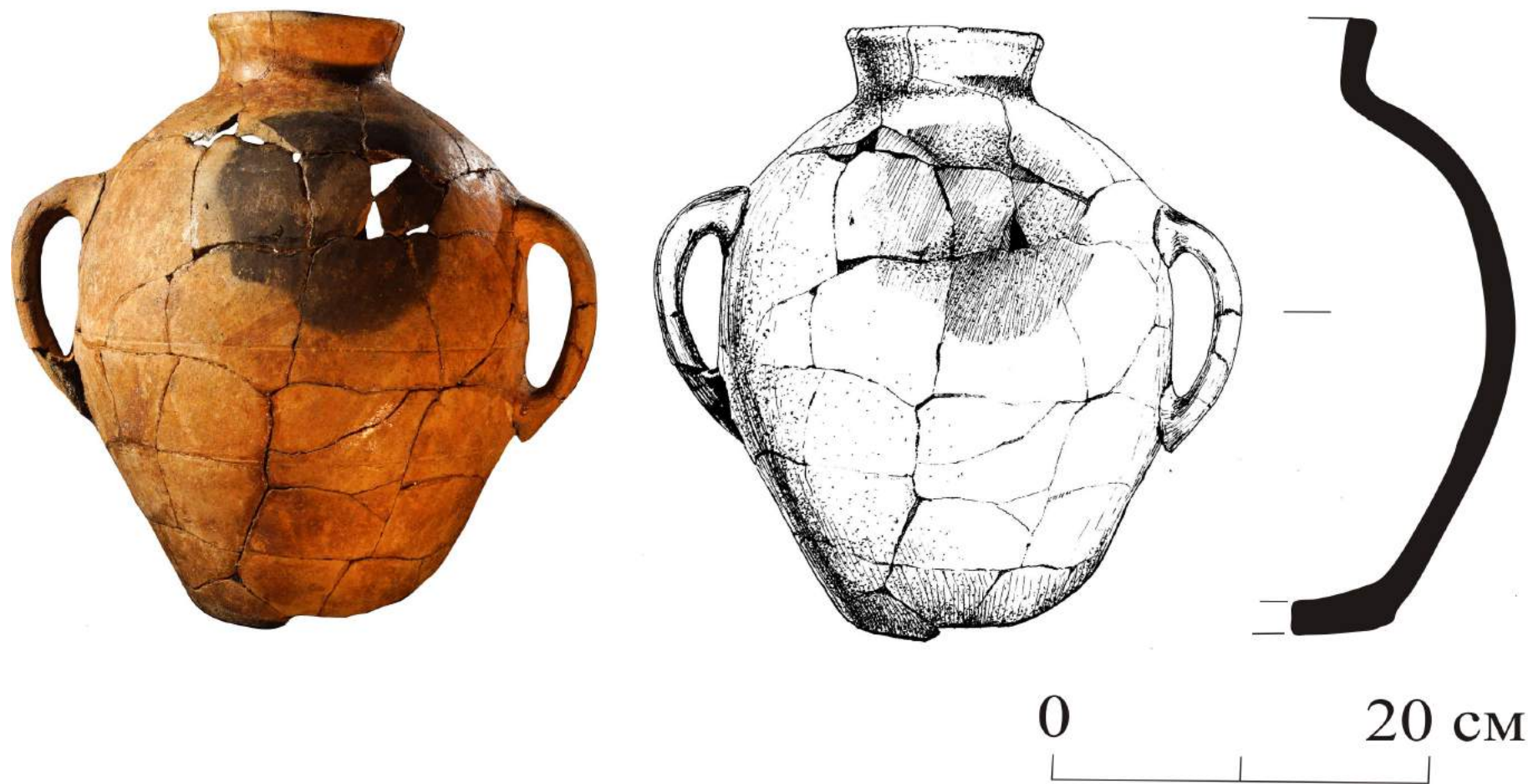

Рис. 7. Реконструкция гончарного импортного сосуда

А.Р. Ишбирдин
ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет
Уфа, Российская Федерация
**Реконструкция материальной культуры по материалам раскопок
городища Уфа-II**

A.R. Ishbirdin
Bashkir State University
Ufa, Russian Federation

**The Ancient City of Ufa-II Material Culture Reconstruction Based on
Excavation Materials**

*The time of existence of the settlement I-VII century AD. The crafts and life of the population of the ancient city of Ufa-2 were reconstructed according to archaeological finds in the excavations of 2012-2018. It was found that the residential buildings had earthen floors with sedge grass flooring. The houses had an open hearth. Savings was stored in household pits inside the dwelling. The main grain crop was white martian (*Chenopodium album*), hemp seeds were used as food (*Cannabis ruderalis*). Also as a food were used river fish, perch (*Percafluviatilis*) prevailed. one of the objects of the hunt were wild elks (*Alcesalces*). Also there were found fragments of a vessel of birch bark, harvested for weaving strips of birch bark, lamella from the horn of a cow, fragments of braided items of horsehair. Signs of machining bronze can be found on the floor of the room. Oak wood (*Quercusrobur*) was used as a building material. Oak wood was used for support pillars during construction and, probably, for main structures. Birch was used as fuel (*Betula sp.*). There was found a fragment of vest, consists of two layers (passive weapon) of bull leather. The vest is sewn fur inside and filled with resin from birch bark. All items of material culture indicate adaptation to local landscape conditions.*

Keywords: archeology, ancient settlement, material culture

Реконструкция материальной культуры на территории городища Уфа-II проводилась по материалам раскопок 2012 – 2018 годов. Для идентификации были представлены образцы органического и иного происхождения.

Среди представленных материалов были отмечены объекты растительного (древесина, травянистые растения, семена) и животного (кости, скелет, рога, роговые пластины, кожа) происхождения.

Среди древесных пород отмечены дуб (*Quercusrobur*), который преобладал как строительный материал. Остатки древесины дуба обнаружены во всех столбовых ямах. Обнаружены деревянные плахи из дуба – вероятно, что это элементы строительных конструкций (перекрытия и др.). Береза (*Betulasp.*) использовалась как топливо. Найдена береста со

следами обработки: фрагмент берестяного изделия с отверстиями для шва (вероятно, туес), полосы с параллельными краями со следами реза (заготовки для плетенных изделий).

Среди травянистых растений преобладают граминоиды (осоки, злаки), которые использовались в качестве настила пола в жилых помещениях. Чаще всего в толще травяного настила отсутствуют минеральные и иные органические включения, редко встречаются семена осоки. В верхнем слое настила встречаются очень мелкие угольки, возможно, что это угольки искр открытого очага. Здесь также отмечены многочисленные микроскопические следы продуктов окисления меди (медный купорос). Вероятнее всего, это свидетельствует о механической обработке бронзовых изделий внутри жилого помещения.

Обнаружена плотная органика охристого цвета, представляющая чистую (без минеральных и иных примесей) спрессованную массу двудольных растений. Вероятно, что это трава мари белой, подготовленной для употребления в пищу или обжига для получения поташа. Как поташ идентифицирована рыхлая зольная масса, в составе конгломератов которой обнаруживаются минерализованные структуры травянистых растений и щепы древесины.

Найдены семена мари белой, которая массово встречается в хозяйственных ямах, отмечается на травяной подстилке пола и в составе органики культурного слоя. Кроме того в хозяйственных ямах найдены семена конопли сорной (*Cannabis ruderalis*). Семена культурных злаков не обнаружены.

В хозяйственных ямах найдена чешуя мелкой речной рыбы, среди которой преобладает окунь (*Percas fluviatilis*). Найден рог молодого лоса двух лет (*Alces alces*). Лось добыт летом, предположительно в конце июля – начале августа: рога не полностью окостенели, не окостеневшая часть разрушена.

Идентифицированы органические и минеральные массы, подвергнутые воздействию высоких температур – шлаки. Встречается шлак в виде оплавленного кремнезема, а также сложного конгломерата органики (растения, почва) и минералов (кремнезем, глина). Возможно, что это фрагменты обжиговых или плавильных печей.

Представленные на анализ развалы керамической посуды имеют следы нагара на внешней стороне и нагар толщиной 1-2 мм по верхнему краю внутренней стороны, с которым связаны мелкие осколки костей. Посуда использовалась для приготовления пищи, в т.ч. варки мяса.

Уникальной является находка кожаного изделия, которое идентифицировано как элемент пассивного вооружения - доспех. Возможно, что это не полный доспех, а его часть (вероятно, нагрудник). Изделие сшито из двух слоев толстой кожи крупного рогатого скота. На

изделии есть следы шва, используемый для шва материал не сохранился. Кожа обработана, слои сшиты мехом внутрь и пространство между слоями залито березовой смолой. По всей видимости, доспех крепился к телу при помощи кожаных ремешков, вырезанных из обработанной шкуры животного. Фрагменты ремешков сохранились на одном из участков изделия. На некоторых участках поверхности доспеха сохранились микроскопические следы (шерсть) обвязочных ремней.

Весь комплекс объектов материальной культуры свидетельствует о высокой степени адаптации древнего населения территории к местным ландшафтными условиям.

Р.Г. Курманов
Институт геологии УФИЦ РАН
г. Уфа, Россия

Природные и культурные ландшафты городища Уфа-II (обобщение палинологических материалов)

R.G. Kurmanov
Institute of Geology UFRS RAS
Ufa, Russia

Natural and cultural landscapes of settlement Ufa-II (aggregated palynological data)

The article presents aggregated results of palynological analysis regarding sediments of settlement Ufa II. The vegetation was transformed from a synanthropized edge of mixed small-leaved-and-broad-leaved forest.

Keywords: archaeological palynology, vegetation reconstruction, holocene, Ufa-II, landscapes

Введение

Палинологические исследования на территории городища Уфа-II проводятся с 2011 г. В результате многолетней работы по изучению палинофлоры культурных отложений археологического памятника было выделено 8 периодов демуляции (сукцессий, направленных на восстановление сообществ прежнего состава) и 2 основных этапа смены растительности [Курманов, 2015; Курманов, Ишбирдин, 2015]. При этом были проанализированы как отдельные пробы: несколько образцов из раскопа 2008 г., заложенного для исследования устройства вала, пробы из слоя под деревянной мостовой на месте раскопа 2012 г. и из раскопа 2013 г., в которых был найден фрагмент кожаного доспеха, образцы из трех хозяйственных ям и чашеобразного глиняного изделия, так и многочисленные пробы из шести разрезов, заложенных на раскопах 2011 и

2013 г. Данная работа посвящена обобщению полученных нами палинологических материалов из шести вышеуказанных разрезов.

Материалы и методы

Четыре разреза, заложенные на раскопе 2011 г., имели общую мощность от 1,03 до 1,55 м. Всего на палинологический анализ на данном участке было отобрано 68 проб: 12 образцов из разреза 1, 17 – из разреза 2, 14 – из разреза 3 и 24 – из разреза 4. Более многочисленная выборка была получена при анализе отложений раскопа 2013 г.: разрез 5, общей мощностью 2,82 м – 50 образцов и разрез 6, мощностью 2,90 м – 21 проба. Отбор образцов проводился послойно. В целом, стратиграфическая колонка залегания точек отбора проб охватывала погребенную почву, культурные слои и почву над культурными слоями. Лабораторная обработка выполнялась по стандартной методике (сепарационный метод В.П. Гричука).

Результаты

Всего в составе 139 изученных проб обнаружена пыльца и споры 82 таксонов, которые можно объединить в 9 ценотических групп (табл. 1). Наибольшим разнообразием отличаются луговой, лесной и рудеральный ценотипы, что характеризует широкое распространение синантропизированных лесных полей и опушек.

Таблица 1

Ценотические типы флоры городища Уфа-II

Ценотипы	Число таксонов	Таксоны
Рудеральный	14	<i>Arctium</i> sp., <i>Artemisia</i> sp., <i>Cannabis ruderalis</i> , <i>Carduus crispus</i> , <i>Carum carvi</i> , <i>Chamerion angustifolium</i> , <i>Chenopodiaceae</i> , <i>Cirsium setosum</i> , <i>Leonurus quinquelobatus</i> , <i>Persicaria</i> sp., <i>Rumex</i> sp., <i>Sonchus</i> sp., <i>Taraxacum</i> sp., <i>Urtica</i> sp.
Пасквальный	4	<i>Amoria repens</i> , <i>Convolvulus arvensis</i> , <i>Plantago</i> sp., <i>Polygonum aviculare</i>
Сегетальный	1	<i>Centaurea cyanus</i>
Лесной	20	<i>Abies</i> sp., <i>Acer</i> sp., <i>Alnus</i> sp., <i>Betula pubescens</i> ssp., <i>Botrychium lunaria</i> , <i>Calystegia sepium</i> , <i>Corylus avellana</i> , <i>Fraxinus</i> sp., <i>Lycopodium</i> sp., <i>Picea</i> sp., <i>Pinus sylvestris</i> , <i>P. sibirica</i> , <i>Polypodiaceae</i> , <i>Quercus robur</i> , <i>Rosaceae</i> , <i>Rubus</i> sp., <i>Salix</i> sp., <i>Tiliacordata</i> , <i>Ulmus</i> sp., <i>Viburnum opulus</i>

Ценотипы	Число таксонов	Таксоны
Луговой	36	<i>Achillea</i> sp., <i>Angelica archangelica</i> , <i>A. sylvestris</i> , Apiaceae, Asteroideae, Brassicaceae, <i>Bistorta major</i> , <i>Bupleurum</i> sp., Caryophyllaceae, <i>Campanula</i> sp., Cichorioideae, <i>Centaurea scabiosa</i> , Fabaceae, <i>Fragaria</i> sp., <i>Geranium</i> sp., <i>Heracleum sibiricum</i> , <i>Inula</i> sp., <i>Knautia</i> sp., <i>Lathyrus</i> sp., <i>Lavatera huringiaca</i> , Mal vaceae, <i>Pleurospermum muralense</i> , Poaceae, <i>Polemonium caeruleum</i> , <i>Ranunculus</i> sp., Rosaceae: <i>Filipendula</i> sp., Rubiaceae, <i>Salvia</i> sp., <i>Sanguisorba officinalis</i> , Scrophulariaceae, <i>Solidago virgaurea</i> , <i>Stellaria</i> sp., <i>Symphitum officinale</i> , <i>Thalictrum</i> sp., <i>Valeriana wolgensis</i> , <i>Vicia</i> sp.
Степной	2	<i>Origanum vulgare</i> , <i>Eryngium planum</i>
Горно-степной	1	<i>Ephedra distachya</i>
Водный	2	<i>Nuphar</i> sp., <i>Typha</i> sp.
Болотный	2	<i>Sphagnum</i> sp., Bryales

Анализ динамики естественных и синантропных растительных сообществ в период функционирования городища Уфа-II позволил выделить несколько этапов (рис.). Освоение территории началось в условиях естественных ландшафтов, представленных широколиственными лесами с доминированием липы (*Tilia cordata*), дуба черешчатого (*Quercus robur*) и открытыми пространствами опушек и полей, где произрастали борщевик сибирский (*Heracleum sibiricum*), лабазник (*Filipendula* sp.), мареновые (Rubiaceae) и злаки (Poaceae). Начальный этап сопряжен с перемешиванием слоев во время закладки городища. Практически во всех спектрах из нижней части разрезов, а также в образцах из вала, преобладает переотложенная пыльца, характеризующая плейстоценовые лесостепи: береза (*Betula* sp.), маревые (Chenopodiaceae), полыни (*Artemisia* sp.), сложноцветные (Asteraceae). Кроме того, в составе данных проб обнаружена пыльца водных растений: рогоз (*Typha* sp.) и кубышка (*Nuphar* sp.), а в образцах из вала выделены остатки пресноводных водорослей *Pediastrum*, что указывает на использование в качестве строительных материалов прибрежных отложений.

1 этап характеризует синантропизированную опушку широколиственного леса с примесью хвойных и мелколиственных пород. Существовавшие в данный период ландшафты отличаются мозаичностью. В это время были также распространены участки со степной и

разнообразной луговой растительностью, отмечены небольшие заболоченные участки.

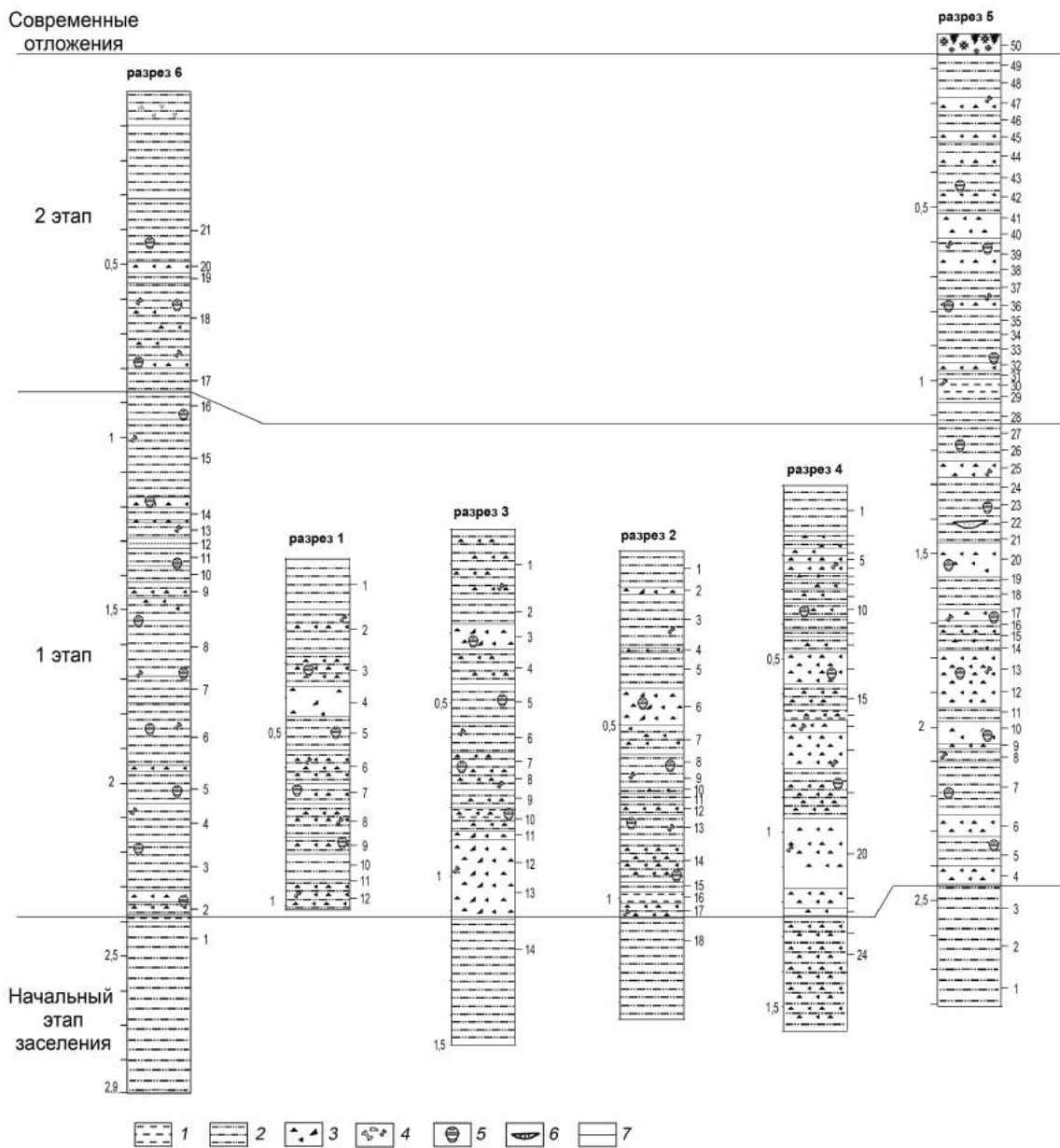

Рис. Этапы смены растительных сообществ на городище Уфа-II. Условные обозначения: 1 – глина; 2 – супесь; 3 – растительные макроостатки (тлен дерева и т.п.); 4 – костные остатки крупных и мелких млекопитающих; 5 – керамика; 6 – линза песка; 7 – границы слоев

Синантропная флора была представлена рудеральными и пасквальными растениями. На основе палинологических данных выявлено 4-5 периодов демутации, этот факт указывает на то, что территория городища периодически осваивалась и забрасывалась (табл. 2, 3).

Таблица 2

Доли ценотипов на разных этапах смены растительности (разрез 5)

Ценотипы	Н.Э.	1 этап									2 этап									С.Э.
	Палинозоны																			
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	
	СП 1-3	СП 4	СП 5-8	СП 9	СП 11- 12	СП 13- 14	СП 15- 18	СП 19- 20	СП 21- 25	СП 26- 27	СП 28	СП 29- 32	СП 33- 34	СП 35	СП 36	СП 39- 41	СП 42- 44	СП 45-49	СП 50	
лесной:	55,9	6,6	17,1	3,8	19,3	9,1	26,5	1,7	21,6	40,9	84,7	32,3	51,5	18,2	25,0	20,1	31,5	15,7	35,0	
в т.ч.																				
<i>широколиственные,</i>	6,9	0,7	11,6	1,9	5,6	2,6	5,3	2,8	7,8	4,0	5,8	5,1	1,7	-	6,3	3,2	7,1	5,1	-	
<i>мелколиственные,</i>	14,9	-	4,8	-	3,6	0,6	1,0	-	3,6	2,9	42,4	4,1	24,8	3,6	-	3,5	17,9	0,8	-	
<i>хвойные породы</i>	1,8	0,3	1,0	-	0,6	1,8	3,3	1,4	1,4	10,5	1,7	5,5	10,9	1,8	8,8	3,6	1,3	4,0	18,3	
<u>луговой</u>	7,1	6,6	31,4	9,6	19,0	10,7	31,0	22,8	23,4	13,6	1,2	30,5	23,6	21,8	5,0	17,7	26,3	21,8	1,0	
<u>рудеральный</u>	31,5	78,4	25,4	84,6	53,1	47,6	27,1	20,3	13,3	9,8	1,7	26,0	21,6	47,3	15,0	55,1	19,6	3,7	48,3	
<u>пасквальный</u>	0,4	8,6	3,3	1,9	2,5	0,9	3,7	14,1	6,6	26,1	3,4	8,8	2,6	2,0	1,0	7,4	6,4	11,6	6,7	
сегетальный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,2	-	-	
горно-степной	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
степной	-	-	0,4	-	0,6	0,3	-	0,7	0,5	-	-	1,9	-	1,8	-	-	-	-	-	
<u>водный</u>	2,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
<u>болотный</u>	2,7	-	-	-	1,0	-	0,5	-	0,3	0,7	-	0,4	1,4	-	-	-	-	-	-	

Н.Э. – начальный этап заселения, С.Э. – современный этап

Таблица 3

Доли ценотипов на разных этапах смены растительности (разрез б)

Ценотипы	Н.Э.	1 этап					2 этап	
	Палинозоны							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	СП 1	СП 2-4	СП 5-9	СП 10, 11	СП 13	СП 14-16	СП 17	СП 18, 19
лесной:	65,0	27,2	17,1	13,3	37,2	20,9	80,9	21,4
в т.ч.								
<i>широколиственные,</i>	8,7	12,2	4,3	0,9	6,9	6,4	1,5	7,3
<i>мелколиственные,</i>	28,5	3,2	2,0	0,6	10,8	2,7	64,9	2,6
<i>хвойные породы</i>	2,3	5,5	3,8	1,9	10,8	2,6	2,3	0,6
луговой	26,2	34,0	35,2	26,4	41,2	34,3	12,3	27,0
рудеральный	6,1	7,4	40,8	22,0	10,8	41,7	5,3	50,6
пасквальный	-	31,1	6,5	38,3	10,8	2,3	1,5	1,0
горно-степной	-	-	0,3	-	-	-	-	-
водный	0,4	-	-	-	-	-	-	-
болотный	2,3	0,3	0,1	-	-	0,8	-	-

2 этап характеризует синантропизированную опушку смешанного мелколиственно-широколиственного леса. Этот этап связан с исчезновением из спектров дуба, степных и болотных растений, возрастанием доли березы и появлением представителей сегетальной флоры: василек синий (*Centaureacyanus*), что свидетельствуют о возрастании антропогенной нагрузки на изучаемые территории, связанной с вырубкой и распашкой.

Современный этап характеризует сильносинантропизированные открытые пространства. Подобные растительные сообщества могли сформироваться лишь в условиях современного города.

Выводы

В результате обобщения палинологических данных была получена схема корреляции шести разрезов. Выделено несколько этапов смены растительности на городище Уфа-II и на прилегающих территориях. Два основных этапа характеризуют существование естественных и синантропных растительных сообществ, представленных сначала синантропизированной опушкой широколиственного, а затем мелколиственно-широколиственного леса.

Список источников и литературы

Курманов Р.Г. Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 175-184.

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Реконструкция растительности на городище Уфа II и прилегающих ландшафтов по данным спорово-пыльцевого анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1. С. 101-109.

З.Ф. Нигматуллина

Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»
г. Уфа, Российская Федерация

Формирование и комплектование фондов Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа»

Z.F. Nigmatullina

State Budgetary Institution Republican Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa»
Ufa, Russian Federation

Formation and acquisition of funds of the Republican Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa»

The stock work of the Museum-Reserve “Ancient Ufa” has been carried out since the very beginning of the creation of the organization itself. Museum items are concentrated in the archaeological, ethnographic, natural science collections. Also formed a collection of items containing precious metals. The main source for the formation and stocking of the fund were materials from archaeological excavations on the territory of the cultural heritage site of federal significance “Ufa-II Settlement”. Since 2012, the archaeological collection is also replenished by taking into account the materials of its own archaeological surveys and excavations of the museum-reserve. The ethnographic collection includes items from the branch of the Ancient Ufa Museum-Reserve - the Museum of Architecture of Bashkortostan. The natural science collection focuses on zoology and paleontology. From 2014 to 2018, more than seven thousand museum objects were counted in the fund of the museum-reserve. As a result of the creation and development of funds, targeted systematization of objects in separate collections, an organized source base of the museum-reserve is created.

Keywords: Museum-Reserve “Ancient Ufa”, museum fund, museum object, museum collection, cultural heritage, archaeological exploration, archaeological excavations

Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» было создано согласно распоряжения Правительства Республики Башкортостан от 15.03.2011 №

222-р [История создания...]. Базой для организации музея-заповедника «Древняя Уфа» стал объект культурного наследия федерального значения памятник археологии «Городище Уфа – II». С первых дней наряду с организационными вопросами и становлением нового учреждения не осталось без внимания и формирование ее фондов. Ведь задачи музейного хранения состоят в обеспечении сохранности музейных ценностей, в создании благоприятных условий для их изучения, показа и популяризации [Инструкция по учету и хранению...]. Также комплектование фонда, наличие в нем интересных по содержанию и достаточно разнообразных по составу предметов являются одним из показателей эффективной музейной деятельности. Поэтому на сегодняшний день фондовая работа является одной из ведущих направлений в работе Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа».

Музейный фонд был создан после регистрации музея-заповедника в реестре музеев Республики Башкортостан 24 октября 2014 г. В фонд были включены первые музейные предметы и в основном документе – «Книге поступлений постоянного хранения» появились первые записи. И буквально сразу после организации фонда РИКМЗ «Древняя Уфа» заключил «Договор № 37/14 о передаче культурных ценностей» от 02.02.2015 г. с ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». В течение 2015 г. (с февраля по декабрь) из БашГУ по актам были переданы материалы археологических раскопок с территории ОКН «Городище Уфа – II» за 2006-2012 гг.

Началась работа по атрибуции и составлению коллекционной описи на индивидуальные находки с археологических раскопок 2006 г. на территории «Городище Уфа – II». С 15 мая 2015 г., со дня регистрации первых предметов – индивидуальных находок 2006 г., в Государственную часть Музейного фонда Российской Федерации, ведется планомерная непрерывная работа по учету предметов с «Городища Уфа-II». Таким образом, материалы раскопок получили статус «музейных предметов» и именно предметы с «Городища Уфа-II» стали основой для создания археологической коллекции музея-заповедника. Среди индивидуальных находок с городища изделия из металла, кости, керамики, камня, такие как пряжки, накладки, тигли, пинцеты, зеркала, подвески, наконечники стрел, амулеты, сопла, льячки, пряслица, раковины каури, монеты золотоордынского времени, бусины, оселки и т.д.

В соответствии с распоряжением Правительства РБ от 07.10.2014 № 1048-р к музею-заповеднику «Древняя Уфа» было присоединено в качестве филиала Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей деревянного зодчества [История создания]. Комплектование фонда филиала, теперь уже – Музея

зодчества Башкортостана, стала неотъемлемой частью учетно-хранительской работы. Был организован фонд «Зодчество», включающий в себя предметы этнографии. Основу коллекции составляют деревянные резные наличники окон и фрагменты домовой резьбы со снесенных домов г.Уфы с богатой историей построения и интересными судьбами их владельцев. Помимо этого, в коллекцию входят предметы быта и домашней утвари из дерева, текстиля, металла, стекла и фарфора. Также, небольшое количество предметов относящиеся к палеонтологии и зоологии составляют основу естественно-научной коллекции. Таким образом, за короткий срок музейные предметы распределились в три фондовых коллекции музея-заповедника.

В связи с переездом в июле 2016 г. на более просторное помещение было организовано раздельное хранение для музейных предметов и музейных коллекций, что является важным мероприятием в организации соответствующих условий для хранения и обеспечения сохранности культурных ценностей.

В Российской Федерации фондовая деятельность музеев, где хранятся культурно-исторические ценности, четко и строго регулируются федеральными, региональными законами и другими нормативными документами. Так, согласно статьи 45.1 «Порядок проведения археологических полевых работ» Федерального закона от 25.06.2002 № 73 (с изм. на 29.07.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», все предметы археологии, имеющие историко-культурную ценность, должны быть включены в государственную часть Музейного фонда РФ, т.е. в основной фонд музея [ФЗ №73]. Соответственно все предметы археологической коллекции зарегистрированы в основном фонде музея-заповедника.

Для сохранности музейных предметов важны не только условия хранения, но и грамотная учетная работа. В этой части значительно помогает комплексная автоматизированная система «Музей-3», которая была запущена в учреждении во второй половине 2016 г. В АС «Музей-3» занесены учетные данные и изображения 6400 музейных предметов.

Согласно Федеральному закону от 26.05.1996 № 54 (ред. от 28.12.2017) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» музей-заповедник в начале 2017 г. одним из первых в республике зарегистрировался в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации и начал планомерную передачу учетных данных и изображений музейных предметов [ФЗ № 54].

В мае 2017 г. была проведена первичная экспертиза на содержание драгоценных металлов и камней в составе музейных предметов археологической коллекции с «Городища Уфа-II». В результате апробации Поволжская государственная инспекция пробирного надзора ФКУ

«Пробирная палата России» выявила в составе музейных предметов наличие золота и серебра [Фонд ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»]. С июня 2017 г. РИКМЗ «Древняя Уфа» состоит на спецучете в Поволжской госинспекции пробирного надзора. Был организован фонд «Драгметалла», и музейные предметы были помещены в специальное фондохранилище с надлежащими условиями.

С начала 2016 г. музей-заповедник осуществляет выполнение государственного задания «Формирование, учет, изучение, обеспечение физического сохранения и безопасности музейных предметов, музейных коллекций» с ежегодным пополнением фонда на 1000 музейных предметов. В четвертом квартале 2017 г. была введена корректировка в госзадание, для скорейшего своевременного учета материалов археологических раскопок 2007-2012 гг. с территории «Городище Уфа – II». В результате проделанной работы в фонд поступило 3713 индивидуальных находок.

Согласно Федерального закона № 73 «Об объектах культурного наследия...» в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) все изъятые археологические предметы должны быть зарегистрированы в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации [ФЗ № 73]. Поэтому в фонд зарегистрированы археологические предметы раскопок 2006-2012 гг. переданные из БашГУ, также материалы собственных разведок и раскопок музея-заповедника 2012-2015 гг.

Таким образом, музей-заповедник «Древняя Уфа» имеет четыре коллекции: археологическую, естественно-научную, этнографическую и коллекцию предметов, содержащих драгметаллы, с общей численностью более 7 тысяч единиц хранения.

Археологическая коллекция является самой многочисленной – на конец третьего квартала 2018 г. в ней насчитывается 6183 музейных предмета. Из них 5696 музейных предметов являются материалами с территории «Городище Уфа-II» (около пяти тысяч индивидуальных находок). Особой гордостью для музея-заповедника является наличие фонда «Драгметалл», состоящей исключительно из археологических находок.

По утвержденному план-графику ежегодно проводится сверка наличия музейных предметов и музейных коллекций с учетной документацией.

В Государственном каталоге Музейного фонда зарегистрированы 6400 музейных предмета и все они находятся в открытом доступе для исследователей [Госкаталог МФ РФ].

Продолжается комплектование фонда фрагментами керамических изделий: лепных и гончарных сосудов с «Городища Уфа – II», относящихся к разным археологическим культурам.

На конец третьего квартала 2018 г. в фонде «Древней Уфы» насчитывается 7112 предмета, что является немаловажным показателем для «молодого» музея-заповедника.

Фонды РИКМЗ «Древняя Уфа» представляют четко структурированный раздел, основной целью которого является учет, хранение и охрана музейных предметов и музейных коллекций, которые являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Российской Федерации, для их дальнейшего изучения и популяризации.

Список источников и литературы

Госкаталог МФ РФ (Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации) [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=2859> (дата обращения: 16.11.2018).

Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР №290 от 17.07.1985 [Электронный ресурс]. URL: <http://art-con.ru/node/3890> (дата обращения: 16.11.2018).

История создания [Электронный ресурс] // ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа». URL: <http://drufa.ru/ob-uchrezhdenii/istoriya-sozdaniya/> (дата обращения: 16.11.2018).

ФЗ № 54 (Федеральный закон от 26.05.1996 № 54 (ред. от 28.12.2017) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/92c02120a3f61c130766e4496790c2101297fc5c/ (дата обращения: 16.11.2018).

ФЗ № 73 (Федеральный закон от 25.06.2002 № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304221&fld=134&dst=615,0&rnd=0.5877199636318922#013187784550680126> (дата обращения: 16.11.2018).

Фонд ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа». Акт № 1-1 об экспертизе предметов от 25.05.2017 г.

Р.Р. Сулейманов^{1,2}, А.Я. Кунгурцев³
¹Уфимский Институт биологии УФИЦ РАН
²Башкирский государственный университет
³Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина
^{1,2}Уфа; ³Екатеринбург, Россия

Почвенно-морфологические особенности культурного слоя городища Уфа-II

R.R. Suleimanov^{1,2}, A.I. Kungurtsev³
¹Ufa Institute of Biology UFRS RAS
²Bashkir State University
³Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.
Yeltsin
^{1,2}Ufa, ³Ekaterinburg

The paper presents the results of a study of soil-morphological properties of soil cover of the archaeological settlement Ufa-II located in southern elevated part of the Ufa Peninsula (Ufa city). It is shown that the settlement of ancient man in this area was due to elevated relief and presence of water resources. The soil cover was represented by humus-quasi-gley soil. The vital activity of ancient man led to formation of a cultural layer consisting of morphologically expressed layers. Compared to genetic horizons of the soil buried under them, morphologically expressed layers have a lighter color, easier particle size, lack of soil structure and presence of inclusions in form of ash, ceramics, bones, charcoal and plant residues.

Keywords: soil cover, archaeological settlement, cultural layer, morphological properties

В современном генетическом почвоведении, одной из основополагающих научных концепций служит положение о том, что морфология почвы – это концентрированное отражение ее генезиса, истории ее развития. В морфологических признаках почвы, в строении ее профиля отражаются те процессы, под влиянием которых материнская горная порода с течением времени превращается в почву. Детальное исследование морфологии почв дает ключ к познанию истории их формирования и эволюции, служит основой научных концепций генезиса почв. На основании исследования морфологии почв можно получить обоснованные представления и об их составе, о химизме протекающих в почве процессов, о тех режимах, под воздействием которых развивается почвообразование [Розанов, 2004.С. 7-8].

В тоже время в местах соприкосновения с почвенным покровом человек всегда оставляет после себя следы пребывания в виде предметов, объектов, пищевых, бытовых, строительных или производственных отходов или в виде преобразования природных компонентов, прежде всего растительного покрова, верхнего горизонта почв, поверхностного слоя пород. Со временем антропогенные остатки, вовлекаясь в различные (антропо-, крио-, био-) турбации, перемешиваются с почвенным или (и) литологическим материалом. Они погружаются в почву или породу, могут погребаться новыми наносами (склоновыми, аллювиальными, ветровыми и др.). Образуется качественно иное тело, ограниченное в пространстве и времени. Это новое образование – культурный слой имеет уже свои особые морфологические признаки, химические и физико-химические свойства, особый режим функционирования и динамику изменений, генезис и эволюцию. Формируясь в определенную природно-историческую эпоху, культурный слой не только несет в себе информацию о материальной природе той или иной человеческой группы и тем самым является основным объектом археологии, но и записывает важные природные события, а также фиксирует те изменения, которые вносит человек в окружающую среду.[Эволюция почв..., 2015.С. 790]. В связи с чем, целью исследований явилось изучение морфологических свойств, как генетических горизонтов почвенного покрова, так и культурных слоев, образовавшихся в результате жизнедеятельности древнего человека на территории археологического памятника.

Исследования проводились на территории археологического памятника городище Уфа-II, расположенного в южной части г. Уфы. Согласно физико-географическому районированию Уфимский полуостров находится в Лесостепной природно-климатической зоне. Основными типами растительности в недавнем прошлом являлись хвойно-широколиственные и широколиственные леса и степи. Преобладающими типами степей являются злаково-разнотравные и ковыльно-разнотравные. По поймам рек развита луговая, а в местах избыточного увлажнения – болотная растительность. Преобладающими типами почв являются черноземы и серые лесные почвы [Физико-географическое..., 1964.С. 52]. Непосредственно почвенный покров Уфимского полуострова, на котором расположен г. Уфа, представлен серыми лесными почвами, сформировавшимися под широколиственными лесами [Аmineва и др., 2014.С. 59]. На момент проведения исследований археологический памятник располагался на левом склоне оврага, по дну которого протекал ручей.

Мощность почвенного покрова археологического памятника составляет около трех метров и состоит из погребенной почвы, которая существовала на момент образования поселения, сформировавшегося на

ней культурного слоя и современной антропогенно-преобразованной почвы.

По всей видимости, на момент образования поселения древнего человека данная территория представляла собой пологосклонный эрозионный участок северо-восточной экспозиции с руслом протекающего ручья, который впадал в реку Белая. Почвенный покров был представлен гумусово-квасиглеевой почвой, которая характеризовалась наличием гумусового горизонта, плавно переходящего в гидрометаморфический горизонт с характерной светло-сизой окраской, гумусовыми потеками и карбонатной пропиткой. По мере функционирования поселения древнего человека на данной территории протекали два почвообразовательных процесса – с одной стороны происходило формирование культурного слоя, с другой – шло развитие образования оврага по руслу ручья.

Мощность культурного слоя составила около двух метров. Сам культурный слой дифференцируется на несколько культурных отложений, которые состоят из смеси представленных на данной территории аллювиальных и делювиальных отложений, золы, керамики, костей, древесного угля, растительных остатков и различающихся между собой по цвету и характеру преобладающего слагающего их материала.

Поверх культурного слоя вследствие отсутствия влияния гидрологического (переувлажнение) фактора почвообразования (увеличение глубины оврага и формирование мощного культурного слоя) произошло формирование серой лесной почвы, на сегодняшний момент испытывающей воздействие урбанизированной территории.

Приведем морфологическое описание, наиболее полно характеризующее почвенный покров археологического памятника Уфа-II.

АУ–серогумусовый, влажноватый, легкий суглинок, комковато-порошистый, слабо уплотнен, блески SiO_2 , густо переплетен корнями растений. Переход ровный, очень четкий по цвету;

ЕЛ– светлый, палевый, сизовато-сероватый, влажноватый, средний суглинок, неоднородный по гранулометрическому составу, комковато-порошистый, уплотнен, белесая присыпка карбонатов, корни, фрагменты костей животных от 2-3 см до 10-15 см. Переход неровный с затеками и языками;

уг 1 – Светло-желтый, бесструктурный, плотный, влажноватый, легкосуглинистый, карбонатная белоглазка.

уг 2 – Темно-желтый, бесструктурный, уплотнен, влажноватый, супесчаный, включения линз белесой глины бурно вскипающей от 10% HCl .

уг 3 – Светло-желтый, бесструктурный, плотный, сухой, легкосуглинистый, включения линз белесой глины бурно вскипающей от 10% HCl .

ur 4 – Серый, бесструктурный, плотный, сухой, легкосуглинистый, включения линз темно-серого цвета.

ur 5 – Светло-желтый, бесструктурный, плотный, сухой, легкосуглинистый, включения линз белесой глины бурно вскипающей от 10% HCl.

ur 6 – Темно-желтый, комковато-порошистый, плотный, сухой, легкосуглинистый, гумусовые затеки в виде языков серого цвета современной почвы.

ur 7 – Светло-желтый, бесструктурный, плотный, сухой, легкосуглинистый, бурно вскипает от 10% HCl.

ur 8 – Светло-коричневый, комковатый, плотный, влажноватый, суглинистый, перемешан с гумусово-аккумулятивными горизонтами погребенной почвы, включения орштейновых зерен.

ur 9 – Темно-желтый, бесструктурный, плотный, сухой, суглинистый, карбонатная белоглазка.

ur 10 – Светло-коричневый, комковатый, плотный, влажноватый, суглинистый, перемешан с гумусово-аккумулятивными горизонтами погребенной почвы.

ur 11 – Желтый, бесструктурный, плотный, сухой, легкосуглинистый, бурно вскипает от 10% HCl.

AU – Темно-серый, комковато-зернистый, уплотнен, сухой, легкосуглинистый, вскипает от 10% HCl, переход постепенный.

Q – Палево-бурый с ржавыми пятнами, мелокореховатый с сизым глянецом на поверхности структурных отдельностей, плотный, свежий, среднесуглинистый, вскипает от 10% HCl.

CQ – Светло-серый с ржавыми и сизыми пятнами, бесструктурный, плотный, влажный, средний суглинок, вскипает от от 10% HCl.

Таким образом, проведенные исследования на территории археологического памятника «Уфа-II» показали, что поселение древнего человека на данной территории произошло в условиях наличия водных ресурсов на гумусово-квасиглеевой почве. Жизнедеятельность древнего человека привела к формированию культурного слоя, состоящего из морфологически выраженных слоев, которые по сравнению с генетическими горизонтами погребенной под ними почвы отличаются наличием археологических артефактов, более светлой окраской, легким гранулометрическим составом и отсутствием почвенной структуры.

Список источников и литературы

Аmineва К.З., Уразгильдин Р.В., Сулейманов Р.Р. Эколого-геохимические особенности почв дубовых древостоев и аккумуляция тяжелых металлов в листьях дуба черешчатого (*Quercus robur* L.) в

условиях нефтехимического загрязнения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16.№5. С. 58-65.

Розанов Б.Г. Морфология почв. Издательство: Академический проект, 2004 г., 432 с.

Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Учёные записки. Серия географическая. Уфа, 1964. Т.16.№1.

Эволюция почв и почвенного покрова. Теория, разнообразие природной эволюции и антропогенных трансформаций почв / Отв. ред. В.Н. Кудеяров, И.В. Иванов, М.: ГЕОС, 2015. 925 с.

А.Г. Юрченко

Издательство «Евразия»

Санкт-Петербург, Россия

Город Башкорт в Каталонском атласе 1375 года: факты и интерпретации

A.G. Yurchenko

Publisher «Eurasia»

Saint-Petersburg, Russia

Bashkort in the Catalan Atlas of 1375: facts and interpretations

The Catalan Atlas is generally viewed as: a) a portolan to which the weight of decorative details is added; and b) as a map of the world (mapa mundi). In the author's opinion, both views are mistaken. Most researchers are interested just in fragments of the atlas (for example, the Armenian monastery on Issyk Kul, the city of Pascherti in the north or the Saray on the Volga); no one has ever examined the atlas as a whole composition.

The author suggests considering the atlas as a cosmographic treatise. The language of this treatise is unusual: the space on the map is covered by signs (symbols, figures, miniatures). The cartographer is interested in two themes: an origin of the plague of 1348 and routes to countries where gold is found. If this suggestion is true, it enables one to explain a strange circumstance: why all the governors depicted on the map lived before the outbreak of plague of 1348. It is assumed that the cartographer models a situation in the world prior to the beginning of the pandemic. Historical figures on the map (Mongolian khans Janibeq, Qebeq and Kublai) are mere symbols as well as the figures of the Queen of Sheba and Alexander the Great.

The atlas has a three-part structure which resembles that of the world chronicles: the preamble indicates the world creation, then the image of the terrestrial surface follows; further, in the east, behind the symbolical border marked by high mountains, the Gog and Magog kingdom is represented. The three-part structure of the space on the map corresponds with the three-part

structure of time: the Time of God, who has created the Space, overflows to the terrestrial time and comes to an end with the end of human history. The atlas can be read as a futurological message.

The cartographer uses a matrix construction of the text. Janibeq's trading caravan symbolizes a «real exchange» and is compositionally connected with the other «caravan» – that of the Three Wise Men of the East. The Magi carrying gifts are the participants of the mystical exchange aimed to protect the West from major disasters such as a plague epidemic. The line of movement begins at Alexander's Barrier and then passes through the Armenian monastery on Issyk Kul and the star of Bethlehem. On the imagined vertical line, which connects Janibeq and Il-khan, the Queen of Sheba is represented in Arabia. She holds a golden sphere in her left hand (the same sphere is in Janibeq's hand). It means that the way to the real treasure leads to ports on the Indian Ocean.

The map shows way north, which was fur trade. The road began from the city of Bulgar and ended in the city of Sebur. Between them there is the city Pascherti (Bashkort). Information about this route was a trade secret. There is no other information about the city of Pascherti. The author suggests that the plague led to the death of merchants and the cessation of trade.

Key words: Catalan Atlas of 1375, Cresques Abraham, plague of 1348, Pascherti (Bashkort), caravan routes, catalog of cities, trade secrets, fur trade

Каталонский атлас 1375 г. как исторический источник

На первый взгляд, Каталонский атлас является картой мира. Технически он состоит из шести частей, пергаменов, изготовленных из овечьих шкур; каждый пергамен был укреплен на деревянной панели (см. факсимильное издание [Der Katalanische Weltatlas, 1977]). Атлас хранится в Национальной библиотеке Франции (MS. Espagnol 30). Суммарный размер атласа составляет 300 на 65 см. Имя картографа известно – это Крескес Авраам (1325–1387), личный «мастер карт мира и компасов» короля Педро Арагонского (1336–1387) [Новоселова, 2015. С. 91–92].

Первая панель атласа содержит тексты космологического и космографического характера, вторая – календарь с астрономическими данными и астрологическими выкладками. Изображение на третьей и четвертой панелях является портоланом. Термином *portolano* обозначаются навигационные компасные карты с подробным изображением акватории Средиземного и Черного морей. Собственно это и есть типичная морская карта, мало отличающаяся от лучших образцов венецианской и геновской картографических школ. На пятой и шестой панелях изображены улусы Монгольской империи, Индия и острова пряностей. Портолан отличался от карты мира (*mapa mundi*) не только функционально, но и стоимостью изготовления. Цена навигационной карты составляла примерно 2 барселонских фунта или 4 арагонских

флорина (0,013 кг золота), а цена карты мира, созданной Крескесом Авраамом, могла достигать 140 арагонских флоринов (0,510 кг золота) [Новоселова, 2015. С. 92].

Портоланами пользовались морские капитаны. Заказчики Каталонского атласа к двум панелям портолана добавили еще четыре, две из которых несут изображение Центральной Азии, Индии и Китая. Таким образом, портолан был превращен в карту мира. Две других панели содержат тексты о сотворении мира и изображение мироздания, включая сферу семи планет и зодиак. В итоге можно говорить о превращении карты мира в космографию.

«Вначале морские карты, по самой природе своей, существовали вне академического круга и одновременно вне свободного обращения, — полагает историк Ллойд Браун, — Они были чем-то гораздо большим, чем просто пособием по навигации; если говорить в целом, то они были ключом к империи, открывали путь к богатству. Путь к богатству редко показывают другим, поэтому на ранних стадиях развитие морских карт проходило за плотной завесой тайны. Нет сомнений в том, что полное исчезновение всех морских карт раннего периода прямо связано с их тайной природой и с тем огромным значением, которое они порой приобретали в качестве мощнейшего политического или экономического оружия» [Браун, 2006. С. 185].

Если так ценились портоланы, то какова же ценность атласа, включающего помимо акватории Средиземного и Черного морей карту Азии с городами, фигуры семнадцати правителей и два футуристических фрагмента на краю мира. Фигуры Александра Македонского и царя Гога и Магога окружены непроходимыми горами, что означает их непричастность к реальности XIV в. Рядом, за непроницаемой горной преградой, в каком-то особом времени открывается сцена, поясняемая цитатой из Исайи (Исайя. 66: 18–19). Речь идет о возвещении славы Бога народам на дальних островах, ранее вообще не слышавших о Боге.

Кажется, картографу и заказчику атласа представлялось важным постичь неразрешимые тайны Бога, а Земля и Вселенная — это пространство, где разворачивается мистерия. Перед нами космографический трактат, посвященный некоей важной проблеме, соразмерной масштабу мира. Необычен язык трактата: картографическое пространство покрыто знаками (символами, фигурами, миниатюрами). Их следует рассматривать как пиктограммы. Теоретически у знака может быть несколько значений, однако в атласе знаки расставлены в определенной системе и привязаны к географическим реалиям. И то и другое позволяет установить четкое содержание пиктограмм. Как бы ни был важен знак сам по себе, определяющим является его местоположение на карте. При наличии словаря символов Каталонский атлас можно прочитать как текст.

Собственно, первая панель атласа по форме и содержанию является привычным для нас письменным текстом. Я предлагаю прочитать как текст и картографические части атласа. Неслучайно, на карте все без исключения миниатюры сопровождаются пояснительными надписями, что выглядит избыточным. Сопряжение двух знаковых систем (миниатюр и глосс) дает основание говорить о космографическом трактате в форме иллюстрированного текста. Трактат не прочитан по сей день, поскольку отсутствуют общепризнанный словарь символов и ключ к композиции атласа. Многоуровневый текст пробуют читать как плоский и, как правило, интересуются каким-нибудь небольшим фрагментом (будь то армянский монастырь на озере Иссык-куль, город Pascherti на реке Эдил или город Singuj, который трактуют как древнее название Тюмени). При такой установке не раскрыть ни содержание фрагмента, ни замысел картографа. Более того, отдельные части атласа были сочтены «полезными», а другие – «декоративными» [Мартынюк, 2008. С. 79]. С тех пор как саратовский краевед Ф.Ф. Чекалин в 1889 г. опубликовал прорисовку небольшого фрагмента пятой панели атласа (территория Золотой Орды), ею продолжают пользоваться по сей день. Вернем картине ее исходную полноту, чтобы обозначить важные характеристики атласа как исторического источника.

Каталонский атлас 1375 г. является единственной европейской картой мира XIV в., на которой целиком представлена Монгольская империя от Желтой реки до Дуная. На карте изображены города и правители всех четырех улусов Монгольской империи, в том числе и территория Золотой Орды, куда включены Русские земли, Поволжье, Крым, Кавказ и Сибирь.

Поразительно выглядит осведомленность Крескеса Авраама, отметившего флагами с гербами политическую принадлежность нескольких сотен городов Евразии от Испании до Китая. Достоверность гербов городов и княжеств Европы и Малой Азии подтверждается гербами на монетах правителей XIV в. Ханы улусов Монгольской империи наделены картографом воображаемыми гербами, которые воспринимались в Европе как достоверные. Города с такими гербами маркируют на карте земли и границы монгольских государств. В частности, на северо-востоке Золотой Орды видим город под названием Сибирь (Sebur); над ним флаг с гербом хана Узбека (джучидская тамга с полумесяцем –); на востоке – город Ургенч (Ciutat d'Organci) под таким же флагом. Ордынскую эмблему сконструировали генуэзцы, заимствовав изображение тамги с джучидских монет, а полумесяца – с ханской пайцзы. Знаки сконпонованы по правилам европейской геральдики с целью символически обозначить фигуру хана Узбека на консульских плитах Каффы [Юрченко, 2018. С. 140–143]. Герб хана Узбека, ставший гербом Золотой Орды – один из элементов словаря символов картографа.

Определимся с целями и задачами исследования.

Предмет исследования: источники сведений картографа о городах. Достоверный характер сведений о городах Золотой Орды сомнений не вызывает, поскольку карта создана для представителей финансовой и политической элиты Италии (возможно, Флоренции), интересовавшихся реальным положением дел и в Орде, и на всем континенте.

От генуэзской торговой фактории Каффа в Крыму начинался сухопутный торговый путь в Китай. Это был путь к богатству. Европу интересовали специи и пряности, шелка, жемчуг и другие престижные вещи. Не случайно на карте изображен хан Джанибек (1342–1357) с золотым шаром в руке. Этот предмет символизирует богатство. Золотой шар держат в руках еще пять персонажей, причем все они располагаются вдоль южной границы атласа. Первый – это султан Муса (1200–1218), царь Мали, властелин Страны золота, далее следует легендарная царица Савская, за ней – правитель Южной Индии, царица острова Ява и правитель Цейлона. Географически – это Северная Африка, Аравия, Индия и острова Южных морей. Реальное и воображаемое золото мира находилось в этих областях. Однако для европейцев прямые пути в Индию были закрыты. Пять фигур маркируют возделенные входы в недоступные зоны. Шестая фигура, хан Джанибек, открыл европейским купцам путь к богатствам Китая. Рядом с ханом изображен большой торговый караван. Содержание миниатюры раскрывает надпись: *Aquesta caravana és partida del imperi de Sarra per anar a Alcatayo* – ‘Этот караван принадлежит правителю Сарая и направляется в Китай’. Столица – город Сарай («Дворец») – обозначен графическим символом восточного города в низовьях Волги, над ним флаг с джучидской тамгой и полумесяцем. Известно, чем закончился этот кратковременный расцвет континентальной торговли. При хане Джанибеке в 1348 г. в Европу пришла чума [Юрченко, 2009. С. 492–498]. Ни в одной из надписей в атласе о чуме не говорится ни слова. Тема чумы представлена в двух символических композициях.

В итальянской торговле с Золотой Ордой престижные товары из Китая по объему значительно уступали местным и региональным товарам (зерну, шкурам, мехам), что также нашло отображение на карте. Речь идет о пути из Булгара в Югру, по которому на мировой рынок поступали меха. Одним из пунктов этого пути был город Pascherti (Башкорт).

Каким способом известия о городах и странах попадали в руки картографов? Из возможных ответов следует исключить личные странствия. Такие путешествия стоили бы слишком дорого и не дали бы искомого результата. Создание политических карт мира было под силу финансовым центрам (торговым домам) Генуи, Венеции и Флоренции, а также службе государственной разведки империи Юань. В обоих вариантах сведения собирались с помощью специальных опросов купцов и

дипломатических агентов. Далее, сведения структурировались в виде каталогов (городов, гербов, товаров и т. д.). Таким образом, решались две взаимосвязанные задачи: сбор и перепроверка известий. Подчеркну еще раз, интерес для торговых домов представляли не частные свидетельства, а их сумма. Политические карты мира являются производной от коммерческих и дипломатических архивов. Инструментарий картографа включал и сборники гербов; с помощью этих эмблем описывались свои и чужие культурные миры [Черных, 2010. С. 120]. Полагать, что картограф Крескес Авраам лично переговорил с сотней купцов, дипломатов и миссионеров, и узнал от них о портах на Красном море, городах Хорасана и легендарном христианском правителе Нубии и его гербе, такая же нелепость, как и теория проф. Френсис Вуд о том, что Марко Поло не был в Китае, а рассказы о владениях великого хана услышал в тавернах Константинополя.

Как в Европе осуществлялся первичный сбор сведений о мировой торговле, показывает трактат «Pratica della mercatura» флорентийца Франческо Бальдуччи Пеголотти (1275–1345) [Evans, 1936]. Он был представителем торгового дома Барди на Кипре и смог собрать воедино обширную информацию о состоянии рынков в различных землях и городах тогдашнего света, условиях обмена, единицах измерения, денежных системах, курсах обмена одного типа монеты на другой от Лондона до новой столицы Китая – Ханбалыка (Cambalech, *тур.* Khân Bâliq ‘город хана’). В трактате есть и описание сухопутного пути из Сарая в Китай, география которого показана в Каталонском атласе. Если трактат Франческо Пеголотти можно обозначить как сумму известий, то атлас Крескеса Авраама демонстрирует выход на другой уровень обобщения – к картине мира. Задаваясь вопросом, откуда картограф почерпнул сведения о городах, не следует упускать из виду и вопрос о тех, кто в Европе XIV в. интересовался реальной, а не церковной картиной мира. Сведения о караванных путях, городах и правителях были важным ресурсом в деятельности финансовой элиты.

Торговый дом мог предоставить картографу секретные сведения лишь в критической ситуации. По моему предположению, такая ситуация возникла в Европе после пандемии чумы середины XIV в., нарушившей торговые коммуникации на евразийском континенте. Каталонский атлас 1375 г. появился как результат объективации тревожных ожиданий: предполагалось, что третья волна пандемии окончательно разрушит мировой обмен. Банкирские дома полагали, что контролируют континентальную торговлю, но некая неподвластная им сила, открыв путь чуме, смешала все их планы. Атлас демонстрирует стремление преодолеть растерянность перед лицом всеограшающего вызова. Отсюда интерес картографа или заказчиков атласа к исходной ситуации, до того, как в мир

пришла чума, что и объясняет изображение правителей – великого хана Хубилая, Джанибека и чагатайского хана Кебека – живших до хронологического рубежа середины XIV в. Как видим, дело не в консерватизме традиции, а в выборе определенного символического инструментария.

Помимо рациональной составляющей (фигур правителей и городов) карта насыщена символическими сюжетами и сценами, связанными с завершением земной истории. Есть в ней и уровень, который условно можно обозначить как мифическая география. Не стоит Каталонский атлас 1375 г. воспринимать как заурядный исторический источник. Если доверять размышлениям Л. Брауна о секретном характере карт, то атлас вообще не должен был попасть в руки исследователей.

Атласом пользовались следующим образом: все его шесть частей непременно должны были лежать на столе, в отличие от церковных карт, висевших на стенах. Обходя стол по кругу, наблюдатель обходил мир. Дело в том, что изображения и надписи выполнены таким образом, что наблюдатель, двигаясь вокруг карты, видит их в естественном положении. Этот же мастер изготовил и круглый вариант атласа, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент (находится в библиотеке музея Топкапи в Стамбуле, п. 1828).

Вернемся к заявленной теме. Мне известно содержание дискуссии между Н.А. Мажитовым и В.А. Ивановым. Суть спора сводится к вопросу, есть ли основания рассматривать городище Уфа–II как средневековый город Башкорт? [Мажитов и др., 2007. С. 39–44; Иванов, 2012. С. 404–414]. Аргументация участников дискуссии строится исключительно на археологическом материале; отсылки к фрагменту Каталонского атласа с изображением города Башкорт взяты из вторых рук, из чего следует, что с оригиналом карты оба исследователя не знакомы. Иными словами, атлас не был задействован ими как самостоятельный и полноценный исторический источник. Позже к дискуссии подключился И.В. Антонов с анализом письменных известий о городе Башкорт [Антонов, 2013. С. 29–33]. И.В. Антонов, со ссылкой на книгу А.В. Псянчина [Псянчин, 2001. С. 71], пишет, что в Каталонском атласе есть две надписи: Pascherti и Paschertij, и приходит к заключению, что картографы различали понятия «город башкир» и «народ башкир». На самом деле, в атласе есть только одна надпись около значка, означающего город: Pascherti.

Таким образом, имеется настоятельная потребность обратиться к оригиналу атласа с целью дать картографическое описание фрагмента с изображением города Башкорт и определить источник этих сведений.

Задача исследования: представить картографический фрагмент с городом Башкорт не региональной (краеведческой) темой, а, напротив, в геополитическом контексте карты мира, каковой и является Каталонский

атлас 1375 г. Для этого следует обсудить замысел картографа. Я рассматриваю атлас как законченный авторский проект, а не набор случайных элементов. Именно поэтому важен вопрос об источниках сведений картографа. Заказчики могли предоставить ему сведения о караванных дорогах или морских портах, что, однако, было недостаточно для создания карты мира. Так, в Индии вдоль береговой линии показаны только порты, и ни одного города в глубине. Аналогичным образом представлена цепочка городов от истоков Волги до ее дельты. Иными словами, в аспекте торговых коммуникаций атлас отражает интересы заказчика. Другая часть сведений — о Мидии, Армении, Грузии, Халдее и Месопотамии, взята Крескесом из исторического трактата Гайтона [Hayton, 1906. I]. Карта городов Китая заимствована им из книги Марко Поло. Мастерство картографа заключалось в комбинации разнородных фрагментов (более подробно см.: [Юрченко, 2010. С. 57–97]).

Цель исследования: разъяснить причину появления в атласе города Башкорт и обрисовать его географическое местоположение и статус. На карте он обозначен символом города под названием Pascherti.

Предметом интереса заказчиков карты были торговые пути, главный из которых вел из Генуи и Венеции в Китай. Ключевые пункты этого пути перечислены в тексте, известном как «Тосканский Аноним». Дорога начиналась с Таны, что на Дону, далее до Хаджи-Тархана и Сарая на Волге; маршрут проходил через Сарайчик, Ургенч, Отрар, Алмалык, Камесу (в Тангуте), и заканчивался в Кассе и Ханбалыке. Путь до Китая занимал 284 дня [Bautier, 1970. P. 315–316].

Помимо пути с Запада на Восток, в атласе показан путь с Юга на Север. На карте город Башкорт вписан в цепочку торговых факторий от Булгара на север, последним пунктом которой был город Sebur (Сибирь). В.Л. Егоров идентифицирует Себур с городищем Искер на Иртыше близ современного Тобольска [Егоров, 1985. С. 131]. А.П. Зыков опровергает эту гипотезу [Зыков, 1998. С. 22–24].

В атласе вдоль реки Едил (Волга и ее приток Кама) изображены пять городов: Jornan, Ciutat de Marmorea, Pascherti, Fachatim, Sebur. Последнее название относится и к горам, под которыми имеется поясняющая надпись: *Los munts de Sebur on neix lo gran fluvi Edil* – ‘Горы Себур, где рождается великая река Едил’. Несомненно, здесь представлена точная и детальная информация. Но она носит конспективный характер. Видимо, в реальном вопроснике присутствовали сведения коммерческого свойства, описывались способы передвижения, особенности обмена, иными словами, все то, что выяснил Ибн Баттута, расспрашивая болгарских купцов о пути в «страну мрака». Для картографа, вернее, для заказчиков карты, здесь не было загадки. У них была полная картина. Нам же открыта только часть сведений, их внешний отпечаток в виде маршрута. Переводя тему в

источниковедческий план, констатируем, что для постановки научной проблемы, связанной с городом Pascherti, не хватает независимого текста с описанием маршрута.

Поясню эту мысль на конкретном примере. Помимо главной для европейских купцов сухопутной дороги в Китай, в Каталонском атласе показан и маршрут Марко Поло в Китай через Персию, Ваханский коридор на Памире и оазисы Таримского бассейна (у северных предгорий Тибета). В реальности оба пути соединялись в указанных оазисах. На карте же видим невообразимую ситуацию. Крескес Авраам соединил северный путь в Югру с восточными городами Таримского бассейна и Тангута (Camull, Siacur, Singuj, Jachion, Sugur, Cigicalas – все названия взяты им из книги Марко Поло). Город Camull, расположенный рядом с городом Sebur, маркирован флагом с гербом в виде трех красных полумесяцев. Это (воображаемый) герб великого хана Хубилая. В реальности владения Золотой Орды и империи Юань не соприкасались. Sebur не был соседом Camull. Северный путь в Югру ни при каких условиях не мог привести в Тангут. Их соединение, конечно же, является грубой ошибкой, но для нас это «говорящая» ошибка. Она свидетельствует о первой попытке осмыслить в картографическом плане сведения о торговых путях из разных источников. Попытка неудачная. У Крескеса не было опытного консультанта, знающего все пути и способного изобразить схему дорог. Самое же любопытное, что такая же путаница с маршрутами и в расспросных сведениях египетских ученых.

В чём преимущество широкого обзора по сравнению с точечным анализом? Так, Camull обозначен в атласе пиктограммой «восточного города»; подробное описание этого города имеется в книге Марко Поло. Иными словами, у Крескеса под рукой была «картотека» городов: если мы видим на карте значок города с названием, это означает, что у картографа имелось и надежное описание города с маршрутной привязкой. Это наблюдение применимо и к цепочке торговых факторий вдоль реки Эдил, включающей город Башкорт. Изображение городов в атласе не было праздным занятием или декорацией пространства.

Интересно и другое. Если сравнить географическую номенклатуру письменных источников с городами в атласе, то увидим следующую особенность. В атласе на торговых путях указано больше городов, чем в купеческих путеводителях. В частности, на ответвлении пути от Ургенча к Каспийскому морю на побережье изображен город Trefargo; над ним флаг с гербом хана Узбека. Однако в письменных источниках этот город не упоминается. Иными словами, картограф владел большим объемом сведений о городах, нежели авторы широко доступных путеводителей. Мы вновь упираемся в тему закрытого каталога городов, будь то пункты на магистральных путях, или на их ответвлениях, каким был путь в Югру.

Гипотеза: сведения о городе Башкорт в Каталонском атласе 1375 г. связаны с устными рассказами купцов, ведущих торговлю с Югрой.

Научная проблема заключается в следующем: тождество большей части городов Золотой Орды, обозначенных в Каталонском атласе, с археологически известными городищами остается спорным. К числу таких городов относится и Башкорт. Разгадка города Башкорт возможна только при широком взгляде на ситуацию. Речь идет о торговых коммуникациях между Нижней Волгой и Уралом, игравших исключительную роль в поставке мехов на рынки Ближнего Востока, Персии и Китая. Мех использовался и в качестве дипломатических даров. Об этом говорится в сочинении египетского историка Таки-ад-дина Ахмада ал-Макризи (1364–1442): «В ша‘бана 758 года (20 июля – 18 августа 1357 г.) прибыли послы султана Джанибека, сына Узбека, и навстречу им выехало с большим парадом войско эмиров, мамлюков, воевод и гвардейских солдат. Они (послы) представились султану и поднесли ему подарки, которые были с ними и заключались в невольниках, собольих мехах и хищных птицах» [История Казахстана, 2005. С. 312]. Из переписки вазира Рашид-ад-дина с управителями Тебриза и Ширвана следует, что для нужд двора ильхана ежегодно требовалось 2,5 тысячи собольих воротников, меха на подбивку шуб – 300 связок и горностая – 500 связок [Рашид-ад-дин, 1971. С. 237]. Напомню также расспросные сведения Ибн Баттуты: «Горностай – лучший сорт мехов. В индийских землях шуба из него стоит 1000 динаров, т. е. по размену на наше золото 250 [динаров]. Он чрезвычайно бел [и происходит] от шкуры маленького животного, длиною в пядень. Хвост у него длинный, и его оставляют на шубе в своем виде. Соболь ниже его; шуба из него стоит 400 динаров и меньше того. Одна из особенностей этих шкур та, что в них не забираются вши. Эмиры и вельможи китайские сплошь покрывают свои шубы вокруг шеи одной шкуркою его (соболя)». При таком спросе на меха следует предполагать жесткую конкуренцию на рынке и сокрытие сведений об исходных пунктах обмена, что и демонстрируют доступные нам письменные источники.

Город Башкорт фигурирует и на портолане венецианских мастеров Франциска и Доминика Пицигани (1367 г.). Венецианцы использовали иные источники, нежели Крескес, что является косвенным свидетельством достоверности европейских известий о Башкорт. В каких-либо других текстах этот город не упоминается. Для прояснения географического контекста нам придется обратиться к известиям об области Башкард. А также привлечь для анализа вторичные для нашей темы археологические источники, свидетельствующие о торговле мехами севернее Булгара (клады монет, серебряных слитков и дорогих сосудов, служивших предметом обмена [Маршак, 2006. С. 79–80; Хан, 2002. С. 156–162]). Они обретают первостепенное значение лишь в контексте засекреченности

исходных пунктов торговли мехами. Ситуация выглядит так: мы знаем стоимость мехов в Персии, Индии и Китае, но не знаем об их стоимости в начальной точке обмена и не ведаем о цепочке посредников.

Есть и несколько частных вопросов. Остается загадкой, почему город Башкорт не упомянут в рассказе Ибн Баттуты о странствиях богатых купцов, закупавших мех соболя и горносталя в «стране мрака». Аналогичным образом в письме францисканца Иоганки, направленном генералу ордена брату Михаилу из Чезены в 1320 г., упоминается Баскардия, в которой проповедовали францисканцы, но не говорится о городе Башкорт. Эти вопросы кажутся трудными лишь вне контекста темы мировой торговли. Ибн Баттута знает о торговле мехом все, кроме маршрута купцов на север, поскольку последнее относилось к секретам ремесла (для непосвященных это, действительно, «страна мрака»). А у францисканца Иоганки узкий горизонт восприятия мира; ср. с письмом испанского францисканца Пасхалия, который проехал от Сарая до Алмалыка. Пасхалий сообщает только о своей миссионерской деятельности [Хаутала, 2016. С. 40–41]. Описания Алмалыка – резиденции ханов Чагатайского улуса – у Пасхалия нет.

Следует отдавать себе отчет в том, что картографический фрагмент атласа с изображением города Башкорт является вторичным источником; первичным могла быть предполагаемая картотека городов, либо же археологический объект (городище), если бы имелась возможность доказать их тождество. Не существует надежного метода идентификации средневековых городищ с топонимами исторических текстов. Достаточно обратиться к материалам дискуссии о местоположении золотоордынских городов: Гюлистана (Царевское городище около с. Царево Волгоградской области), а также Старого и Нового Сарая (Селитренное городище Астраханской области) [Евстратов, 1997. С. 88–118]. Здесь налицо все необходимые элементы: исследованные археологами городища, богатый нумизматический материал, изображения ордынских столиц на европейских картах, письменные свидетельства с рассказами путешественников, миссионеров и географов. Тем не менее, победителя в дискуссии нет. В случае с Башкортм ситуация вообще непроницаема, поскольку в нашем распоряжении есть только две карты.

Вторичными источниками являются и известия средневековых арабских энциклопедий, где кратко упоминаются названия северных областей Евразии.

Современник хана Узбека, Ибн Фадлаллах ал-‘Умари (1301–1349), египетский чиновник и ученый, государственный секретарь при султানে ан-Насире, в своей обширной энциклопедии «Пути обозрения государств с крупными городами» несколько строк уделил географии «царства Кыпчакского», т.е. Золотой Орды. Ал-‘Умари передает рассказ купца Бадр-

ад-дина Хасана ар-Руми. Арабский текст был издан и переведен В.Г. Тизенгаузенем; поправка в чтение топонимов внесена лингвистом В.В. Напольских.

«Границы этого государства со стороны Джейхуна [Амударьи]: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Себер и Ибер, Башкард и Джулман; потом за Джулманом границы владений Себер и Ибер прикасаются пределов земель Хатайских. Город Баку, говорил он, один из городов Ширванского края, и близ него Железные Ворота, которые тюрки называют Демиркапу. От Железных Ворот, которые означают город Баку, до пределов Хатайских земель со стороны Себер и Ибер караван бывает в пути 5 месяцев. Это длина этого государства, а от реки Джейхуна до реки Дуная – ширина этого государства. Из больших рек в этом государстве известны Сейхун, Джейхун, Дунай, Итиль, Яик, Дон и Торлу <...>. Между Булгаром и Афаткуном, говорит он, расстояние 20 дней обыкновенной ходьбы. Слово *касаба* по терминологии персов значит ‘маленький город’. За Афаткуном, говорил он, Себер и Ибер, потом за ними земля Джулман. Когда путешественник едет от Джулмана на восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее – в землю Хатайскую, в которой Великий Кан. Это (одна) из земель китайских (Син). Когда же путешественник, говорил он, едет на запад от него [Джулмана], то он приезжает в землю русских, потом в страну франков и к обитателям Западного моря. В настоящее время, говорю я, пребывание Великого Кана – Ханбалык. Страна Себерская и Джулман, продолжал он [Хасан ар-Руми], прилегают к башкардам. В земле башкардов (находится) мусульманский кади, пользующийся почётом. В землях Себерских и Джулмане сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев» [Напольских, 2006. С. 66–67].

Комментарий В.В. Напольских к топониму *Джулман* показывает, что убедительной трактовки не существует, а представления купца Хасан ар-Руми о географии Севера не отличаются ясностью. Перевести их в графический ряд на карте не получается. Так, сообщается, что путь через области Себер и Ибер, Башкард, Джулман и далее на восток ведет в Каракорум. Такую же картину видим и в атласе: от Башкорта до Себура и далее, через оазисы Таримского бассейна, в Тангут и к берегам Северного океана. Даже если у Хасана ар-Руми имелось понимание, что границы владений Себер и Ибер соприкасаются с пределами земель Хатайских, то возможность проехать от Джулмана к Каракоруму в его устах, скорее всего, метафора, некая линия на схематичной карте. Рассказ Хасана ар-Руми является частным свидетельством; у ал-‘Умари не было ни цели, ни мотивации перепроверить эти сведения. В содержательном плане они уступают картографическому фрагменту в атласе.

Перед нами вырисовывается нерешаемая научная задача, поскольку отсутствует надежный критерий для проверки итоговых результатов. Тем не менее, очевидно и другое: сведения о городе Башкорт в Каталонском атласе являются значимым историческим свидетельством. И здесь не все так безнадежно. Существует корпус латинских текстов XIV в. (документы генуэзской и венецианской торговой политики на Востоке) не исследованный на предмет путей через Башкорт на север. Чтобы задать свои вопросы картографу и получить ответы, следует выявить содержание знаков, которыми оперирует автор карты.

Анализ композиции

Европейских королей XIV в. мало интересовали Китай или остров Цейлон, а средиземноморских капитанов не манили берега Индокитая. Торговцев, следующих из Генуи или Венеции сухопутными дорогами в Китай, вполне устраивали купеческие дорожники, панорамный обзор мира им был ни к чему. Над купцами довлеют частные интересы, у миссионеров узкий культурный горизонт (см., например отчеты францисканцев о Крыме, составленные в 1332 г. [Хаутала, 2014. С. 87–110]). И что существенно, те и другие ощущали себя чужестранцами на Востоке. Каталонский атлас, напротив, открывает Азию во всей ее полноте. В чем же замысел этого проекта? Было бы странным счесть изображение Монгольской империи декорацией. Другая крайность – искать здесь отражение исторической реальности (или подтверждение наших представлений об этой реальности).

Обратимся к миниатюре в центре пятой панели, где изображены три волхва, следующих за вифлеемской звездой; они на конях и в царских коронах. Всадники движутся по стране под названием Тарсия (TARSSIA), но такой страны в реальности не было. К миниатюре на карте есть пояснение: *Aquesta pruvíncia és appellada Tàrssia de la qual axiren los ·III· reys fort savis, e vangueren en Batlem de Judea ab lurs dons e adoraren Jhesuchrist, e són sebolits en la ciutat de Cologna a dues jornades de Bruges* – ‘Эта провинция называется Тарсия. Отсюда отправились в путь три мудрых царя, и пришли они с дарами в Вифлеем, что в Иудее, и поклонились Иисусу Христу; похоронены же они в городе Кёльне, что в двух днях пути от Брюгге’.

На атласе Тарсия занимает пространство от Северной Индии до Персии. Что это за страна на карте Монгольской империи, неизвестная ни Марко Поло, ни вазиру и историку ильханов Рашид-ад-дину? Ответ заключен в ее названии: Тарсия. В «Поэме о скрытом смысле» Джалал-ад-дина Руми (1207–1273) христиане обозначены термином *тарсайан* – букв. «страшащиеся (Бога)» – от перс. *тарс* – «страх», устойчивое персидское определение среди мусульман для идентификации христиан [Джалал ад-дин Руми, 2007. С. 44]. Отсюда следует, что Тарсия – некая христианская

страна, но это воображаемый топоним. Своим происхождением католическая утопия обязана существованию в Центральной Азии несторианских общин. Неизбежен вопрос, с какой целью Тарсия появилась на карте? Для разгадки замысла картографа необходимо найти связь между царями-волхвами и другими изображениями.

Изображение торгового каравана, следующего из Сарая в Китай, строго симметрично изображению трех волхвов-всадников на этой же панели. Картину усложняет фигура царя Гогов и Магогов. На карте это третий всадник и за ним движется войско Судного дня. Кажется очевидным, что картографа занимала не евангельская легенда, – за царями-волхвами, в чьих руках находились все богатства Востока, он прозревает всадников Апокалипсиса. Итальянские банкиры, участники мировой торговли с Монгольской империей, знали, что пути, по которым к ним текли богатства, привели в Европу Черную смерть. Миниатюра с торговым караваном, идущим в Китай, вовсе не декорация, караваны – та сила, что открыла путь чуме. Нейтрализовать ее должна другая сила. И она изображена в атласе, это цари-волхвы. Напомню, что в композициях «Поклонение волхвов» эпохи Треченто волхвов сопровождают великолепные караваны с восточными сокровищами. По наблюдению И. Пикаловой, «поклонение родившемуся Господу превращается в изящную, полную реальных подробностей сказку, прославляющую блеск придворного празднества. Костюмы волхвов и сопровождающей их свиты отличаются роскошью, они разодеты в парчу и бархат по придворной моде того времени, в то время как сам виновник торжества зачастую оказывается на втором плане. Подобной трактовке могли способствовать праздничные театрализованные шествия волхвов, которые регулярно проводились во Флоренции» [Пикалова, 2006. С. 449–450]. Грандиозный праздник приношения даров призван был избавить от прошлого ужаса и страха грядущих катастроф. Потому-то праздничный сценарий поклонения новорожденному Царю Мира (младенцу Христу) и приобрел такую значимость и размах. В угоду вкусам финансовой элиты волхвы превратились в царей, поскольку в роли этих царей выступали представители этой самой элиты. В атласе торговый караван символизирует «реальный обмен» и композиционно связан с другим «караваном» – тремя волхвами, направляющимися на Запад. Волхвы, несущие восточные дары младенцу Иисусу, – участники мистического обмена, призванного защитить реальную торговлю от такого масштабного бедствия, каким стала эпидемия чумы. Три царя-волхва праздничного шествия во Флоренции и представлены в Каталонском атласе. Так вырисовывается главная композиция атласа, связывающая воедино все шесть частей карты и дающая ключ к замыслу автора.

Итальянцы, построившие торговые фактории в Крыму, полагали, что чума пришла в Европу из Китая. Вот что заставило картографа и заказчика карты всматриваться в виртуальное пространство мира, впервые ощутившего драматическое единство. Их интересовал источник и первопричина пандемии, которая с известной регулярностью вспыхивала в Средиземноморье вновь и вновь. Вспышка, которая прихлала на 1360–1362 годы, с особой силой поразила детей, другие имели место в 1366–1369, 1374–1375 гг. О волнах пандемии говорится и в персидском источнике, известном как «Муджмал-и Фасих» историка Фасиха Ахмада ибн Джалал-ад-дина Мухаммада ал-Хавафи [Фасих, с. 73–74, 88, 95].

В нашем распоряжении есть артефакт, подтверждающий обращение генуэзцев к высшей силе в поисках защиты. В Каффе в крепостные башни были вмонтированы закладные и строительные плиты с гербами консулов, Генуи и хана Узбека. В надписях указывались имена консулов, попечением которых и строились башни. На фоне десятка сохранившихся консульских плит выделяется закладная плита с именем и гербами папы римского Климента VI [Вальков, 2015. С. 174–181]. Плита была вмонтирована в башню имени Христа. Обычно плиты делались из местного известняка, эта же – из дорогостоящего, привозного материала – мрамора. Необычна и надпись: «В летах Господних 1348, в восьмой день месяца мая, когда дарована была милость Климентом папою для возвеличения Креста, была построена эта башня. Начало свое получила, основанная под покровительством Иисуса. Она всем злым на погибель, а Всевышнему во славу. Консулом был тогда Эрмирио по имени Мондини, которым поистине руководил Христос. Да охраняет Бог эту башню, под именем которого она будет всегда безопасна; ты же сейчас прославляй его». Ответ на вопрос, почему все башни в Каффе носили имена консулов, а единственная плита возведена во имя Христа, заключен в дате: 1348 г. В это время в Европе свирепствовала чума. Башня с Крестом выступает как средство магической защиты.

Разрушительные последствия чумы XIV в. не осознаются в полном масштабе. По наблюдениям Ю. Шамильоглу, исчезли тонкие структуры: прекратили существование язык волжских болгар и язык сирийских несториан в Семиречье (некому стало изготовлять надгробия с эпитафиями на этих языках [Шамильоглу, 2009. С. 686–690]). Вероятно, одним из последствий чумы стало прекращение функционирования северного торгового пути: исчезли купцы и покупатели меха. Вся цепочка городов вдоль Итиля, включая город Башкорт, пришла в упадок. По этой причине отсутствуют дальнейшие известия о Башкортке.

Как в этом контексте представлена в атласе фигура хана Джанибека? Он изображен в тюрбане, с жезлом, увенчанным пятилистником, и золотым шаром в руках, восседающим на подушке. Тюрбан – любопытная

подробность, указывающая на надежный характер источников картографа и интерес именно к персоне Джанибека. Информаторы картографа не уступают по уровню осведомленности египетским дипломатам, имевшим агентурную сеть в Золотой Орде. В летописной биографии египетского султана ал-Малик ан-Насира Мухаммада имеется рассказ о том, как Джанибек захватил власть и ввел новую моду: «Стал править государством единодержавно, повелел всем татарам (или старшинам?) надеть чалмы и ферязи и приказал не возить (более) рабов в Египет» [История Казахстана, 2005. С. 193–194]. Нововведение Джанибека и изображено на карте. Чалма также у мамлюкского султана, правителя Египта, и мусульманских царей Нубии и Органы.

Хан изображен босым, что зачастую ставило исследователей в тупик. Босоноготь означает приверженность Джанибека суфийским ценностям и демонстрирует смирение на пути к Аллаху. Поразительно выглядит чувствительность европейских наблюдателей к такого рода политическим декларациям монгольских ханов. Знаком почетной мусульманской одежды является декорирующая рукав лента (*tiraz*) желтого цвета. Она также украшает рукава одежды султанов Тебриза, Египта и Рума. С чем могла быть связана смена монгольского костюма мусульманским. В монгольской политической культуре шитый золотом элитный халат был не просто одеянием, а «халатом власти». Отказ от такого халата означал бы отказ от власти [Юрченко, 2013. С. 106–110]. Причина, побудившая монгольский двор облачиться в мусульманский костюм, должна быть исключительной. Чума и была такой причиной. Монгольский хан босой и в чалме – это попытка обмануть судьбу.

Обмануть судьбу не удалось, о чем, на мой взгляд, свидетельствует случайная находка одиннадцати филигранных предметов близ деревни Брик-Алга. Г.Н. Гарустович предположил, что эти и другие предметы принадлежали болгарским купцам [Гарустович, 2011. С. 34]. На самом деле, золотые ювелирные украшения такого класса изготавливались в государевых мастерских и поступали в распоряжение двора, минуя рынок драгоценностей. Аналогичным образом обстояло дело и с золотыми поясами и шитыми золотом халатами, которые раздавались кочевой аристократии на ежегодном курултае. В руки купцов элитные украшения, золотые пояса и халаты могли попасть лишь при серьезных потрясениях в государстве.

Подведем итоги:

1. Каталонский атлас 1375 г. является важным историческим источником при умении прочитать скрытые в нем сведения. В атласе несколько уровней информации. Первый уровень – географический (части света: Европа, Азия, Африка; порты, города, острова, моря, реки, озера, горы); второй относится к политической географии (государства, фигуры

правителей, символы власти, флаги с гербами); третий – миниатюры; четвертый – сакральная география; пятый – футурология.

Для картографа в азиатском сегменте атласа города важны не сами по себе, а как элементы торговых коммуникаций. Например, в Индии изображены только те города, что расположены на морских побережьях. На севере Золотой Орды показаны только те города, что расположены вдоль рек. Это же касается и городов в оазисах Уйгурии.

Детальные сведения о торговом пути на север из Булгара в Себур относятся к первому уровню информации. Для нынешних исторических исследований они обретают особую ценность, поскольку отличаются достоверностью, ведь они отражают интересы торговых домов, собиравших подробности о караванных путях.

2. Представленный в атласе значком «восточного города» Pascherti (Башкорт) был реальным объектом. Известия о нем получены картографом от заказчиков атласа, располагавшими информацией из секретных коммерческих архивов. Первичным источником являются устные рассказы купцов, ведущих торговлю мехами с Югрой. Их сведения перепроверены и представлены в картографической форме. Детализация торгового маршрута превосходит содержательную часть рассказов восточных купцов.

Торговля пушниной в XIV в. надежно документирована средневековыми русскими источниками, а также находками серебра и импортных чаш из драгоценных металлов. В этом плане город Башкорт можно рассматривать как торговую факторию, максимально приближенную к зоне обмена мехов на серебро. Аналогичным образом в Золотой Орде функционировали торговые фактории генуэзцев и венецианцев в Крыму и на Дону.

3. Миниатюры (торговый караван хана Джанибека, всадники цариволхвы в коронах, рухнувшая преграда Александра, сдерживающая «нечистые» народы, царь Гогов и Магогов, выступивший во главе войска в поход) составляют одну из композиций атласа, где моделируются причины и последствия мировой пандемии. С позиции заказчика атласа, чума на евразийском континенте нарушила социальный и политический порядок, что привело к замиранию торговой активности на северном участке Великого шелкового пути. Прервались коммуникации не только на главной дороге в Китай, но и на торговом пути мехами.

Список источников и литературы

Антонов И.В. К вопросу о городах на территории Башкирии в XIII–XIV веках // Вестник Челябинского гос. университета. 2013. № 36 (327). История. Вып. 58. С. 29–33.

Браун Л.А. История географических карт. М.: Центрполиграф, 2006. 478 с.

Вальков Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 368 с.

Гарустович Г.Н. Самый богатый клад золотоордынского времени в Башкирском Предуралье (Брик-Алгинское местонахождение) // Проблемы востоковедения. Уфа: АН РБ, 2011. № 3. С. 33–42.

Джалал ад-дин Мухаммад Руми. Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). Первый дафтар / Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина и др. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 448 с.

Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: Опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья // Эпоха бронзы и раннего железного века в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международ. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. Ч. 2. С. 88–118.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.

Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 22–24.

Иванов В.А. Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2012. Вып. 5. С. 404–414.

История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. Переработ. и дополн. издание. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 986 с.

Мартынюк А.В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XIV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006. М., 2008.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Средневековый город Башкорт // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2007. Т. 12. № 3. С. 39–44.

Маршак Б.И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб. Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 72–82.

Напольских В.В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2006. № 3. С. 65–75.

Новоселова В.И. Культурный глобализм средневековья: Крескес Авраам, создатель Каталонского атласа // Искусство и культура. № 4 (20). Витебск, 2015. С. 89–95.

Пикалова И. Образ королевского дара: поклонение волхвов в искусстве позднего Средневековья // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. Сб. статей. М.: Наука, 2006. С. 440–455.

Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах: История географического изучения и картографирования. Уфа: Гилем, 2001. 161 с.

Рашид-ад-дин. Переписка / Пер., введен. и коммент. А. И. Фалиной. Сер.: Памятники письменности Востока. Вып. XVII. М.: Наука, 1971. 498 с.

Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и фасихи (Фасихов свод) / Пер., предисл., прим. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.

Хан Н.А. Лопаревский клад золотоордынских монет и серебряных слитков XIV в. // Российская археология. М., 2002. № 1. С. 156–162.

Хаутала Р. Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2014. № 7. С. 87–110.

Хаутала Р. Сведения францисканских источников о католической миссионерской деятельности в Золотой Орде // Историјски часопис. Књ LXV. 2016. С. 35–43.

Черных А.П. Гербовники XIII–XIV вв. как памятники походов и путешествий // Номо viator: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: ИВИ РАН, 2010. 115–125.

Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 686–690.

Юрченко А.Г. Почему Джанибек изображен на Каталонском атласе 1375 года? // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международ. конф., посвящ. памяти проф. МГУ Г. А. Федорова-Давыдова, 30 сент. – 3 окт. 2008 г. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2009. С. 492–498.

Юрченко А.Г. Каталонский атлас 1375 года: коды и символы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 57–97.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с., 72 с. цв. илл.

Юрченко А.Г. Монгольская тамга и полумесяц на геральдических щитах Каффы // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 139–161.

Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375 nach dem in der Bibliothèque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben Mit einer Einführung und Übersetzungen von H.-Ch. Freiesleben. Stuttgart: Brockhaus, 1977.

Hayton. La Flor des estoires de la terre d'Orient / Flos historiarum terre Orientis // Recueil des Historiens des Croisades: documents arméniens. Paris, 1906. Vol. 2.

La pratica della mercatura di Francesco Balducci Pegolotti / Ed. by A. Evans. Cambridge Mass., 1936.

Points de vue sur relations économiques des occidentaux avec les pays d'Orient au Moyen Âge / Pub. par R. H. Bautier // Travaux du VI colloque internationale d'histoire maritime. Paris, 1970.

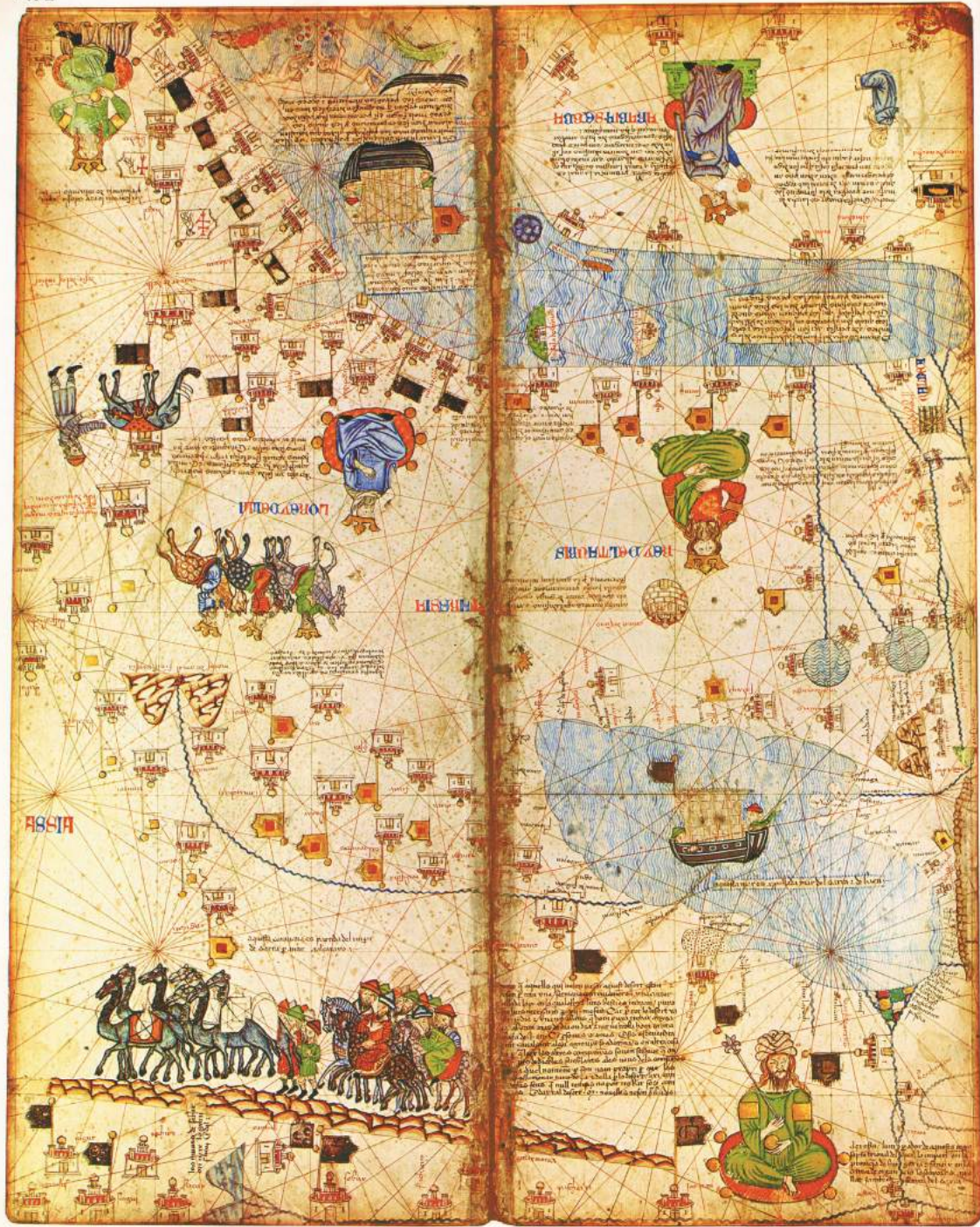

Рис.1. Каталонский атлас 1375 г. Панель 5.

Научное издание

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБЩЕСТВА ЕВРАЗИИ:
ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР**

**Международный научный симпозиум,
посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора,
академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора
исторических наук Н.А. Мажитова**

г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Ответственный редактор: Уразова А.И. (БашГУ)

Компьютерная верстка: О.С. Батурина (БашГУ)

Корректор: А.С. Проценко (ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»)

Разработка и дизайн обложки: Л.Р. Сагитова (ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»)